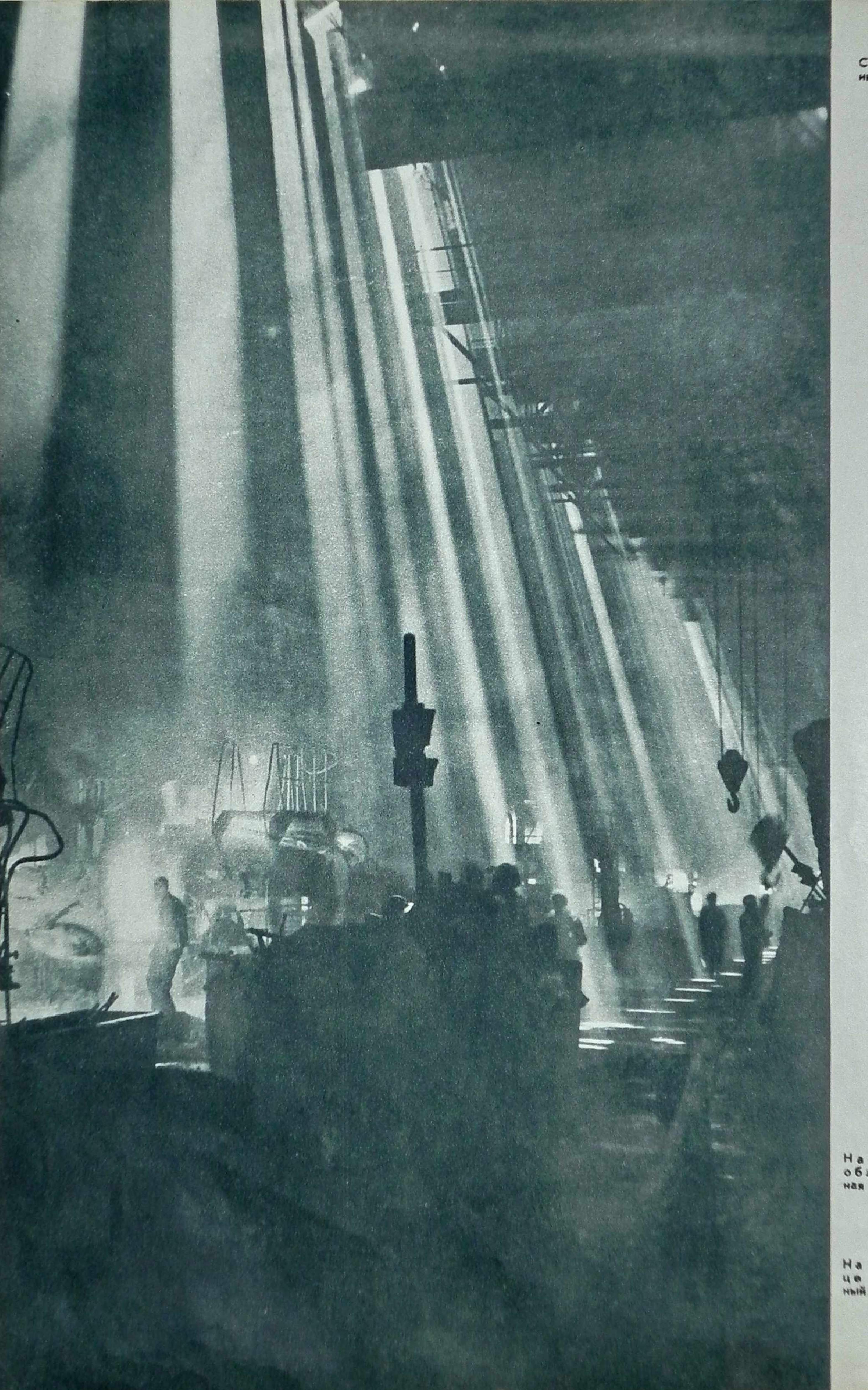

ОГОНЁК
№ 5 ФЕВРАЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сталинградский тракторный завод, сталефасонный цех.

На первой странице обложки: Новая набережная в Сталинграде. Сентябрь 1952 года.

Фото Е. Тиханова

На четвертой странице обложки: Высокогорный каток в ущелье Ала-Тау (Казахстан).

Фото Л. Доренского

ОГОНЁК № 5 (1338) 1 ФЕВРАЛЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫСОКОЕ И ПОЧЕТНОЕ ДОВЕРИЕ

Кузнецкие сталевары въезжают в новые дома. Колхозники Севана любуются новыми зданиями кинотеатра и магазина. В Горловке новорожденной улице присвоили имя «Волго-Донская». На берегу Цимлянского моря строятся дома отдыха...

Это рядовые эпизоды сегодняшнего быта Советской страны. Нет такого города, поселка или села, облик которого не изменялся бы с каждым днем. Где большая, с широкими окнами школа преобразила целый квартал. Где ровная гладь асфальта сменила ухабы и рытвины. Протянута линия газопровода к жилым домам на окраине. Плавно движется троллейбус там, где недавно громыхал трамвай.

Советы привлекают к государственной деятельности миллионные массы, выдвигают все новых и новых людей на общественную арену. Советы активно участвуют во всей нашей жизни. Результаты их работы не всегда измеряются большими масштабами. Но всегда они сказываются в одном: легче и удобнее живется советскому человеку.

Можно подсчитать, сколько новых заводов построено, сколько машин выпущено, на сколько больше школьников село за парты. Но нет никакой возможности даже примерно представить все, что сделано тысячами и тысячами Советов на необъятных просторах Родины. Где-то проедет колхозник через овражек и про себя лишь отметит: хорошо, что мост перестлали. Городской житель выйдет вечером на улицу и на миг удивится: светлее стало — фонарей прибавилось...

Выборы в местные Советы депутатов трудящихся — самая массовая из всех избирательных кампаний. Выдвигается около полутора миллиона кандидатов. Многим можно снова вручить полномочия, которыми они пользовались, но есть и такие, которые доверия не оправдали. Строгий и требовательный избиратель не выдвинет их вторично.

До выборов осталось менее месяца. Уже названы имена кандидатов в депутаты. Начался разговор избирателей с кандидатами. Наказ избирателей! Его не всегда фиксируют на бумаге, не всегда утверждают на массовом собрании. Пункты этого наказа складываются во время беседы агитатора с избирателями, при встрече с кандидатом, из письма в газету. И кандидат уже заносит пометки в свой блокнот. Приятно будет со временем написать против пометки: «Сделано»!

Великое дело строительства коммунизма не только в грандиозных сооружениях, не только в гигантских преобразовательных работах, но и в том повседневном, будничном труде, которым заняты местные Советы. Колоссальные вложения государства становятся еще эффективней, когда они подкрепляются инициативой самого населения. И если через десять лет после разгрома гитлеровцев в районе Сталинграда город-герой встает над Волгой во всей своей красе, — в этом заслуга и скромных самодеятельных бригад.

Гениальный зодчий коммунизма товарищ Сталин назван первым кандидатом в Советы депутатов трудящихся крупнейших областей и городов нашей страны. По-сталински заботиться о народном благе — главная задача каждого, кому народ оказывает высокое и почетное доверие.

НА СНИМКАХ:

Готовятся к выборам жители села Борисова, Ленинского района, Московской области. Что сделано сельским Советом, чем обогатилось село за последние годы? Оправдали ли депутаты Совета оказанное им доверие?

Борисовцы своим Советом довольны. Многое сделано для колхозного производства, многое — в области культуры.

Колхоз имени Ленина владеет теперь отличной свинофермой. На верхнем снимке: председатель Борисовского сельсовета Анна Ивановна Лохина и депутат Совета заведующий свинотоварной и коневодческой фермами Алексей Федорович Садов.

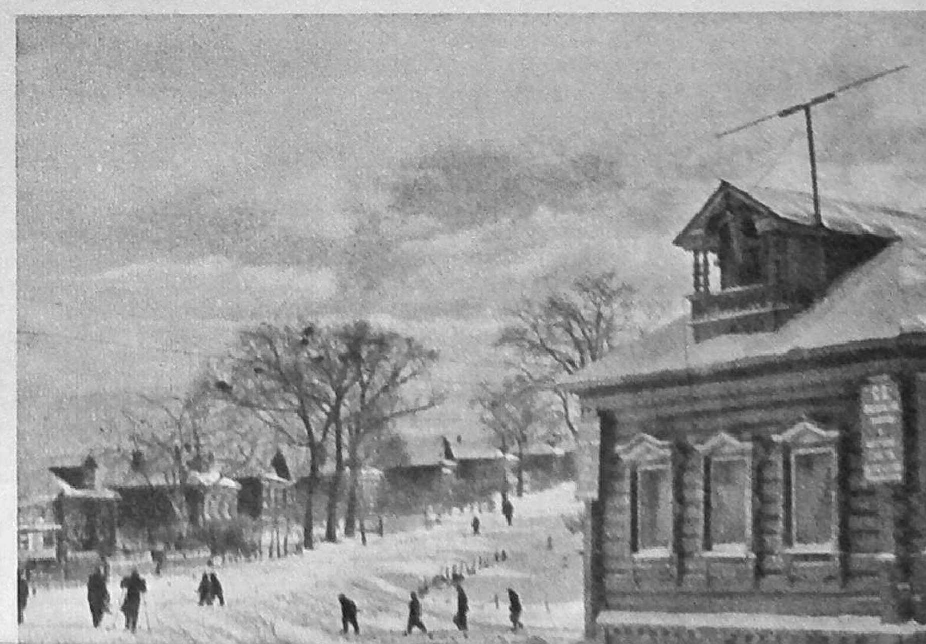
Сельский Совет постоянно заботится о школе. На снимке слева: депутат сельсовета директор школы Евфросинья Алексеевна Королева с учениками младших классов.

Недавно в селе построен Дом агронома (снимок справа).

А. И. Лохина, А. Ф. Садов и Е. А. Королева вновь выдвинуты кандидатами в Борисовский сельский Совет.

Фото Б. Кузьмина

СТАЛИНГРАД

В. И. ЧУЙКОВ,
генерал армии

Десять лет назад, 2 февраля 1943 года, в 2 часа дня, в районе завода «Баррикады» и заводского поселка из множества орудий был сделан последний артиллерийский залп, возвестивший всему миру об окончании величайшего в истории войн сражения у стен Сталинграда, о великой победе советского народа, о полном разгроме отборной гитлеровской армии.

Победа Советской Армии под Сталинградом была венцом военного искусства, примером совершенства передовой советской военной науки, торжеством сталинской стратегии и тактики, триумфом гениального стратегического плана и мудрого предвидения товарища Сталина.

В битве за Сталинград наиболее ярко проявилось сталинское искусство сочетания активной обороны с подготовкой контрнаступления гигантского масштаба.

Как известно, сталинский стратегический план был блестяще осуществлен. История войн не знала подобных примеров окружения и уничтожения столь большого количества регулярных войск, до предела насыщенных современной военной техникой.

В гигантской битве под Сталинградом основная тяжесть по обороне города-героя легла на 62-ю армию, на которую 12 сентября 1942 года Верховное Главнокомандование возложило непосредственную оборону города. Незадолго до этого сформированная в Сталинграде 62-я армия уже в течение двух месяцев вела ожесточенные бои с противником на ближних подступах к городу и показала высокие боевые качества и мастерство всего личного состава.

В последующих жестоких уличных боях, не прекращавшихся ни на один час в течение 143 дней, 62-я армия явила всему миру величественный пример несгибаемой стойкости, железного упорства и мужества советских людей и полностью оправдала высокое доверие партии и правительства.

62-я армия вписала блестящую страницу в историю военного искусства. Она выработала свою тактику городских боев и, выдержав неимоверно тяжелые испытания в период обороны города, затем показала свои блестящие качества и в наступлении.

Опыт городских боев, накопленный 62-й армией, впоследствии был использован советскими войсками в сражениях за Будапешт, Берлин и другие города, освобожденные Советской Армией от гитлеровского рабства.

* * *

Сталинградская битва явилась величайшим испытанием моральных и физических сил народа. Советские люди с честью выдержали эту суровую проверку. Невиданный массовый героизм воинов-сталинградцев останется в веках как образец воинской стойкости, доблести и самоотверженности. Неисчерпаемым источником сил и боевого духа защитников великого города были их пламенный советский патриотизм, безграничная любовь к Родине, беспредельная преданность партии Ленина — Сталина, жгучая ненависть к захватчикам, высокое сознание своей личной ответственности за судьбу отечества.

Цементирующей силой всей массы воинов-сталинградцев была наша родная партия, ее верные сыны — коммунисты. Они находились на самых ответственных участках, звали воинов на смертный бой с врагом своим беззаветным примером стойкости и мужества.

В этой короткой статье я могу отметить лишь отдельные соединения, прославившие навеки воинскую доблесть нашего народа.

Гвардейская дивизия генерала Родимцева прибыла в Сталинград в тяжелые сентябрьские дни 1942 года, когда враг уже взял центральный вокзал Сталинграда и пробирался к Волге, а мы могли противопоставить бешеному натиску врага в центре города только тоненькую цепочку войск, вплоть до того, что в бой были посланы офицеры штаба и политотдела армии. Солдаты Родимцева, сделавшие большой марш, без отдыха, под непрерывным обстрелом врага, переправились через реку и сразу же пошли в наступление. Район переправы был очищен от врага. С этого дня и до конца Сталинградской битвы дивизия Родимцева вела неустанные бои, не отдав врагу ни одной пяди сталинградской земли, обессмертив себя многочисленными подвигами.

Сила Родимцева как командира состояла не только в том, что он человек большого темперамента и выдержки, сильной воли и огромной личной храбрости, но и в том, что он, как сын великой партии Ленина — Сталина, сплотил всех своих солдат и офицеров вокруг коммунистов — политработников и рядовых членов партии, постоянно опирался на них и отечески заботился о воинах. Эта дивизия воспитала тысячи подлинных героев — защитников Сталинграда, в том числе известного всему миру Якова Павлова, Героя Советского Союза, руководителя обороны легендарного «дома Павлова».

В октябрьских и ноябрьских боях 1942 года особо отличилась сибирская дивизия генерала Леонтия Николаевича Гуртьева, участника первой мировой и гражданской войн, требовательного военачальника и отзывчивого человека, пользовавшегося огромной любовью всего личного состава.

В этих боях против дивизии Гуртьева гитлеровцы сосредоточили направление главного удара трех дивизий пехоты, не считая танков, артиллерии и авиации. Бывали дни, когда солдаты Гуртьева отражали до 20 атак, а в один день ими были отбиты 23 атаки противника. Гитлеровцы думали, что сокрушающим огнем и беспрерывными атаками они сломят дух сибирских полков. Но этого не случилось. Более 100 атак предприняли враги на узком участке фронта, 5 тысяч трупов оставили на поле боя, и все это безуспешно.

С конца августа 1942 года и до окончания Сталинградской битвы сражалась бригада Болвинова, одного из замечательных героев, бесстрашного воина.

Небольшое соединение Болвинова всегда сражалось там, где была наибольшая опасность. Окруженная немцами с трех сторон (позади была Волга), бригада в течение трех месяцев вела бой с превосходящими во много раз силами противника, не отступила ни на шаг и уничтожила около 9 тысяч солдат и офицеров врага. Отвлекая на себя большие силы противника, бригада Болвинова помогла главным силам армии перейти в наступление для окончательного уничтожения гитлеровцев в Сталинграде.

В боях за Сталинград в районе завода «Красный Октябрь» отличилась также дивизия генерала Соколова. Эта дивизия была создана еще в годы гражданской войны на Украине Щорсом. В составе дивизии дрались знаменитые полки — Богунский, Таращанский и Донецкий, чьи знамена были овеяны славой боев с немецкими оккупантами в 1918 году. В боях за Сталинград они свято хранили традиции щорсовцев и приумножили свою славу.

Рядом с этой дивизией замечательное военное искусство показала гвардейская дивизия генерала Гурьева. Она вела бои внутри завода и в отдельных цехах, а затем совместно с дивизией Соколова полностью очистила от врагов территорию завода.

Не в меньшей мере отличились своим героизмом части тт. Горишного, Жолудева, Смехотворова, Людникова, Горохова и других.

* * *

Сталинградская битва — образец массового героизма советских людей, солдат, офицеров и генералов, воинов всех видов оружия, показавших незабываемые образцы героизма, стойкости, воинского умения и русской смекалки.

Четыре бронебойщика под руководством Героя Советского Союза донецкого рабочего Петра Болото отбили атаку 30 фашистских танков и 15 из них уничтожили. Это поистине была доблесть, победившая смерть.

Весь мир изумлялся подвигу тридцати трех русских богатырей-бронебойщиков. 24 августа 1942 года в районе М. Россошки они вступили в бой с несколькими десятками вражеских танков, уничтожили 27 из них и сами все остались живы. Руководили этим беспримерным боем младший лейтенант Стрелков, младший политрук Евтифеев, заместитель политрука Ковалев и старшина Пуказов.

В дивизии генерала Смехотворова был солдат морской пехоты с Дальнего Востока — Михаил Паникака. Он вместе со своими товарищами оборонял подступы к Волге. Избрав для прорыва этот участок, враг выпустил вперед танки, непрерывно стрелявшие из пушек и пулеметов. Танки прикрывали вражескую пехоту. На окоп Паникаки двигалось несколько танков. Они подошли совсем близко к окопу. Паникака израсходовал все гранаты. Остались две бутылки с горючей жидкостью. Он высунулся из окопа, размахнулся, целясь бутылкой в ближайший танк. В это мгновение пуля пробила бутылку, поднятую над головой, и пламя охватило воина. И все увидели, как горящий человек выскочил из окопа с бутылкой в руке, подбежал вплотную к немецкому танку и ударил бутылкой по решетке моторного люка. Огонь и дым поглотили героя вместе с подожженной им фашистской машиной. Так был еще раз повторен подвиг Гастелло.

Общеизвестно, что во время боя связь должна работать безупречно. С одной из дивизий в самый разгар боя оборвалась связь. На восстановление ее пошел связист Василий Титаев. Когда он искал место обрыва провода, осколок мины ранил его в плечо. Но он дополз до места обрыва. Здесь его вторично ранило: осколок снаряда перебил связисту руку. Не имея возможности действовать рукой, Титаев сжал концы проводов зубами и тут же был убит пулеметной очередью. Но связь уже действовала. Наши связисты сложили о герое песню. Они пели ее, идя по степям Украины, по полям Белоруссии и Польши, и донесли ее до Берлина.

Однажды 8 фашистских танков атаковали советский танк, которым командовал Хасан Ямбеков. Наш танк принял бой и подбил 4 вражеских танка. На помощь гитлеровцам пришло еще несколько танков. Танк Ямбекова был подожжен термитным снарядом. Из горящей машины экипаж продолжал стрелять по врагу. Танк окружили вражеские автоматчики. Дежурный радист нашей танковой части поймал в эфире знакомый голос командира танка Ямбекова, который передал: «Прощайте, товарищи, не забывайте нас!» Затем в эфире понеслись звуки торжественного гимна. Это пели танкисты. Гордо и мужественно умерли за Родину советские герои Хасан Ямбеков, механик-водитель Тарабанов, стрелок-радист Мушилов и командир башни Феденко.

В боях за Сталинград развернулось массовое снайперское движение. Началось оно в дивизии Батюка по инициативе замечательного снайпера Василия Зайцева, а затем перекинулось во все части армии.

Слава бесстрашного Василия Зайцева прогремела на всех фронтах не только потому, что он лично истребил 230 гитлеровцев, а еще и потому, что он обучил снайперскому искусству десятки других солдат, как их тогда

называли — «зайчат», в том числе знаменитого снайпера Медведева, превзошедшего впоследствии своего учителя.

Наши снайперы — Зайцев, Медведев, Чехов, Ильин и многие другие — заставили фашистов ползать по сталинградской земле и сыграли немалую роль как в обороне, так и в наступлении наших войск.

* * *

Огромную роль во время боев сыграла артиллерия всех калибров, действовавшая как в самом городе, так и из-за Волги.

Генерал Николай Митрофанович Пожарский, руководивший артиллерией и глубоко знавший не только артиллерию, но и общевойсковое дело, всегда умел во-время и в нужном месте сосредоточить огонь всей мощи «бога войны».

Артиллеристы — лейтенант Курицын, командир батареи Дьяченко, командир орудия Любавин, майор Бричиков, лейтенант Авакьян, командир орудия Болтенко и многие другие — заслужили боевую славу и большую благодарность общевойсковых командиров и солдат.

Повседневно защитники Сталинграда чувствовали и видели помощь со стороны авиации, которой командовал генерал Хрюкин. В Сталинграде авиация широко участвовала в тесном взаимодействии с наземными войсками непосредственно в уличных боях.

Враг сосредоточил в районе Сталинграда огромное количество самолетов и зенитной артиллерии. В первое время боев за город враг имел преимущество в авиации. Но и в этих условиях, в неравной борьбе, наши летчики искусно бомбили и штурмовали огневые позиции врага, истребляли гитлеровскую авиацию и на земле и в воздухе.

Изумительно действовали летчики-ночники. Мы сообщали им расположение вражеских штабов, артиллерийских позиций, места наибольшего сосредоточения немецких войск и направление предстоящего удара наших войск. Они отыскивали заданную цель и обрушивали на нее свои бомбы.

Героизм был характерным не только в частях, которые вели непосредственно бои, но и в тылах армии и соединений. Сколько мужества и доблести проявили саперы и моряки, работники волжской переправы, связисты, медицинские работники, снабженцы и бойцы других родов войск!

Вместе с войсками 62-й армии свой родной город защищали и трудящиеся Сталинграда. Жители всеми силами помогали Советской Армии. Они с оружием в руках отбивали яростные атаки гитлеровцев, создавали отряды противовоздушной обороны, помогали раненым, обеспечивали переправу через Волгу. Рабочие Тракторного завода, заводов «Баррикады», «Красный Октябрь» и других предприятий производили оружие, работая до последней возможности, под жестоким вражеским артиллерийским обстрелом и под непрерывными бомбардировками с воздуха.

* * *

Прошло десять лет со дня окончания исторической Сталинградской эпопеи. Советский народ под мудрым руководством товарища Сталина победоносно завершил Великую Отечественную войну. Выполнена досрочно первая послевоенная пятилетка. Залечены раны, нанесенные войной социалистической Родине. Наш народ не только восстановил, но и далеко вперед двинул все отрасли народного хозяйства, культуры, науки, искусства. Миллионы людей всего мира во всем мире объединились против поджигателей войны.

Разрушенный до основания город-герой Сталинград восстановлен и стал еще краше и величественнее. Волго-Донской канал имени В. И. Ленина построен в невиданно короткие сроки на месте великих сражений, происходивших здесь 10 лет тому назад. В районе Сталинграда на Волге идет грандиозная стройка Сталинградской гидроэлектростанции. Эти великие стройки коммунизма — лучший памятник героям Сталинграда, боровшимся насмерть с врагом за обеспечение мира во всем мире.

Сталинград стал школой мужества, стойкости, созидательного труда. Сталинградцы живут и трудятся под знаменем мира, который они завоевали в жестоких, кровопролитных боях с фашизмом. Улицей Мира назвали они одну из лучших улиц города. Улица эта берет свое начало у площади Павших борцов. Советские люди никогда не забудут своих сынов, отдавших за мир на земле свою жизнь.

Участник обороны Царицына и Сталинграда заслуженный врач РСФСР хирург Алексей Сергеевич Крепкогорский передает свой богатый опыт будущим молодым врачам-сталинградцам.

Новые театры, дворцы культуры, клубы, выстроенные за послевоенные годы, стали украшением и гордостью Сталинграда. В них всегда людно, оживленно, весело. Вот и сейчас в Доме техники завода «Красный Октябрь» участники заводской самодеятельности выступают перед рабочими своего завода.

«Наше дело правое! Мы победили!..» И над площадью Павших борцов взвилось победное сталинградское знамя.

НЕ ПОМЕРКНЕТ

Ю. ЧЕПУРИН

Письма, выдержки из которых мы предлагаем вниманию читателей, написаны десять лет назад в окопах Сталинграда защитниками города-героя. Эти письма были адресованы редакции фронтовой газеты Сталинградского фронта, которая просила воинов поделиться своими мыслями, мечтами, планами на новый, наступавший тогда 1943 год.

И воины-сталинградцы откликнулись.

На некоторых письмах сохранились пятна крови. Возможно, что бойцы, написавшие их, сказали людям свое последнее слово...

Иные письма хранят на себе следы камней, на которых они написаны, написаны наспех, в короткие передышки между атаками, руками, отвыкшими за многие месяцы боев держать в руках карандаш. Письма — горячие, взволнованные, искренние — маленькие исповеди.

Бесценные человеческие документы!

Мы приводим короткие отрывки из нескольких писем. Опубликованные целиком, они составили бы и, конечно, составят в будущем великолепную, неповторимую книгу. Эта книга пронесет горячее дыхание великой Сталинградской битвы сквозь века; простыми словами участников битвы она расскажет нашим потомкам о мужестве советских людей сталинской эпохи. В грозную осень 1942 года на обрывистом берегу Волги, у стен Сталинграда, эти люди отстояли честь, свободу, независимость нашей Родины и ценой величайших жертв спасли человечество от угрозы порабощения фашизмом.

Седьмое августа 1942 года на подступах к Сталинграду. Этого дня мы никогда не забудем. С раннего утра противник пошел в наступление при поддержке артиллерии, танков, авиации.

Завязался жестокий бой, драться нам пришлось до вечера. Фашисты подходили на 800 метров, танки зажимали нас в кольцо. Мы их расстреливали прямой наводкой.

Благодаря нашей стойкости враг не прошел. Советские орлы, защитники Сталинграда, бойцы 62-й славной армии остановили врага.

Разрушен дом, сметена с лица земли улица, но люди живы! Значит, будет и дом, будет и улица. Это неотвратимо, как приход весны, как прилет скворцов, которые тоже вернулись на родную сталинградскую землю.
...И есть дом, есть улица!

«Выстояв в Сталинграде, мы победили смерть».

В ВЕКАХ!

Мы, воины-сталинградцы, покажем всему миру, как дерутся и могут драться сталинградцы.

Командир орудия старший сержант П. ХОРОШИЛОВ, наводчик младший сержант П. САВВА

Наша рота связи находилась в одном из домов в непосредственной близости от переднего края. Бесчисленное множество раз рвалась связь. Неувядаемую славу заслужил красноармеец Проказин. Он был послан на линию. Очередной взрыв. Проказину оторвало ногу. Но как можно не выполнить приказ командира? Истекая кровью, напрягая все свои силы, он нашел обрыв и устранил его.

Красноармеец Василий ЖИВЕТЬЕВ

24 сентября 1942 года на станции Н. находились три эшелона с военными грузами. Дежурный по станции получил сообщение, что к станции летит группа фашистских бомбардировщиков.

Не теряя ни минуты, дежурный вывел за семафор два состава с горючим, потом начал рассредоточивать третий фронтовой маршрут, но в это время раздались взрывы бомб — здание станции было разрушено.

Вражескими бомбами были убиты жена и двое маленьких детей дежурного по станции. Но и узнав о гибели семьи, он продолжал спасать воинские грузы, остался на своем посту...

В. БРАЖНИКОВ

Мы можем заверить, что в жестоких боях с кровавым фашизмом завоюем победу и принесем ее, как сыновний дар, нашей любимой матери Родине и великому Сталину.

Лейтенант Владимир НАУМОВ

Я опишу вам свое веселое настроение и как чувствую себя веселым и бодрым. Громим фашистскую свору день и ночь, не даем врагам спокою, разбиваем ихние блиндажи и дзоты. Случалось, что в некоторых местах враг прижимал нас к Волге, но никого, и лично меня, это не сломило. Фашисты узнали, что за город — Сталинград! Они хотели сбросить нас в Волгу, но это им не удалось и не удастся никогда.

Красноармеец Михаил ФИЛИППЕНКО

Русская зима вступает в свои права. Потянулись обычные для волжанина свежие туманы, окутывающие великую вечнорусскую реку Волгу. И казалось, что они, обнимая каждого воина — защитника Сталинграда, посылают его на великие подвиги.

Майор Н. МАТВЕЙЧУК

Я хочу сказать о своем товарище С. Филимонове. Когда враг нахально полез на нашу оборону, а наших была небольшая горстка бойцов, Филимонов сражался до последнего, пока его сразила вражеская пуля.

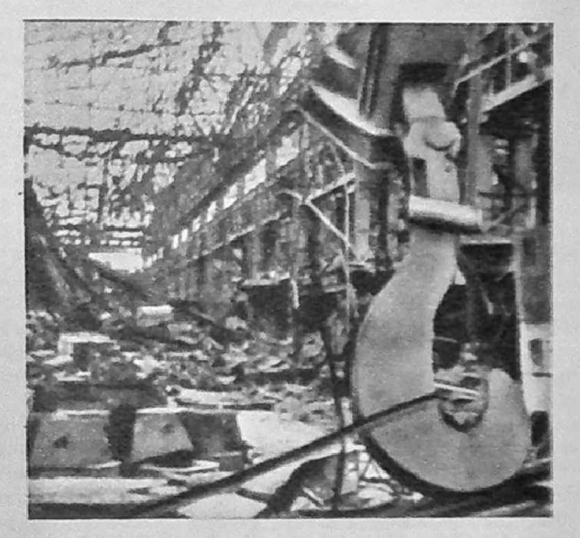
Его боевой подвиг остался в сердцах защитников Сталинграда, и товарищи всегда будут помнить героя.

В. АНДРЕЕВ

Да разве можем мы отдать город, который носит имя великого человека, отца, который ведет к той жизни, которую ты желаешь? Это имя товарища Сталина. Ведь это было бы стыдно, да и позор на весь мир и на всю жизнь. Да и кроме того, ведь своим упорством мы спасли жизнь всему нашему народу...

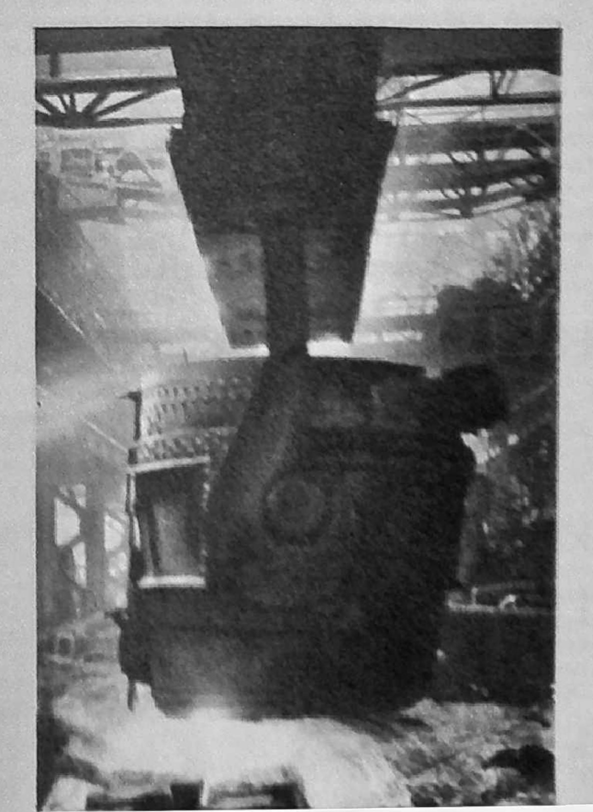
Капитан Михаил КАРГАПОЛЬЦЕВ

Мы, защитники Сталинграда, согретые заботой всего народа и нашего вождя И. В. Сталина, не испытываем ни в чем недостатка. Наша святая обязанность — очи-

Мартеновский цех завода «Красный Октябрь» в феврале сорок третьего года... Казалось, годы нужны только для того, чтобы очистить цех от хаотического нагромождения исковерканного металла.

Дни восстановления далеко позади. И снова льется из ковша первосортная сталинградская сталь.

Одним из первых после Сталинградской битвы в строй вступил Сталинградский тракторный завод имени Ф. Дзержинского. И снова известные всему миру тракторы с маркой СТЗ непрерывным потоком пошли на поля нашей Родины, на поля демократических стран.

стить Сталинград от фашистских захватчиков и разгромить их грабь-армию. Мы сумели остановить врага у стен,— значит, мы сумеем и разобьем окончательно его на нашей земле.

Гвардии младший лейтенант Петр САПРЫКИН, старшина РОЖКОВ

По специальности я медсестра... По призыву вождя ушла добровольно в ряды нашей доблестной Красной Армии защищать честь и свободу советского строя, честь и свободу советской девушки. В одном бою, эвакуировав раненого красноармейца, я возвратилась на поле боя за раненым командиром. В момент оказания ему помощи вражеская пуля пробила мне руку и повредила кость. Превозмогая боль, я вынесла командира и не ушла с поля боя, пока не эвакуировала всех раненых.

Гвардии старший сержант Мария ЛЕБЕДЕВА

Немало нам приходилось сидеть под бомбежкой, когда на маленький клочок 2 ноября враг сбросил тысячу тонн металла. Но все равно не пришлось врагу взять этот наш клочок.

Красноармеец Алексей ГРИГОРЬЕВ

И вот 3 декабря в 9.00 начали выполнять приказ. Мы легко выдвинулись на исходный рубеж. С исходного все вместе бросились на штурм дома. Впереди был гвардии лейтенант Ташлыков Михаил Степанович. Он первый уничтожил связкой гранат вражеский пулемет. Пулемет замолчал. Ворвались в дом. Около командира разорвалась граната. Я подбежал к нему. Он сказал последнее слово: «Дом взять и укрепиться. Передайте командиру, что я погиб за Родину...» Я принял командование группой. Я разобрал руками стенку подвала, и мы ринулись на фашистов...

Пишу вам это письмо, и у меня сердце бьется, как перед великим праздником. Оно так и должно быть! Наш праздник скоро придет, я в этом уверен! Наш мудрый полководец Сталин сказал: «Будет и на нашей улице праздник!». И мы этот праздник завоюем!

Гвардии старший сержант Иван ВАТЯКОВ

Были очень трудные условия во время бомбежки, но я, несмотря ни на какие трудности и на то, что грозила опасность моей жизни, из крупнокалиберного пулемета сбил два вражеских самолета.

Владимир ЛАШИН

Фашистские войска под Сталинградом будут окончательно уничтожены. Советские командиры научились искусно руководить своими войсками, они набрали богатый опыт за время Отечественной войны, они научились с малым количеством бойцов побеждать превосходящие силы противника. Так, 29 октября 1942 года я с группой бойцов в 11 человек отбил яростную атаку двух взводов. Таких примеров очень много у защитников Сталинграда.

Гвардии лейтенант Г. ОДОКИЕНКО

В боях за Сталинград бойцы моего взвода ни разу не струсили, не побежали, хотя были ужасные условия, которых, казалось, не выдержит ни один человек. Почему же это произошло?

Трудно передать, что переживалось каждым бойцом в отдельности, но мысли и чувства были направлены к одному — защитить великий город, не дать фашистам пить волжскую воду. Девизом было: один за всех, все за одного!

Лейтенант ФОРТОВ

Я, боец Ганичев Евгений Иванович, в армию призван недавно, когда на наш город Сталинград напали фашистские варвары. Я одним из первых пошел в бой, так как это мой родной город, в котором я вырос. Вначале я и мои товарищи боролись в самом центре города — нашему подразделению было дано задание во что бы то ни стало отстоять переправу, и это было выполнено. Потом нас перебросили отстоять завод, на котором я проработал восемь лет. И это было выполнено с честью.

Е. И. ГАНИЧЕВ

2 ноября меня и красноармейца Горбачева завалило землей в блиндаже. Доступ воздуха был прекращен. Дышать было очень и очень трудно. Казалось, что мы погибли, придавленные землей. Так мы пролежали с утра до пяти часов вечера. Но наши товарищи не забыли о нас — под огнем противника откопали нас...

Младший лейтенант Н. ЯНИН

По натуре советского человека я мирный строитель того лучшего, чем мы занимались до 22 июня 1941 года. По призыву Родины я воин. И специальность воинская — сапер.

Получив приказание, я и гвардии красноармеец Матвеев выдвинулись под покровом ночи за передний край обороны. Надо было закрыть трамвайную насыпь от прохода фашистских танков. Фашисты то и дело бросали осветительные ракеты, обстреливали местность из пулеметов. Мы работали быстро и бесшумно. Но вот одна ракета повисла над нами. Пули, как осы, все настойчивее и настойчивее попискивают все ближе и ближе...

...Обратно шли по дну оврага. Эх, и хороша же ты, русская волжская ночь! Вышли на берег Волги. У нас мелькнула мысль искупаться в Волге в эту теплую звездную ночь. Но фашисты то и дело бросали мины в воду, портя красивый вид. Нет! Отставить это дело до того момента, как разобьем врага! И в этот момент я вспомнил о доме своем. Тут близко, под Саратовом. Вы спросите: и еще о ком вспомнил? О дочурке своей, маленькой Людочке.

Александр НИКОЛАЕВ

С новым годом, товарищи!

Я хочу передать через вас всем красноармейцам, командирам и политработникам свой пламенный привет. Я хочу сказать, что наступающий год будет решительным годом и что недалеко уже время, когда мы полностью разгромим интервентов.

Раньше приедешь в свой город Сталинград, так душа радуется, и смотришь — все хорошо. Везде зелень с каждым годом все гуще расцветала. А сейчас посмотришь на эти же дома и улицы, и чисто тебе иглою в сердце кольнет. Но ничего, думаю, это все встанет на ноги, и будет наш Сталинград год от года возрастать.

Гвардии красноармеец Петр АКСЕНОВ

Еще отстреливались фашистские снайперы, засевшие в руинах, еще не успели советские саперы разминировать улицы и площади Сталинграда, а в город ворвалась новая жизнь.

Непонятным казалось нетерпение жителей города, которые, уместив на крохотных салазках уцелевший скарб, нескончаемой вереницей пересекали сверкавшую на солнце заснеженную Волгу и отыскивали родное пепелище.

Это стало понятным очень скоро. Когда из ворот Сталинградского тракторного завода вышел первый отремонтированный танк «Ответ Сталинграда»... Когда первая мартеновская печь завода «Красный Октябрь» дала сталь... Еще не было кровли над цехом, и зарево первой плавки осветило сталинградское небо, очищенное от фашистских самолетов.

Жители Сталинграда, мирные труженики, принимали из рук защитников города эстафету, осененную ратными подвигами воинов; они закрепляли их воинский успех своими трудовыми подвигами.

Сбылась мечта воина Петра Аксенова: «...Все встанет на ноги, и будет наш Сталинград год от года возрастать».

Мечта возродить Сталинград, увидеть его еще более красивым, чем до фашистского нашествия, стала мечтой всего советского народа.

Камские лесосплавщики, посылая героическому городу плоты, писали на них: «Тебе, родной Сталинград!»

Урал слал станки, оборудование: «Тебе, родной Сталинград!»

Ленинград, Сибирь, многие другие города, республики направляли сюда свои дары: «Тебе, родной Сталинград!»

Десятки тысяч юношей и девушек со всех концов страны шли в Сталинград, и их девизом было: «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»

Было трудно, было очень трудно первые месяцы, первые годы. Но люди знали: воевать в Сталинграде было еще труднее. Вот почему сталинградцы не замечали трудностей, шли им навстречу, побеждали их.

И вот он стоит сейчас на берегу Волги — новый, молодой, красивый.

Все сбылось, как думалось, все свершилось, как должно было свершиться.

Восстановлены все заводы и фабрики. Заселены новые, прекрасные дома. Построены школы, институты, больницы, театры, клубы, магазины. Продолжать этот список можно до бесконечности, потому что восстановлена жизнь, жизнь советского человека.

А стройка все идет! Едва вступил в строй судоходный канал имени Ленина, новая трудовая битва развернулась на северной окраине Сталинграда, на строительных площадках Сталинградской гидроэлектростанции.

И это — лишь начало, это лишь первые успехи, первые итоги, которыми встречает Сталинград славное десятилетие со дня великой победы.

Вся история Сталинграда связана с именем нашего вождя и учителя товарища Сталина. Вот почему так любит советский народ этот город, свой родной Сталинград.

Вот почему слава Сталинграда не померкнет в веках, вот почему эта слава всегда будет символом всего лучшего, что есть на земле!

Памятником вечной славы стоит у ворот СТЗ грозный танк.

ГЛУБОКАЯ ВСПАШКА

Я. ФОМЕНКО

Фото А. Брянцева

Из кабинета директора они вышли обрадованные и немного растерянные. Никогда еще никто из них не получал такого задания.

Павел Карлеба, всегда сдержанный, на этот раз не совладал со своим настроением и, обращаясь к Бурову и Терентьеву, воскликнул:

— Вы понимаете, что это значит? Это вам не только марка завода! Марка страны!

Выйдя из здания заводоуправления, они распростились.

Павел Карлеба постоял с минуту, а затем, повинуясь естественно возникшему желанию еще раз взглянуть на завод, прошел во двор. Светлосерые корпуса родных цехов стали сегодня дороже ему, чем когда бы то ни было. Тут прошли годы юности. Тут Павел Карлеба из паренька-комсомольца, сына батрака из станицы Брюховецкой, вырос в отменного тракторных дел мастера, в коммуниста. Его знают, оказывается, и в Москве.

Память услужливо выхватила из прошлого дни молодости. Вот он, Павлушка Карлеба, собирает незамысловатые пожитки и едет с берегов Кубани на берега Волги, в Сталинград.

Мелькают картины-воспоминания. Общежитие для холостяков в «Каменных домах». В одной комнате трое парней и две девушки. Вместо перегородки натянуты от стены до стены простыни. Почти каждую ночь «тревоги». Не успеешь заснуть, вбегает кто-нибудь из комсомольцев и с радостной дрожью в голосе что есть духу кричит:

— Товарищи! Станки прибыли! Все на выгрузку!

Мигом пустели комнаты общежитий. Неубранные койки сиротливо жались друг к дружке, напрасно ожидая беспокойных постояльцев. А те, выгрузив станки, устремлялись в цехи. Спешил в свой цех после бессонной ночи и Павел Карлеба, комсомолец-формовщик, впоследствии знаток двигателей внутреннего сгорания.

Горячие были деньки!

Павел, будто почувствовав себя вновь комсомольцем, вскинул голову и вышел на площадь.

Весеннее солнце играло на стали трамвайных и железнодорожных путей, старательно разогревало асфальт. Со стороны Мечетки ветерок доносил освежающую прохладу волжских вод.

Павлу предстоит надолго расстаться со всем, что так основательно и плотно вошло в его жизнь и без чего, как ему казалось, невозможно настоящее счастье.

Он знал, как его будет тянуть обратно, вот к этим воротам, через которые он проходил ежедневно, к этой вот площади с памятником Дзержинскому и с танком, поднятым на гранитный пьедестал. Ему и раньше приходилось уезжать на длительные сроки, и всякий раз в день отъезда он думал о дне возвращения. Так и сейчас: еще не покинув родных мест, он думал уже, как он вернется и с какой радостью пожмет руки товарищам.

Оглянувшись на танк, Павел подумал о первом тракторе, вышедшем с завода. Иосиф Виссарионович Сталин прислал тогда телеграмму. Он приветствовал тракторозаводцев и назвал каждый выпущенный ими трактор снарядом, взрывающим старый буржуазный мир и прокладывающим дорогу новому, социалистическому укладу в деревне.

Трактор — снаряд! Сильное сравнение! Оно навсегда вошло в сознание. Вероятно, поэтому трактор представлялся Павлу и другом человека и одновременно грозным оружием. Вероятно, поэтому, садясь в кабину, чтобы испытать новый трактор, Карлеба мысленно переносил себя с колхозного поля на поле боя, и тогда ему казалось, что он не механик-испытатель, а танкист, бросающий грозную машину в атаку.

Наступило время, когда Павлу не нужно было призывать на помощь воображение. Через десять с лишним лет после того, как он пришел на завод, ему довелось водить танки. Ополченец Павел Карлеба в первые месяцы Великой Отечественной войны испытывал уже не тракторы, а боевые машины. И странное дело: были мгновения, когда ему казалось, что он попрежнему ведет трактор.

Если до войны, ожидая грозных событий, готовясь к ним, Карлеба примерял свои силы к предстоящим испытаниям, к роли бойца, то в первые дни войны ему рисовались мирные поля Родины, жизнь после разгрома врага. Глубоко укоренившееся убеждение в непобедимости родной страны уносило в будущее, и себя в этом будущем он не мог представить иначе, как в роли творца тракторов.

Фашисты прорвались к Сталинграду именно тогда, когда Павел Карлеба, выполняя волю партии, работал в одной из прифронтовых МТС. Боевое крещение получили его товарищи Петр Буров и Вячеслав Терентьев. Они делали танки и уходили в бой прямо из цехов.

...Павел незаметно очутился у дверей своей квартиры.

По тому, как муж перешагнул порог, Анастасия Гавриловна угадала, что он пришел с важной новостью, и, сердцем почуяв разлуку, спросила:

— Опять уезжаешь? По глазам вижу...

— Уезжаю.

— Надолго?

— Точно не знаю. Вероятно, на несколько месяцев...

На лицо Анастасии Гавриловны легла тень. Значит, на все лето она снова останется одна с тремя ребятами.

— Павел! Опять...

Хотя бы уезжал на более короткий срок, все же легче. А то уехал в Астрахань — она ждала его несколько месяцев. Из Харькова он возвратился через полгода. В Армавире пробыл почти столько же. А она все жди и жди...

Павлу понятно было состояние жены. Ему искренне было жаль ее. И все же вместо того, чтобы успокаивать, он сказал:

— В Германию еду... Понимаешь?

Все, что хотела сказать Анастасия Гавриловна: как ей трудно одной работать и детьми заниматься,— все жалобы отступили куда-то в сторону.

Павел, не ожидая дальнейших расспросов, добавил:

— Знаешь, что сказал директор? Надо немцам помочь освоить наш трактор.

Жена привычно начала собирать его в дорогу.

Они ехали на вокзал, когда в городе происходила первомайская демонстрация. Кто-то из знакомых пошутил:

— Видите, как вас сталинградцы провожают!..

В вагоне разговор зашел о том, как они в 1943 году возвратились в Сталинград. Завода фактически не существовало, и все же завод жил, потому что живы были его люди. За его пределы — это было похоже на чудо! — ежедневно уходили танки. На их броне выделялась светлая краска надписей: «Ответ Сталинграда!»

— Как дело повернулось... — задумчиво произнес Вячеслав Терентьев.— Теперь туда же идут наши тракторы.

— И мы с тобой едем в ту самую Германию,— в тон ему добавил Буров.

— Нет, брат, мы едем в другую,— поправил его Карлеба.

Буров молча согласился с поправкой.

Наступил день, когда в путевом дневнике Павел Карлеба записал: «Силезский вокзал. Прибыли в 10 часов 35 минут».

Ниже появились заметки: «Карлсхорст... Гостиница... Совещания... Экскурсии в Потсдам и к памятнику воинам Советской Армии... Распределение по землям...»

Павлу предстояло объехать машинопрокатные станции земли Мекленбург-Шверин, Петру Бурову — Бранденбург, Вячеславу Терентьеву — Саксония-Ангальт.

По дороге на первую станцию свершилось то, чего Павел ждал с таким нетерпением: он увидел на далеком холме трактор. Сталинградский трактор пашет немецкую землю! До сих пор это было для него отвлеченной мыслью, скорее благородным символом, чем реальностью. А вот теперь перед ним живое воплощение этого символа. За рулем сталинградского трактора он угадывал напряженную фигуру немецкого тракториста.

Хотелось выскочить из автомобиля, перемахнуть одним духом полянку и своими руками прикоснуться к нагретому солнцем и дыханием двигателя металлу машины. Павел попросил шофера остановиться, вышел на шоссе. Ухо сразу уловило знакомый гул мощного мотора. Никогда Карлеба не слыхал ничего более приятного, чем этот уверенный голос трактора — посланца Родины здесь, на немецкой земле.

Постояв, пока трактор не скрылся за холмом, Павел сел в машину. Надо было к назначенному часу попасть на машинопрокатную станцию, где ждали «инженера из Сталинграда». Так называли немецкие крестьяне и трактористы гостей из России, хотя те были всего лишь техниками, мастерами, рабочими.

...Селение Викендорф. Павел Карлеба ласково похлопывает машины с маркой «СТЗ», точно перед ним старые друзья и он хочет их похвалить, а заодно приободрить, утешить. Ему и в самом

деле хочется сказать каждой машине: «Ничего, старик, наладим дело, потрудишься на славу...»

Карлеба разбирает маслофильтр. Он засорен. Тракторист, ладный и стройный парень, сознается: он боится разбирать фильтр, плохо знает его устройство.

А карбюратор? Жиклеры разрегулированы, и топливо идет сплошным потоком. И снова тракторист сознается: он считал, что регулировка карбюратора — обязанность механика, а его дело — только ездить. А вообще и трактористы и механики твердо знали только одно: советские тракторы выносливы, безотказны, могут работать в любых условиях и особого ухода не требуют.

Павел взял в руки карандаш и блокнот. Сколько вспахано земли этим трактором? За сто восемьдесят рабочих часов 54,85 гектара мягкой пахоты. За смену меньше трех гектаров! У Карлебы невольно вырывается:

— Ой, как мало!

Трактористы смущенно переглядываются. Неужели это так мало? «Сталинградский инженер», чтобы не утруждать переводчика, показывает на пальцах: семь, восемь, девять, десять!

О-о! Семь гектаров — очень много!

А сколько горючего израсходовали? Две тысячи двести двадцать один килограмм...

Русский снова берет карандаш. Теперь он почти с возмущением восклицает:

— Много! Очень много! Сорок килограммов с лишним на гектар!

И снова он на пальцах показывает: двенадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Больше нельзя!

Несколько пар глаз недоверчиво следят за его руками. «Такие маленькие цифры?» — спрашивают глаза.

Павел показывает на один из тракторов. На нем он завтра сам будет пахать.

...У поля стояли крестьяне. Они уже знали, что их участки вспашет сегодня «сталинградский инженер», который сам делает тракторы.

Павел отрегулировал лемехи. Могучая машина играючи потянула трехкорпусный плуг. Больших, пятикорпусных, к сожалению, в Германии тогда почти не было. За плугом ровными линиями вытягивались борозды. Глубина — двадцать пять сантиметров. Никогда еще так глубоко не пахали немецкую землю.

А того, что произошло дальше, Павел никогда не забудет. Сделав несколько прогонов, он остановил трактор. Пожилой крестьянин подошел к нему и указал на угол своего участка. И без переводчика Павел понял, в чем дело. Хозяин участка был недоволен, что трактор при разворотах кое-где переходил межу: смешивалась земля разных хозяев.

Карлеба попросил переводчика точно перевести крестьянам «извинение»:

— Наш трактор привык к большим массивам земли, к простору, а тут ему тесно, трудно развернуться на ленточках в три — четыре моргена.

Люди заулыбались, закивали головами.

Павел снова попросил переводчика:

— Передайте, что я прошу разрешения пустить трактор по участку всей общины, чтобы не кружиться на «пятачках».

Не успел Карлеба закончить свою мысль, как переводчик передал первую его фразу. Крестьяне заговорили сразу высокими голосами. Видно, заспорили.

Несколько человек из толпы в чем-то убеждали остальных. Вероятно, поддерживали разумное предложение. Страсти еще не успокоились, когда к Павлу подошел сутуловатый старик-крестьянин со слезящимися глазами. Он снял с седой головы шляпу и начал что-то быстро-быстро говорить, держа в одной руке головной убор, а другой показывая сначала на селение, потом на шляпу и, наконец, на поле. Карлеба никак не мог понять, о чем идет речь. Переводчик объяснил:

— Старик говорит, что он в собственной шляпе носил удобрение на свой участок, а другие этого не делали. Какое же право имеют соседи пользоваться его трудом? А ведь так будет, если трактор пойдет через межи. Все смешается.

Выцветшие глаза старого немца, не мигая, глядели на Павла, ждали ответа. Сгрудившись вокруг него, ждали ответа все крестьяне.

И снова Карлеба попросил возможно точнее перевести его слова:

— Русский тракторист просит разрешить ему общую запашку, чтобы показать силу трактора. Так будет быстрее и дешевле. Меньше израсходуется горючего. Потом, если хозяева пожелают, он постарается в точности восстановить межи. Пусть каждый станет у своих участков или заметит пределы своего поля колышками у дороги.

С таким дополнением все согласились. Даже старик, попрежнему стоявший с обнаженной головой и перебиравший негнущимися пальцами поля своей шляпы, утвердительно кивнул головой.

Снова трактор загрохотал и... пошел, пошел, пошел без остановок, напрямик, без разворотов на тесных участках, через межи, с пригорка на пригорок, с уклона на подъем. А вслед ему глядели застывшие на месте и безмолвные, как изваяния, немецкие крестьяне. Сами того еще не сознавая, они глядели в будущее немецкой земли.

А трактор мерно гудел, точно выражал свое удовлетворение мудрым решением спора. Трактористу захотелось петь. И он затянул раздольную русскую песню. Казалось, голосу певца вторят и гудение трактора и сама природа.

И почудилось потом Павлу, когда он зашел восстанавливать первую межу, что за его спиной раздался протяжный разочарованный вздох.

Поздно вечером к Павлу подошел тракторист и, держа за руку переводчика, как свидетеля, сказал:

— Я обещаю хорошо изучить сталинградский трактор и стану активистом.

Павел пожал ему руку.

А через некоторое время явился тот самый старик-крестьянин, что в шляпе носил удобрение на свою землю. Заметно было, что он сильно взволнован. Старик с чем-то настойчиво просил переводчика. Тот передал его вопрос Павлу:

— Простит ли когда-нибудь русский народ вред, какой нанесли ему немцы?

В третий раз Карлеба попросил как можно точнее перевести ответ:

— Немцев, желающих жить в мире, в дружбе со всеми народами, русские люди давно простили...

Глаза крестьянина прояснились, помолодели. Павел видел, что старый труженик искренне принял великодушие и благородство народа, представленного здесь, на этом куске немецкой земли, простым советским человеком, рабочим Сталинграда.

Запомнилась Павлу еще одна встреча. Это было в Берлине, на курсах механиков машинопрокатных станций. Русские специалисты обучали курсантов уходу за тракторами советской марки. В один из перерывов к Терентьеву, Бурову и Карлебе подошел слушатель и заговорил с ними по-русски:

— Меня в Сталинграде научили управлять трактором, — сказал он. — Передайте спасибо вашим товарищам.

Немец назвал несколько фамилий работников тракторного завода.

Оказалось, механик — бывший пленный из армии Паулюса — закончил в Сталинграде курсы трактористов и на территории СТЗ восстанавливал дороги.

— Я теперь знаю, что такое хорошая дорога, — сказал он в заключение, и его лицо округлилось в широкой улыбке.

Из журналов, пришедших из Германской Демократической Республики, друзья узнали, что там собран богатый урожай. На фото: П. Карлеба (слева), В. Терентьев (в центре) и П. Буров.

МУЗЕЙ ИСКУССТВ В БАКУ

В 1899 году Баку посетил замечательный русский художник И. Айвазовский. Он остановился в гостинице «Метрополь». Из номера, который снял художник, открывался чудесный вид на бухту. Очевидцы рассказывают, что ранним утром Айвазовский уходил на берег Каспия. Здесь его можно было видеть за мольбертом. Возвратившись в гостиницу, художник работал над большим полотном. Спустя полтора месяца картина «Корабль в бурю» была закончена. Эту картину у художника приобрел владелец крупного мебельного магазина, стремившийся прослыть знатоком и ценителем искусств. Потом в какой-то торжественный день он преподнес полотно бакинскому нефтепромышленнику Тагиеву.

Ныне произведение выдающегося мариниста украшает Азербайджанский государственный музей искусств имени Р. Мустафаева. Здесь открылась новая постоянная экспозиция. В двадцати пяти залах размещено около двух тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, народного творчества. Новое помещение — большой красивый двухэтажный особняк — позволило музею гораздо полнее показать свой художественный фонд.

Экспозиция состоит из двух больших разделов. В одном из них представлено азербайджанское искусство, в другом — мировое, русское классическое и советское искусство.

Десятки талантливых художников выросли в Азербайджане за годы советской власти. В многочисленных залах — лучшие произведения М. Абдулаева, С. Шариф-Заде, Наджафа Кули, Т. Тагиева, Г. Мустафаевой, У. Керимова, З. Авагимова.

Внимание посетителей привлекают скульптурные работы Фуада Абдурахманова, в частности фигура великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, бюсты Героя Советского Союза Идриса Сулейманова, дважды Героя Социалистического Труда Басти Багировой. Большим достижением Ф. Абдурахманова является его скульптура «Чабан», за которую автор был удостоен Сталинской премии.

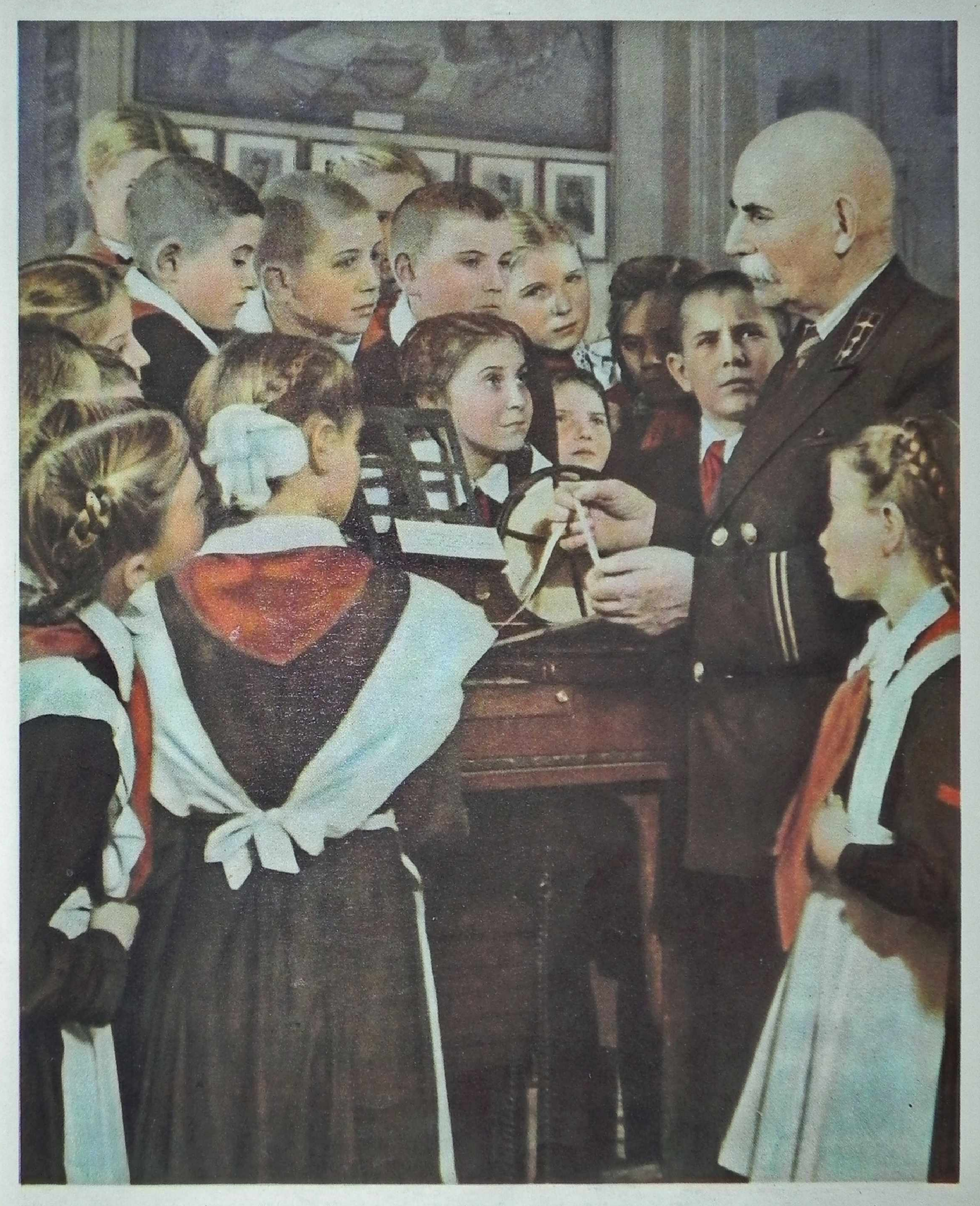
Значительную часть экспозиции второго этажа музея занимает отдел русского и советского изобразительного искусства.

Открытие новой экспозиции музея — большое событие в культурной жизни Азербайджана.

М. ТАРЛАНОВ,
А. КИКНАДЗЕ

«Чабан». Скульптура Ф. Абдурахманова.

В Государственном музее обороны Царицына-Сталинграда имени И. В. Сталина. Группа пионеров слушает рассказ участника обороны Царицына и Сталинграда Петра Николаевича Сахарова о незабываемых днях борьбы города-героя. П. Н. Сахаров был юзистом в штабе 10-й Красной Армии, оборонявшей Царицын, в дни Сталинградской битвы также работал телеграфистом.

В прошлом году в Сталинграде открылось новое высшее учебное заведение — Институт инженеров городского хозяйства. Здесь учится молодежь, приехавшая из разных районов нашей страны. Н а с н и м к е: старший лаборант, участник обороны Сталинграда, А. А. Алисов (в белом халате), проводит занятия со студентами в кабинете строительной индустрии. Рядом с ним: В. М. Шевцов из Ростовской области и А. Н. Савченко из Молдавии (сидит). Справа: Н. В. Никепелов, сталинградец (стоит), Е. А. Окороков из Якутии и М. П. Липатова с Урала.

Кузьма Захарович Окунев (справа) получил 4 150 рублей. Алексею Ивановичу Торбе кассир Нина Афанасьевна Трунова отсчитывает полагающиеся ему 4 200 рублей.

ЗА ВЫСЛУГУ ЛЕТ

Алексей Иванович Торба и Кузьма Захарович Окунев недавно получили по 4 с лишним тысячи рублей за выслугу лет. Вознаграждение это оба они получают не впервые: за последние шесть лет каждому из них выплачено более чем по 20 тысяч рублей.

Не один десяток лет трудятся почетные шахтеры забойщик А. И. Торба и горный мастер К. З. Окунев на шахте № 4—5 «Никитовка» комбината «Артемуголь». Их шахта — одна из передовых в Сталинской области. Упорным трудом завоевали никитовцы в ноябре прошлого года переходящее Красное знамя. Сейчас шахтеры Сталинской области по предложению горняков шахты № 4—21 имени Молотова решили встретить день выборов в местные Советы — 22 февраля — досрочным выполнением двухмесячной программы. Шахта № 4—5 «Никитовка» также рассчитывает быть не последней в этом соревновании. Горняки не тратят лишних слов: богатые опытом и умением, почетные шахтеры учат молодежь, совершенствуют методы работы, изыскивают способы снижения себестоимости угля.

...На деньги, полученные за выслугу лет, многие шахтеры строят дома, покупают автомобили, мотоциклы, пианино, радиоприемники, хорошую мебель. Это вознаграждение не хочется тратить на повседневные нужды — на то существует заработная плата. В семье шахтера получение денег за выслугу лет отмечают торжественно.

Глава семьи покупает своим близким подарки. Еще за месяц — другой до получения денег Алексей Иванович Торба и его жена Вера Куприяновна совещаются, кому что подарить. Заглядывают в магазины, интересуются новинками, поступившими в шахтный магазин. На семейном совете обсуждают, что приобрести. В этом году в семье А. И. Торбы решили купить радиолу. А супруги Окуневы хотят обзавестись новой мебелью.

Горняки шахты № 4—5 «Никитовка» получили в 1952 году более 4 миллионов рублей за выслугу лет, а по всем предприятиям и шахтам Министерства угольной промышленности шахтерам и шахтостроителям выплачено почти полтора миллиарда рублей.

В. ХРОМЦОВА

Вера Куприяновна и Алексей Иванович Торба приобрели радиолу.

Фото М. Озерского

Автоматы слесаря И. М. Суряхина

В цехе часовых пружин Ленинградского сталепрокатного и проволочно-канатного завода имени В. М. Молотова мы видим среди множества станков миниатюрный автомат. Он непрерывно — одно за другим — выбрасывает металлические кольца. Рабочий, обслуживающий чудесный станок, лишь заправляет его заготовками и нажимает пусковую кнопку. Все остальное совершается без помощи человека.

На прикрепленной к станине серебристой дощечке выгравировано: «Автомат сконструирован И. М. Суряхиным».

С конструктором мы познакомились тут же, на заводе. Это слесарь инструментального цеха Иван Михайлович Суряхин. Первыми его учителями были тульские оружейники. Там же, в Туле, где он трудился в двадцатых годах, Суряхин окончил техническое училище. Потом переехал в Ленинград и на знаменитом Кировском заводе создавал оснастку и инструмент для зарождавшегося советского тракторостроения.

Великая Отечественная война застала слесаря на заводе имени В. М. Молотова, где Суряхин слыл отличным лекальщиком, творцом сложного, высокочувствительного инструмента. Отсюда он добровольцем ушел на защиту города Ленина, сюда же после трехкратного ранения вернулся с фронта без пальцев на левой руке.

Иван Михайлович снова взялся за лекальное дело. Вначале как будто получалось неплохо, но когда потребовалось «доводить» инструмент до предельной точности, произошло то, чего больше всего боялся слесарь: лекальщик без пальцев — это все равно, что музыкант без слуха.

Трудно было расставаться с полюбившейся профессией, но слесарь нашел в себе силы, чтобы переключиться на другую работу. Завод в ту пору осваивал производство тончайших пружин. Надо было создавать новую технологию, оснащать цех новейшими станками. Суряхин взялся за механизацию трудоемких процессов. Почти на двадцати приспособлениях стоит его клеймо.

Успехи окрылили слесаря. Он решил попробовать силы на еще более сложном: сконструировать станок-автомат, который изготовлял бы кольца для транспортировки готовых пружин будильников. Суряхин знал, что подобная попытка уже предпринималась, но окончилась неудачей. Однако это не испугало новатора. Много было проведено экспериментов. Упорно и настойчиво Суряхин искал верное решение, и вот наконец автомат смонтирован. Результаты испытаний превзошли все предположения. Если раньше рабочий в одну смену с трудом изготовлял шестьсот—восемьсот колец, то автомат за то же время дает их двадцать пять тысяч!

Рабочее место Ивана Михайловича Суряхина в инструментальном цехе превратилось в своеобразную лабораторию новой техники. Сейчас на заводе действует шесть различных автоматов конструкции Суряхина.

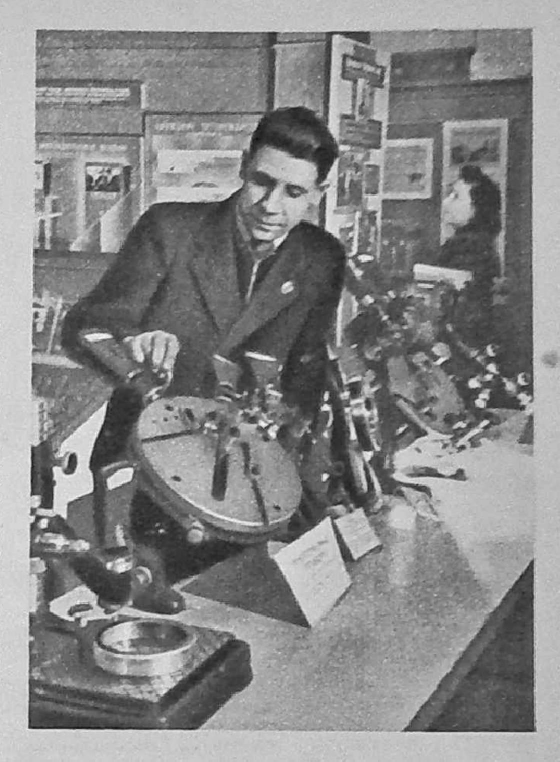
Недавно у новатора родилась еще одна смелая идея. Вместе с рационализаторами родственных предприятий он побывал на Магнитогорском металлургическом комбинате имени И. В. Сталина. Он был поражен богатой техникой, комплексной механизацией производственных процессов и в то же время обратил внимание на то, что вязка горячих мотков проката стальной проволоки ведется вручную.

Иван Михайлович вернулся на родной завод и здесь увидел ту же картину. Тогда он взялся сконструировать станок, который позволил бы отказаться от тяжелой и непроизводительной вязки вручную.

В цехе нам показали только что испытанную действующую модель нового станка Суряхина. Автомат вяжет проволоку, покуда она еще не остыла.

Таких новаторов, как Иван Михайлович Суряхин, в ленинградской промышленности немало. На Кировском заводе можно видеть небывалые в мировой технике станки, сконструированные слесарем П. А. Зайченко, на «Экономайзере»—станки стахановца И. П. Карташева, на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина — станки рабочего Н. М. Матвеева. Эти механизмы не только конструируются стахановцами и изготовляются здесь же, в заводских цехах, своими силами, но и внедряются в производство самими новаторами.

К. ЧЕРЕВКОВ

И. М. Суряхин осматривает новинки техники в Ленинградском доме научно-технической пропаганды.

Фото И. Фетисова

У Осадной балки

От Осадной балки — глубокого, извилистого оврага на левом берегу Волги — начинается трасса Сталинградского самотечного канала Волга — Урал.

Отсюда в мае 1952 года повел в забой экскаватор «Уралец» № 613 молодой коммунист Иван Нетаев. В то же время южнее Сталинграда, на водораздельном участке Волго-Дона, комсомолец Иван Селиверстов на такой же машине вынимал последние кубометры грунта. Несколько месяцев спустя, прошлой осенью, волгодонец Селиверстов получил путевку на стройку канала Волга — Урал.

Его направили в бригаду Нетаева на 613-й экскаватор. Экипаж «Уральца» радушно встретил нового товарища, награжденного за славные стахановские дела орденом Трудового Красного Знамени. Много полезного из опыта волгодонцев передал Селиверстов строителям Волго-Урала. Немало интересного узнал и он сам от них.

Бригада завоевала на стройке славу мастеров землеройного дела. В одну из смен экипаж дал на «Уральце» рекордную выработку — 3 760 кубометров грунта. В сентябре 1952 года комсомольская организация «Сталинградгидростроя» присвоила экскаватору «Уралец» № 613 имя краснодонского подпольщика-молодогвардейца Олега Кошевого.

Зима застала «Уралец» № 613 имени Олега Кошевого в полутора километрах от Осадной балки. Еще недавно на этом месте простиралась плоская степь. Теперь машина стоит на дне глубокой, похожей на ущелье выемки. Прокладывая дорогу водам Волги, экскаватор вынул более 500 тысяч кубометров грунта.

Отличными успехами отмечают молодые механизаторы 10-летие разгрома гитлеровских войск под Сталинградом. На полмесяца раньше срока выполнили они январский план земляных работ на трассе канала Волга — Урал.

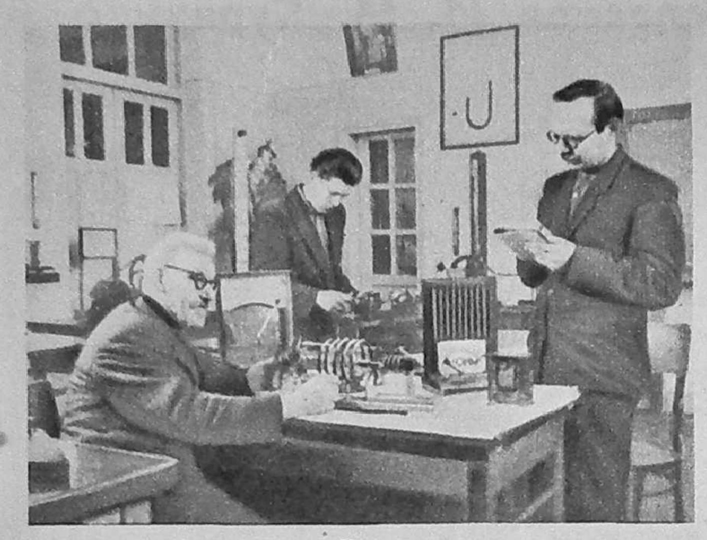
А. ПОДХОМУТНИКОВ

Иван Селиверстов, член экипажа экскаватора имени Олега Кошевого.

Фото А. Брянцева

В лаборатории физики Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Слева направо: механик С. Чернобровкин, препаратор И. Погадаев и заведующий лабораторией Л. Белоусов отбирают приборы, изготовленные для свердловской школы № 27.

Фото Ю. Добронравова

Ученые—школе

Каждый понедельник в один и тот же час швейцар Уральского политехнического института имени С. М. Кирова широко раскрывает двери и радушным «Добро пожаловать!» встречает гостей.

Впрочем, ученики старших классов свердловской школы № 27 уже перестали чувствовать себя здесь гостями. Быстро сдав пальто и шапки на вешалку, они вливаются в общий поток студентов и по бесконечным коридорам огромного здания деловито спешат в «свои» мастерские.

Шумят токарные станки, сварочные аппараты, скрежещут рашпили и напильники.

Ребята делают кронциркули, пилы, с которыми придется иметь дело будущему рабочему или инженеру.

Свыше сорока ученых Свердловска оказывают школам помощь в политехнизации учебного процесса. Для учителей Свердловска они организовали четыре постоянно действующих семинара: химиков, физиков, математиков, преподавателей черчения и графики. Сотни педагогов средних школ слушают лекции профессоров, изучают последние достижения советской науки и техники, проходят практику в лабораториях. Специальные семинарские занятия организованы и для учителей области.

Ученые — частые гости во Дворце пионеров. Ребята с увлечением слушают их рассказы о реактивных двигателях, доменном процессе, кинолекции о фотоэлементах и магнетизме.

Работники лаборатории физики Л. Р. Белоусов, С. Т. Чернобровкин и другие изготовили для свердловской школы № 27 полный комплект оборудования кабинета физики. Сейчас изготовляется второй такой же комплект для одной из школ Нижнего Тагила.

Сотрудники кафедры математики и члены научного студенческого общества изготовляют для школьных учебных кабинетов пространственные модели геометрических фигур. Альбомы чертежей и карт, фотовыставки, диапозитивы передают школам коллективы других кафедр.

Почин ученых Уральского политехнического института встретил горячее одобрение партийных организаций и общественности города.

О. МАРКОВА

«Венгерские мелодии»

— ...Я хотел бы вам сообщить нечто важное.

— Что случилось?

— Кошута арестовали, на него ночью напали гренадеры. Он оказал сопротивление, но его силой увезли с собой!

— Но ведь это гнусно!

Этот разговор происходит в коридоре театра Будапештской оперы, куда студенты доставили печальное известие.

Все взволнованы — нельзя больше молчать, настала пора действовать.

Молодой дирижер театра Ференц Эркель также негодует, узнав об аресте народного деятеля. Друзья-революционеры объясняют ему, что и у него в руках есть оружие — музыка.

— Становись и ты, Фери, в ряды пробудителей... Какая была бы радость, если бы наконец с национальной сцены раздались звуки музыки, нашей венгерской музыки!

— Дайте, господин Эркель, песню немой нации!

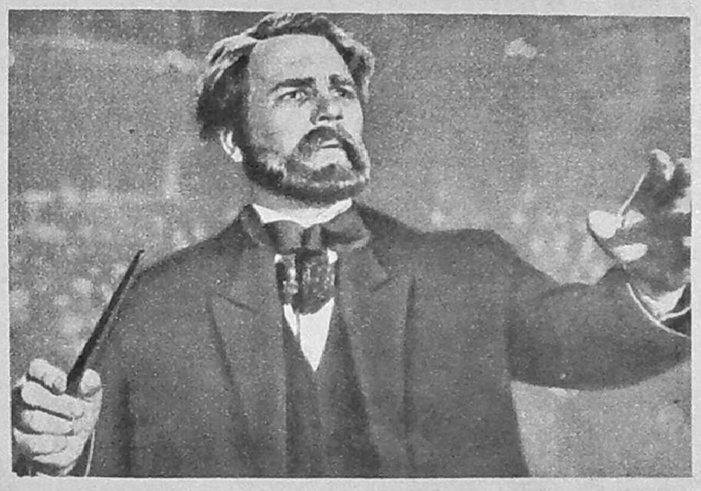
Так начинается новый венгерский музыкальный фильм «Венгерские мелодии». Фильм рассказывает о жизни и творчестве великого композитора, о его борьбе за создание национальной венгерской музыки, показывает, как создавались им замечательные его оперы: «Мария Батори», в которой еще соседствует рядом с венгерскими мотивами итальянский музыкальный стиль; «Ласло Хуньяди» — первая, по существу, национальная опера — и, наконец, шедевр творчества Эркеля — «Банк Бан», глубоко народное и проникнутое революционными идеями произведение. Фильм «Венгерские мелодии» по своему жанру — музыкально-биографический: образ героя раскрывается через его музыкальные произведения, и в этом большая заслуга талантливого режиссера Мартона Келети.

Незабываем образ композитора в исполнении артиста Шандора Печи, лауреата национальной премии Кошута. В его изображении Эркель — музыкант-борец, страстный патриот своего народа.

Венгерская кинематография одержала новую победу, создав значительное произведение о своем гениальном композиторе. Не случайно на VII Международном кинофестивале в Чехословакии этот фильм получил одну из первых премий.

В. БУРЛАК

«Венгерские мелодии». Авторы сценария — Иштван Бекеффи и Габор Турзо. Оператор — Иштван Эйбен. Режиссер — Мартон Келети, лауреат премии Кошута. Музыкальное оформление Ене Кенешшеи.

Кадр из венгерского музыкального фильма «Венгерские мелодии». В роли композитора Эркеля артист Шандор Печи.

Старейший парашютист

Алексей Александрович Белоусов.

Врачебно-экспертная комиссия заканчивала осмотр парашютистов. Председатель пододвинул к себе медицинскую карту последнего спортсмена. «Белоусов Алексей Александрович, год рождения 1893-й», — прочитал он и усомнился:

— Наверное, ошибка. Неужели вам шестьдесят лет?

— На днях исполнилось шестьдесят, — ответил высокий, атлетически сложенный человек с живыми светлыми глазами.

Алексей Александрович Белоусов рассказал, что последний прыжок с парашютом он совершил в конце лета 1952 года с высоты 600 метров.

— Как я сумел сохранить здоровье? — повторил Белоусов заданный ему вопрос.— Я систематически занимаюсь гимнастикой, бегом, совершаю прогулки и долгие переходы на лыжах, катаюсь на коньках.

Впервые А. Белоусов открыл парашют двадцать лет назад. С тех пор он 226 раз оставлял в воздухе самолет. Прыгал днем и ночью, на сушу и на воду, с большой и малой высоты.

Однажды, участвуя в групповом прыжке, Белоусов попал в стропы парашюта, открытого другим спортсменом, и запутался в них. Скорость приземления парашютистов сразу увеличилась. Попытки освободиться от строп ни к чему не привели.

— Открой запасной парашют! — скомандовал Белоусов товарищу.

Когда запасной парашют наполнился воздухом, снижение замедлилось, и оба спортсмена благополучно приземлились в центре аэродрома.

«Научи товарища тому, что умеешь сам» — этому правилу советских спортсменов всегда следует Алексей Александрович. Многие из сотен его учеников стали выдающимися парашютистами.

С 1949 года А. А. Белоусов работает в Министерстве лесного хозяйства СССР специалистом по применению парашютной техники в борьбе с лесными пожарами. Возраст не мешает ему совершать прыжки в сложных условиях, в которых парашютистам-пожарным приходится действовать, борясь с огнем в лесу.

В отличие от обычного воздушного спортсмена парашютист-пожарный всегда прыгает в незнакомом месте, всегда по-новому рассчитывает прыжок. Приземляться приходится порой на деревья, на пни, на болота.

Алексей Александрович Белоусов — активный пропагандист парашютного спорта. Его перу принадлежат 15 печатных трудов, много журнальных и газетных статей, посвященных теории и практике парашютного спорта.

А. ГОЛИКОВ

Заполярная здравница

Санаторий Мурмаши в Заполярье.

Фото Я. Рюмкина

— Хорошо у нас в Мурмашах! — убежденно говорит Павел Назарович Синцов и начинает по пальцам перечислять курорты, где ему довелось отдыхать в последние годы:— Сочи, Пятигорск, санатории под Ленинградом... Нигде лечение не помогало мне так, как помогают в Мурмашах наши заполярные грязи.

П. Н. Синцов — житель Мурманска, мастер спорта по лыжам. Тяжелое ранение, перенесенное в годы Отечественной войны, сказалось на его нервной системе и требует регулярного санаторного лечения. В очередной отпуск Павел Назарович уходит в разгар зимы, не смущаясь тем, что в это время в Заполярье не восходит солнце. Лыжные прогулки по крутым склонам он сочетает с грязевыми ваннами, принимает световые кварцевые процедуры и всегда возвращается из отпуска смуглый, загоревший.

В Мурмашах — живописной местности при впадении реки Туломы в Кольский залив — расположен санаторий Центрального комитета профсоюза работников рыбной промышленности. Прежде, до войны, здесь был обычный дом отдыха. Но вот несколько лет назад врачи обнаружили на дне Кольского залива ил, богатый сероводородом, не уступающий по целебным свойствам грязям известного Прибалтийского курорта Пярну.

В красивом двухэтажном здании, расположенном на высоком холме, в роще полярных березок, работает бальнеогрязевой санаторий. И летом, когда над зелеными склонами гор и водами быстрой Туломы светит незаходящее солнце, и зимой, в полярную ночь, съезжаются сюда на отдых и лечение жители Мурманска, Кировска, Мончегорска, самых различных уголков Кольского полуострова.

Инженер-судостроитель С. Н. Кулешов, боцман рыбопромыслового флота П. В. Лаврюхинцев, рыбачка-колхозница из Териберки М. Г. Севостьянова — разнообразный состав отдыхающих встретили мы в Мурмашах. Часто в адрес заполярного курорта, расположенного под 69-м градусом северной широты, на имя врачей и медицинских сестер приходят благодарственные письма от недавних пациентов. Многие лечившиеся в Мурмашах мечтают снова приехать сюда на время очередного отпуска.

С. МЕСЯЦЕВ

Столетие Бухарестского национального театра

Сцена из спектакля «Рассвет над Москвой» А. Сурова в постановке Бухарестского национального театра имени И. Л. Караджале.

В Румынии торжественно отмечается столетие старейшего в стране драматического театра имени И. Л. Караджале. Основанный в 1853 году, Бухарестский национальный театр на протяжении века оставался крупнейшим культурным центром страны. Творчество классика румынской литературы сатирика-реалиста Караджале, чье имя ныне носит театр, тесно связано с этой первой и лучшей сценой Бухареста.

Молодая Румынская Народная Республика окружила театры огромной заботой и вниманием. Творчество артистов Национального театра, избавленных от обязанностей угождать пошлым вкусам буржуазной публики, переживает сейчас пору расцвета. Талантливый коллектив, отвечая требованиям широчайшей народной аудитории, ставит пьесы современных румынских драматургов, произведения национальной сценической классики, а также сокровища мировой классической литературы от Шекспира и Мольера до Чехова и Горького. На сцене Бухарестского национального театра с успехом идут и многие пьесы советских драматургов — А. Корнейчука, К. Симонова, Б. Ромашова и других.

В дни юбилея коллектив театра показывает свои лучшие спектакли в клубах крупнейших предприятий столицы. Актеры выступают с концертами на новостройках Бухареста. На основной сцене театра и в его филиале идут лучшие постановки с участием всех выдающихся артистов труппы.

К. КОСТИН

Детский симфонический оркестр

На улицах Самарканда часто появляются афиши: «Симфонический концерт. В программе...». История появления этих афиш коротка и обычна для наших дней.

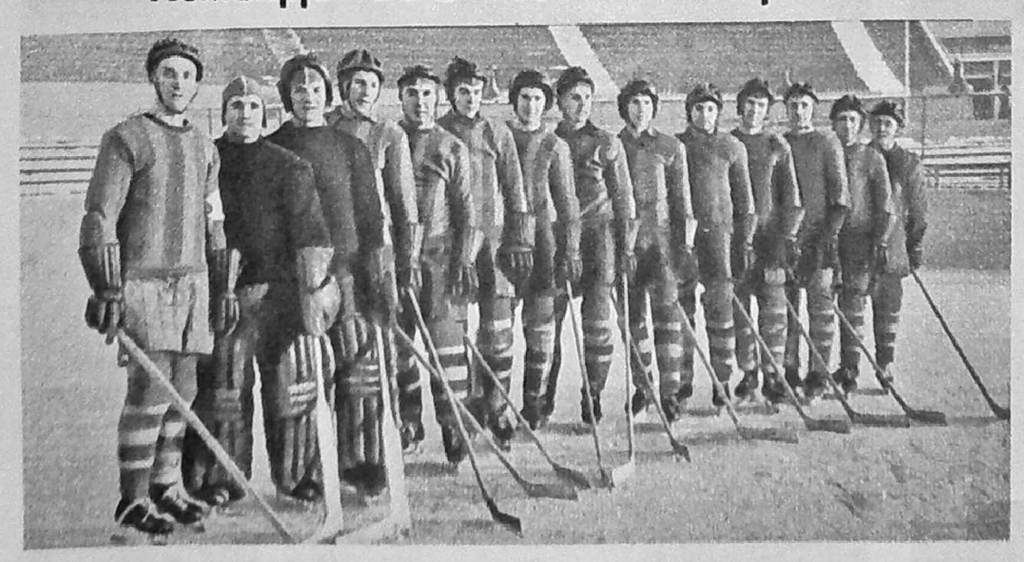
Год назад при музыкальной школе города был создан детский симфонический оркестр. Больше сорока юных учащихся школы сели за пюпитры, и педагог Николай Павлович Зинин разложил перед ними ноты. Это была песня о Сталине композитора Дунаевского для оркестрового исполнения.

— Начнем репетировать, — сказал дирижер.

За успехами вновь созданного оркестра внимательно следят в городе все любители симфонической музыки.

Фото Г. Графкина

Команда ВВС—чемпион страны

Закончились состязания на первенство страны по хоккею с шайбой. Московская команда Военно-Воздушных Сил в 16 встречах одержала 12 побед, 3 встречи свела вничью и лишь в одной потерпела поражение. В последнем состязании — с командой «Спартака» — летчики забросили в ворота противника 10 шайб, пропустив в свои только одну.

Набрав 27 очков из 32 возможных, команда ВВС сохранила за собой звание чемпиона страны по хоккею с шайбой на 1953 год.

На снимке: команда ВВС.

Фото А. Бочинина

Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя».

Возрождение панорамы «Оборона Севастополя»

Близится знаменательная историческая дата — столетие Севастопольской обороны (1854—1855 годы). Полвека минет со дня открытия знаменитой панорамы работы академика Ф. А. Рубо, запечатлевшей один из самых ярких эпизодов героической защиты города русской славы — отражение штурма Севастополя 6 (18) июня 1855 года.

Гитлеровские варвары не пощадили этого выдающегося памятника мирового искусства. В конце июня 1942 года фугасными и зажигательными бомбами, сброшенными фашистскими стервятниками, панорама была разрушена. Здание сгорело, сильно пострадала и сама панорама.

С риском для жизни советские моряки спасли от огня бо́льшую часть грандиозного полотна. Около ста фрагментов было вывезено боевым кораблем.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны началось возрождение панорамы. Реконструировано (вернее, вновь отстроено) ее здание. Оно отвечает теперь всем современным требованиям, предъявляемым к выставочному помещению.

Недавно закончена реставрация наиболее важных фрагментов. Эту работу выполнила группа советских художников-реставраторов под руководством заслуженного деятеля искусств П. Д. Корина.

Вначале предполагалось при возрождении авторского полотна использовать фрагменты панорамы и дописывать лишь погибшую ее часть. Однако от этой мысли пришлось отказаться. Решено воссоздать панораму заново, руководствуясь сохранившимися фрагментами ее живописного холста, авторскими эскизами и другими материалами.

Эта работа поручена большому творческому коллективу советских живописцев во главе с народным художником РСФСР В. Н. Яковлевым.

— Перед нами поставлена очень трудная и вместе с тем весьма почетная задача,— сказал корреспонденту «Огонька» В. Н. Яковлев.— Нам предстоит воссоздать величественное полотно, отвечающее своему национальному значению, достойное погибшего творения талантливого русского художника.

Вся работа будет выполнена в два срока. В Москве творческая бригада из видных художников пишет на картоне детальный эскизный рисунок панорамы в одну пятую ее натуральной величины, отображающий весь сложный сюжет. В Москве же будет изготовлен и эскиз так называемого переднего предметного плана, включающего разрытую бомбами землю, блиндажи, флеши, пушки и т. д.

Вторая часть работы будет выполняться в самом Севастополе. Здесь должно быть написано огромное живописное полотно и создан в натуре передний предметный план.

Художественная панорама велика: площадь ее более 1 600 квадратных метров. Даже для создания ее эскиза нужны специальные конструкции и достаточно просторные помещения. Нам временно предоставлен для работы один из больших залов Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Холст для панорамы уже изготовлен Ленинградским комбинатом тонких и технических сукон имени Тельмана (стоит отметить, что для погибшей панорамы холст был заказан за границей, так как тогда в России не вырабатывались холсты таких больших размеров). Ленинградцы должны дать нам и высококачественные краски.

Времени в нашем распоряжении не так уж много. К столетнему юбилею отражения штурма Малахова кургана и других укреплений Корабельной стороны новая панорама должна быть уже открыта.

ИНДИЙСКИЕ ГОСТИ

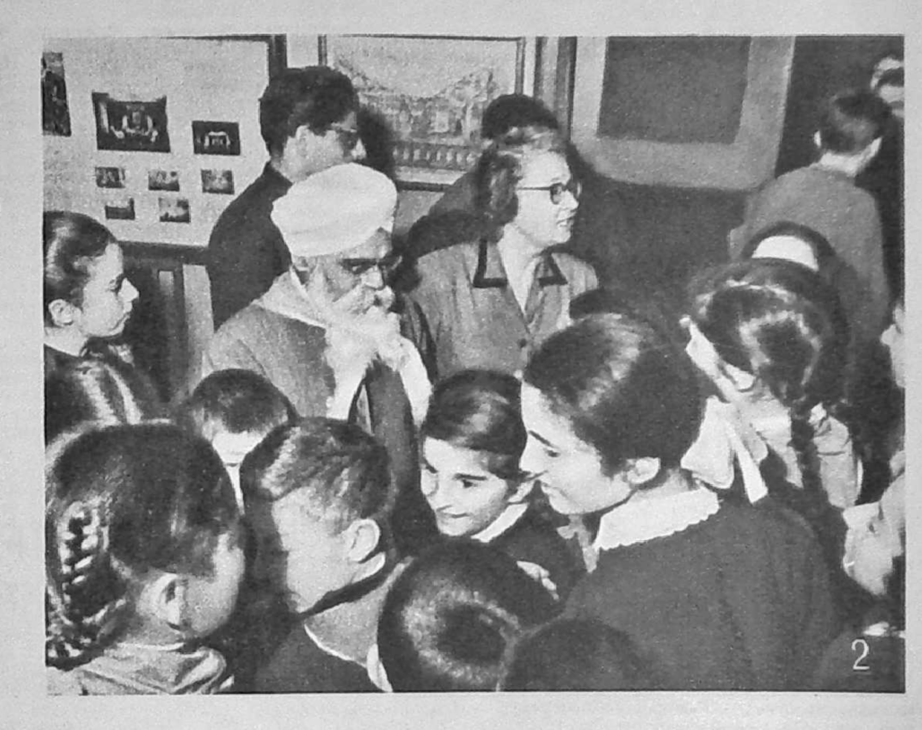
К. НЕПОМНЯЩИЙ, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Это было в Тбилиси, в концертном зале драматического театра имени Шота Руставели. Пожилой индиец, в легком светлом костюме и белой шапочке, стоит на трибуне. Он говорит, и речь его то и дело прерывается гулом приветствий на грузинском языке. Перед тбилисцами выступает известный общественный деятель Индии доктор Кумараппа.

— Когда я думаю о мире, — говорит оратор, — я вспоминаю не только то, что происходило недавно в Вене, на Конгрессе народов, но и то, что сделано в вашей стране с 1917 года, с того самого года, когда Советский Союз стал маяком для всех стран и народов...

По словам секретаря Всеиндийского совета мира Рамеша Чандр, индийская делегация, гостившая в нашей стране, — самая широкая и представительная делегация, которая когда-либо выезжала из Индии. В ее составе деятели шести влиятельных партий Индии, четыре депутата парламента и местных законодательных органов, представители сторонников Ганди, четыре писателя, которые пишут на четырех языках Индии, один из старейших художников, видные журналисты.

— Мы полюбили жизнерадостных советских людей, — говорит секретарь делегации Рамеш Чандр, — мы восхищаемся их героическим трудом и окрылены их непоколебимой верой в победу дела мира, правого дела!

2

1

На рассвете январского утра два пассажирских самолета Аэрофлота поднялись с подмосковного аэродрома и взяли курс на юг, в Грузию.

Многие из делегатов слышали сказки о прекрасных девушках Кавказа, о молодом и сильном герое, который бесстрашно переплыл семь морей, прошел через семь гор, добиваясь благородной цели.

Такие сказки, навеянные бессмертным грузинским эпосом, слышали дети Мадраса и Пенджаба, Дели и Калькутты. Школьная учительница Хажра Бегам говорит:

— Мы все в детстве мечтали о встрече с этим героем. Мы так хотели, чтобы отважный юноша доставил нас в чудесные страны!.. Пришел этот день!

Наши гости видят заводы, поля, замечательные дворцы культуры, видят новые дома, и — самое главное — они видят людей, для которых труд — это счастье, доблесть, слава.

— Мы уверовали в то, что мечты осуществляются! — говорят гости из Индии.

2

— Есть у народов двух великих стран, Индии и СССР, одна большая мечта: чтобы навсегда исчезли те искусственные препятствия, которые мешают им жить в добром согласии и дружбе.

Эти слова не раз повторял во время своего путешествия по Грузии известный детский писатель Индии Сингх. Когда он пришел в Тбилисский дворец пионеров, ребята попросили его рассказать какую-нибудь индийскую сказку.

Сказку? Нет, он лучше расскажет необыкновенную историю, которая с ним приключилась не так давно на другом полушарии, в Соединенных Штатах Америки.

Там, за океаном, однажды увидели его маленькие американцы и испугались. Им дают читать теперь такие книги, что они всего боятся и ни во что хорошее не верят. Одна девочка, заметив на голове Сингха чалму, спросила:

— Вы людоед?

— Да нет же, я приехал из Индии.

Но маленькая американка продолжала смотреть на Сингха с ужасом.

— А в Советской стране мне рады, — заключает, улыбаясь, старый писатель. — Вы даже повязали мне галстук и назвали почетным пионером. Спасибо вам за эту честь!

1

3

В ГРУЗИИ

3

Потом все перешли в высокий светлый зал Дворца, где в центре стояла, сверкая сотнями огней и игрушек, елка. Маленькие тбилисцы, увидев дядю с белой бородой и в белой чалме, захлопали в ладоши и закричали: «Индийский дед Мороз!»

— Какой же я дед Мороз? — ответил писатель.— В Индии морозов не бывает.

Но ребята в ответ закричали:

— Нет, дед Мороз! Дед Мороз!

И так как их было много, то индийскому гостю пришлось согласиться с этим, а согласившись, пришлось танцевать, потому что деды Морозы всегда танцуют на елке...

4

— На этой типографской машине в годы царизма печатались статьи Ленина и Сталина, революционные газеты, которые будили народ и звали его к борьбе.

Экскурсовод рассказывает, и индийские делегаты записывают его слова.

Гости пожелали ознакомиться с историческими памятниками великой социалистической революции, которыми так богата столица советской Грузии. И вот они в подвале дома, где находилась знаменитая подпольная Авлабарская типография, созданная в 1903 году по инициативе товарища И. В. Сталина.

5

— Хлопок вы получаете из Египта? — спрашивает индийский промышленник.

— Нет. Хлопок у нас свой, отечественный, советский.

— О! А откуда к вам присланы эти машины?

— Эти машины наши, советские...

У текстильного станка встретились две женщины — русская и индийская. Ни одна не знает языка другой, но рабочие люди всегда найдут общий язык.

— Еще недавно я была ученицей, а теперь работаю самостоятельно, одна. Одна, понимаете?

— Одна, понимаю!

6

Гори. Домик, где родился великий Сталин. Все здесь волнует каждого переступающего порог.

Со всех концов мира приезжают в Гори люди, чтобы увидеть этот маленький, скромный дом, чтобы поклониться этой благословенной земле, давшей миру Сталина.

После осмотра музея индийцы пишут в книге для почетных гостей:

«Мы, индийские делегаты, глубоко взволнованы, побывав в Гори, где родился товарищ Сталин. Жизнь великих людей напоминает нам о том возвышенном, что мы можем совершить в своей собственной жизни. Да последуем мы его благородному примеру.

От имени делегации
Кумараппа».

7

— Что дает колхоз? Увеличивается с годами доход колхоза или снижается?

В селе Хуцубани, Кобулетского района, делегаты слушают ответы Александра Гогитидзе — председателя колхоза имени Сталина.

— Когда наш колхоз только был создан, — говорит Гогитидзе, — он имел доход 60 тысяч рублей. Сейчас доход наш достиг 8 миллионов рублей в год.

— Как вы этого добились? — слышатся голоса делегатов.— Мы должны это знать... Для Индии...

Каждое слово председателя записывается в блокноты.

— Из нашего села Хуцубани в вузах СССР учатся 60 человек. Среди членов колхоза — 300 человек со средним и высшим образованием...

Разговор идет обстоятельный, долгий. И вот наконец последний вопрос:

— Можем ли мы посмотреть дома колхозников?

— Все двери в нашем селе открыты перед вами.

В доме, где живут Скендер Паджелидзе и его дочь Этери, не ожидали гостей. Но какое это имеет значение! На столе тотчас появляются мандарины, апельсины, орехи.

Скендер Паджелидзе подробно отвечает на вопросы гостей, которые интересуются доходом семьи, ее работой, отдыхом. Но вот наступает молчание. Вопросы, кажется, исчерпаны.

Тогда Скендер Паджелидзе сам задает вопрос:

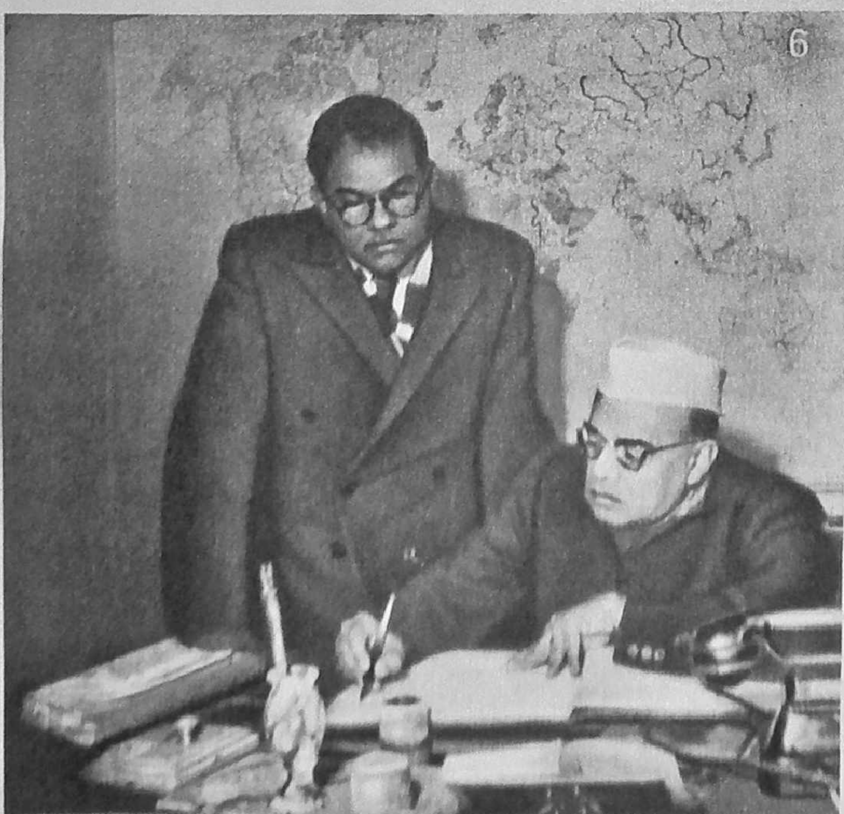
— Как живут крестьяне Индии?

Но что это? Некоторые делегаты смеются.

— Живут? — переспрашивает с горьким смехом доктор Кумараппа.— Существуют, а не живут!

— Но почему? Почему? — допытывается Этери, дочь Скендера.

— Потому что у нас,— отвечает писатель Яшпал, — до сих пор деревянный плуг, потому что нет каналов, нет удобрений и земля становится все беднее, а не богаче, как у вас.

8

Потом индийцы осматривают богатейшие чайные плантации колхоза. Плантации чая есть и в Пенджабе, и в Ассаме, и в Кашмире, но народ там повсюду беден.

— Я смотрю на эти плантации,— говорит писатель Яшпал,— и вспоминаю родные края. Пионеры Тбилиси просили нас рассказать индийскую сказку.— Он усмехается.— Самая прекрасная сказка, которую когда-либо создавало человечество,— это советские люди и их счастливая жизнь.

9

В колхозном клубе гости слышали песни Грузии, песни о колхозной жизни, о великом Сталине.

Делегаты не удержались и сами решили выйти на сцену колхозного клуба, спеть песню о своей Индии, о ее прекрасной природе, о ее невзгодах и ее грядущем счастье.

Доктор Кумараппа благодарит колхозников за радушный прием, за доброе, дружеское слово.

— Несколько дней назад,— вспоминает он,— я был в Большом театре в Москве. Мы видели настоящее искусство. Сегодня мы здесь, в колхозном клубе. И что же мы видим? Мы видим место для оркестра и ложу для почетных гостей, как в Большом театре. И я думаю, без такого клуба и без вашего искусства не могло бы существовать в Москве Большого театра. Когда я сижу в Большом театре, я словно листаю страницы прекрасной книги, когда я вижу ваше искусство, я ощущаю дыхание жизни...

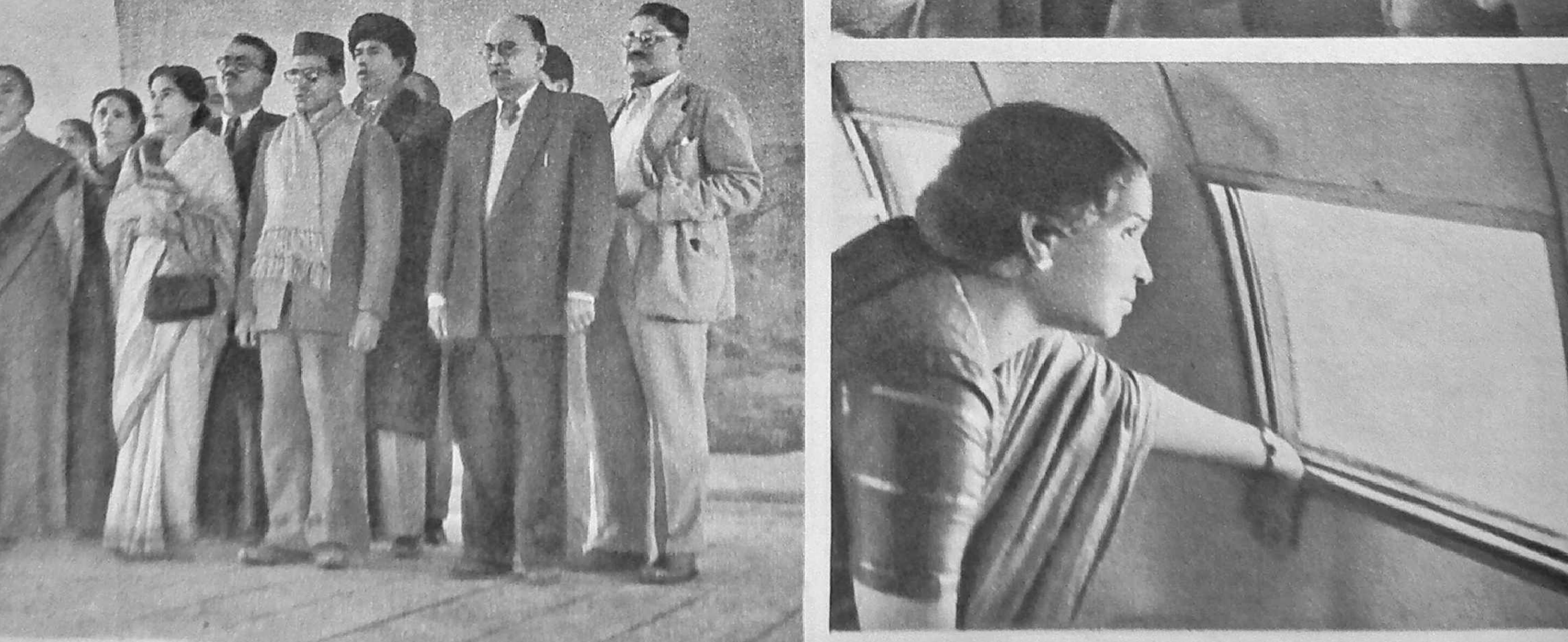
10

— Как же записать все виденное? — спрашивает художник Равишанкар Раваль.

Так много яркого он увидел здесь!

В пути, когда самолеты с индийской делегацией покинули Грузию, у делегатов выбралось несколько часов свободного времени, и художник Раваль приводит в порядок свой блокнот, заканчивает начатые зарисовки.

11

Велика Советская страна! Она стала понятней и ближе нашим индийским гостям. Самолет снова идет в Москву.

Писатель, борец за мир

И. Г. Эренбург.

27 января в Свердловском зале Кремля Илье Эренбургу была вручена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами». Эта высокая награда, которой удостоен советский писатель, вызывает большую радость всех советских людей.

Имя Ильи Эренбурга широко известно в нашей стране и за ее пределами, как имя неутомимого борца за мир. Сильная, страстная публицистика Эренбурга в годы Великой Отечественной войны проникала в сердца советских воинов и тружеников тыла. Она вдохновляла на битвы, на победы, на доблестный труд.

После исторической победы, одержанной советским народом в Великой Отечественной войне, Илья Эренбург в своих новых выступлениях, гневных и бичующих, разоблачает происки империалистов, поджигателей войны всех мастей. Его яркое слово советского художника перед всем миром срывает маску с новых американских последователей Гитлера. Участвуя в самом массовом движении народов, которое когда-либо знала история,— движении сторонников мира,— Илья Эренбург словом и делом помогает его укреплению и расширению.

Роман «Буря» — выдающееся произведение писателя, показавшее героизм французского народа в его борьбе с гитлеровскими оккупантами.

После этого И. Эренбург создал монументальное произведение «Девятый вал», в котором изображена широкая картина жизни советского народа, с могучей, титанической энергией залечившего тяжкие раны войны и созидающего в нашей стране коммунизм по великому сталинскому плану. Книга рассказывает о жизни стран народной демократии, строящих новую, счастливую жизнь, дающих отпор коварным проискам империалистов; о народах капиталистических стран, борющихся против американских оккупантов и их лакеев, за национальную независимость, за свободу и достоинство своих стран. Роман И. Эренбурга показывает, как народы создают единый фронт мира против фронта войны. Эренбург создал большую галерею образов людей, идущих в борьбе за мир и свободу вместе со своими народами.

Во время великих собраний народов, посвященных делу защиты мира, мы всегда слышим голос советского писателя, борца за дело мира Ильи Эренбурга, разоблачающего человеконенавистнические замыслы империалистов, раскрывающего перед нашими взорами неиссякаемые силы народов, вставших на борьбу за дело мира.

Илья Эренбург — выдающийся советский писатель, полный творческих сил, веры в победоносные силы народов, возглавляемых великим Советским Союзом и гениальным вождем советского народа, знаменосцем мира во всем мире товарищем Сталиным. Для каждого советского человека дело мира является жизненно важным делом. Советский рабочий, крестьянин, инженер, человек любой профессии, отдавая все свои силы укреплению могущества своей Родины, расцвету благосостояния и культуры своего народа, знает, что этим он крепит дело мира во всем мире. И когда мы слышим мужественный голос Эренбурга, пригвождающего к позорному столбу американских поджигателей войны, мы знаем, что это голос Советской страны, могущественной крепости мира. Охраняя нашу Родину от козней империалистов, ведущих подлую тайную войну путем шпионажа и диверсий, мы крепим и будем крепить всенародную боевую готовность дать отпор каждому происку врага.

Движение сторонников мира — могущественный барьер, созданный народами против империалистических поджигателей войны. В первых рядах активных защитников дела мира стоит наш советский писатель Илья Эренбург. В мужестве, спокойствии, мудрости советского народа он черпает силы и вдохновение для своей неустанной борьбы за дело мира и дружбы между народами.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Озеро в степи

Шло собрание комсомольцев колхоза имени И. В. Сталина, Луговского района, Джамбулской области. Слово попросил заведующий клубом Иван Балахнин.

— У меня есть предложение,— сказал он,— Кругом у нас степь. Не только поплавать, но и умыться воды не хватает. В нашей горной речке воды очень мало. Но если мы перегородим ее плотиной, тогда, пожалуй, можно настоящее озеро создать. Я уже и место подыскал...

Предложение комсомольца Балахнина заинтересовало колхозную молодежь. Комсомольцы осмотрели место строительства плотины, дамбы, подсчитали, какие потребуются затраты, посоветовались со специалистами, партийной организацией, правлением колхоза. И вот на горной реке Кара-Кистан началась стройка. По решению правления артели на помощь молодежи пришли все колхозники.

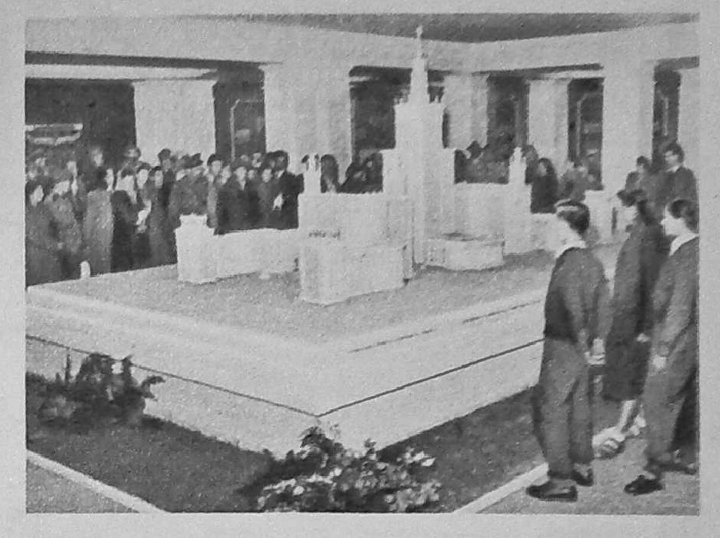
Ныне строительство плотины и озера закончено. Молодежь получила водный бассейн для плавания и гребли. Колхоз разводит на озере водоплавающую птицу, на берегу появилась ферма; гусям и уткам тут раздолье. Вблизи озера колхоз посеял 30 гектаров люцерны: сюда пришла вода из озера. По берегам посадили лес.

С наступлением зимних дней на озере стало особенно оживленно. Молодежь расчистила снег на льду и оборудовала каток.

Так по инициативе комсомольцев в степи, где нет озер и больших рек, возникло красивое озеро.

М. САМСОНОВ

Луговский район,
Джамбулская область.

Румынские трудящиеся у макета нового здания Московского государственного университета на выставке «СССР на пути строительства коммунизма».

Фото Аджерпресс

Две выставки

4 февраля 1948 года был заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Румынской Народной Республикой. С тех пор прошло пять лет. Срок небольшой. Но сколько гигантских изменений произошло за это время!

...У входа в одно из лучших зданий Москвы на Ленинградском шоссе колышутся на ветру государственные стяги СССР и Румынской Народной Республики. Здесь помещается выставка «Румынская Народная Республика на пути строительства социализма». Фотографии строек, модели разнообразных машин, макеты новых зданий, каналов, гидроэлектростанций, схемы, диаграммы лучше всяких слов рассказывают об огромных достижениях румынского народа.

На небольшом столике — книга отзывов. Десятки страниц заполнены записями посетителей. Вот энергичный почерк советского офицера. Лейтенант Афанасьев участвовал в освобождении Румынии в 1944 году. Ему особенно понятны и дороги громадные достижения молодой республики. А вот немного неровные строки, написанные старым рабочим Чекмаревым. «Мне семьдесят два года, — рассказывает он. — До революции я работал сначала на помещика, потом на капиталиста, которые высасывали из меня всю кровь. Только после Великой Октябрьской социалистической революции я, как и все трудящиеся нашей страны, познал радость свободного труда в свободной стране... Поэтому мне понятны та радость и тот подъем, с какими трудится теперь свободный румынский народ... Желаю румынскому народу как можно скорее построить социализм!»

...А за тысячу километров от Москвы, в столице Румынии Бухаресте, устроена другая выставка — «СССР на пути строительства коммунизма». Десятки сотен румынских трудящихся пришли посмотреть на достижения народа, уже построившего социализм. Вот один из отзывов: «Все это было скрыто от нас в прошлом, во время разбойничьего буржуазного режима. Мы ничего не знали о Советском Союзе. Я беру обязательство рассказать крестьянам моего села о великих достижениях СССР в строительстве коммунизма. Крестьянин Флоре Матей из села Групшань, область Крайова».

Десятки записей на румынском языке и на языках всех национальностей, проживающих в республике, повторяют по-своему слова, сказанные вождем румынского народа товарищем Георгиу-Деж, о том, что помощь Советского Союза является основным условием для построения социализма в Румынской Народной Республике.

...Две выставки — два кратких отчета о достижениях СССР и Румынской Народной Республики — яркое подтверждение плодотворной дружбы братских народов.

Г. БОРОВИК

Посетители выставки «Румынская Народная Республика на пути строительства социализма» осматривают макет полиграфического комбината «Дом Скынтейи», строящегося в Бухаресте.

Фото О. Кнорринга

РЕПИН в КАЧАНОВКЕ

Работа над картиной «Запорожцы»

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Репин, как и Гоголь, всю свою жизнь питал глубочайшую любовь к Украине. Стоит прочитать, например, письма Репина того периода, когда ему пришлось в качестве пенсионера Академии художеств три года (1873—1876) провести в «обязательных чужих краях» (по выражению В. В. Стасова), чтобы убедиться, с какой предельной теплотой, с какой нежностью вспоминал он Украину, как тянуло его к родным местам. При этом Репина влекли к себе не только люди Украины, не только ее чудесная природа; художник прямо указывает, что его «манит» также и прошлое Украины. Вот что писал он Стасову из Парижа 8 апреля 1874 года: «...мне страх как хочется в Россию, чтобы изучать наше и работать по-своему, на родной почве; разрабатывать нашу особенность вкусов, образов и понятий — ведь почти непочатое дело. Манит меня еще очень Малороссия, ее история: много там живописи и чувства».

По приезде из-за границы Репин с октября 1876 года по сентябрь 1877 года прожил в Чугуеве. Осенью 1877 года он поселился в Москве, а лето следующего года прожил в Абрамцеве. Именно здесь и возник в июле 1878 года замысел картины «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану».

В литературе о Репине до сих пор широко распространены неверные утверждения о том, при каких обстоятельствах зародился замысел прославленной картины. Между тем в одном из своих писем Репин прямо указывает, кто и когда натолкнул его на сюжет «Запорожцев». Вот этот текст. «Письмо запорожцев султану,— пишет Репин,— было помещено Костомаровым в своей статье в «Вестнике Европы», если не ошибаюсь, в 1878 или 1879 г. в начале лета. Мне тогда указал на это письмо Мстислав Прахов. Хотя оно с детства было знакомо мне. В Малороссии у каждого пономаря есть список этого апокрифа. И когда соберутся гости у «батюшки», письмо часто читается вслух подгулявшей компании» (письмо Стасову от 27 октября 1904 года).

Случилось так, что исследователи прошли мимо этого ценного свидетельства, а публикаторы письма не сумели уточнить имеющееся в нем сообщение о «Запорожцах». Указание Репина, сделанное по прошествии многих лет, было не совсем точно.

Репин был прав, утверждая, что Мстислав Прахов указал ему на «письмо запорожцев султану» в публикации Костомарова. Но появилась эта публикация не в «Вестнике Европы», а в другом журнале — в «Русской старине», и не «в 1878 или 1879 г. в начале лета», а в 1872 году. В 1878 же году, «в начале лета», Прахов дал Репину прочитать «письмо запорожцев», почувствовав, что эта чудесная анекдотическая быль может послужить прекрасным сюжетом для исторического полотна.

С М. В. Праховым (1840—1879), активным участником студенческих волнений 1861 года, отбывшим трехмесячное заключение в Петропавловской крепости, Репин познакомился еще в начале 1865 года, через год после поступления в Академию художеств. Прахов принадлежал к числу тех, кто в этот период сумел приобщить молодого чугуевца к подлинной культуре, привить ему передовые воззрения. Благотворное и прогрессивное влияние Прахова было столь значительно, что Репин до конца дней вспоминал о нем с признательностью. В своих воспоминаниях Репин называет его «наш просветитель», «профессор великой учености», «глубокий человек».

В июле 1878 года Репин поселился с семьей в Абрамцеве. Здесь в это время гостил и Прахов. Вскоре художник принялся писать его портрет. Быть может, во время сеансов Прахов, вспомнив о публикации Костомарова, и посоветовал Репину положить «письмо запорожцев» в основу сюжета картины. «Абрамцево. 26 июля 1878 г.» — такова надпись Репина на карандашном наброске, запечатлевшем первую мысль.

Этот первоначальный эскиз, однако, никак не смог бы получить дальнейшего развития без того, что Репин называл «поддержать себя реальной формой». Как исторический живописец, Репин был предельно добросовестен. Эта добросовестность заставляла его всегда самым детальным образом изучать и исторические документы и исследования, посвященные той или иной эпохе. Художник с необычайной пытливостью разыскивал также предметы быта, сохранившиеся от далеких времен, всевозможные памятники старины, все то, что могло дать ему представление об эпохе, живой образ которой он собирался воскресить своею кистью на полотне. Тому же методу Репин следовал и в работе над «Запорожцами». Репин задумал изучить на месте не только типичные черты облика простых людей Украины, потомков его героев-запорожцев, но и памятники ее исторического быта.

Но случилось так, что осуществить подобную поездку Репин смог только в 1880 году. Причиной задержки послужила работа художника над картинами «Царевна Софья», которую нужно было закончить к VII Передвижной выставке, открывшейся в феврале 1879 года, и «Проводы новобранца», над которой он с большим упорством трудился весь 1879 и начало 1880 года, показав ее 22 марта на VIII Передвижной выставке в Москве.

С весны 1880 года Репин начинает серьезно подумывать о длительной поездке на Украину. Для этого у Репина была еще одна необходимость: в 1877 году, живя в Чугуеве, он начал писать картину «Вечорниці», которую из-за отсутствия натуры так и не смог закончить в Москве. Только Украина и могла дать Репину нужный материал и для «Вечорниц» и для «Запорожцев».

Чтобы выработать маршрут поездки, Репин решил поговорить с историком Н. И. Костомаровым. «Я имел от него сведения о всех местах, где бывали Сечи»,— вспоминал Репин о встрече с Костомаровым.

И вот в мае 1880 года Репин в сопровождении своего ученика, пятнадцатилетнего Серова, отправился в дорогу. Целых пять месяцев длилось это путешествие по Украине. Репин обозрел тогда десятки достопримечательных мест, исполнил кистью и карандашом огромное количество этюдов. Но едва ли не самым плодотворным оказалось для Репина пребывание в Качановке, имении В. В. Тарновского в Черниговской губернии.

«Вечорниці» писаны и в Москве, и в Петербурге,— рассказывал Репин,— но главная работа была в Качановке, у Тарновских. Там, все почти лето, каждый вечер я уходил на село. Там, в Досвичанi хотынi, устроен был и стол и все места для девчат и парубков, и я заполнял альбомы материалами» (Репин прожил там в действительности около месяца; ошибка объясняется тем, что вспоминал он о поездке спустя 46 лет). Эти материалы дали возможность художнику через несколько месяцев завершить «Вечорниці» и показать на очередной Передвижной выставке.

Еще большее значение имело, однако, пребывание Репина в Качановке для «Запорожцев». Для этой картины он нашел здесь то, что не мог увидеть нигде в другом месте. Мы говорим об обширнейшей коллекции предметов запорожской старины, которая находилась в Качановке и являлась лучшей из всех тогда существовавших.

Создателем этой коллекции был В. В. Тарновский (1837—1899), происходивший от одного из тех руководителей запорожского войска, которые во время измены Мазепы сохранили преданность Петру I. Предок Тарновского «за верность службы» пожалован был царем в 1691 году имениями. В своей культурной и общественной деятельности Тарновский шел по стопам отца — В. В. Тарновского-старшего, которого Н. В. Гоголь, учившийся с ним в Нежинском лицее, называл человеком «благородным», «очень преданным науке», а известный ученый П. П. Семенов-Тян-Шаньский — «горячим патриотом, стремившимся к тому, чтобы Днепровская Русь» пошла «в единении с великороссийским народом по пути своего духовного и материального развития».

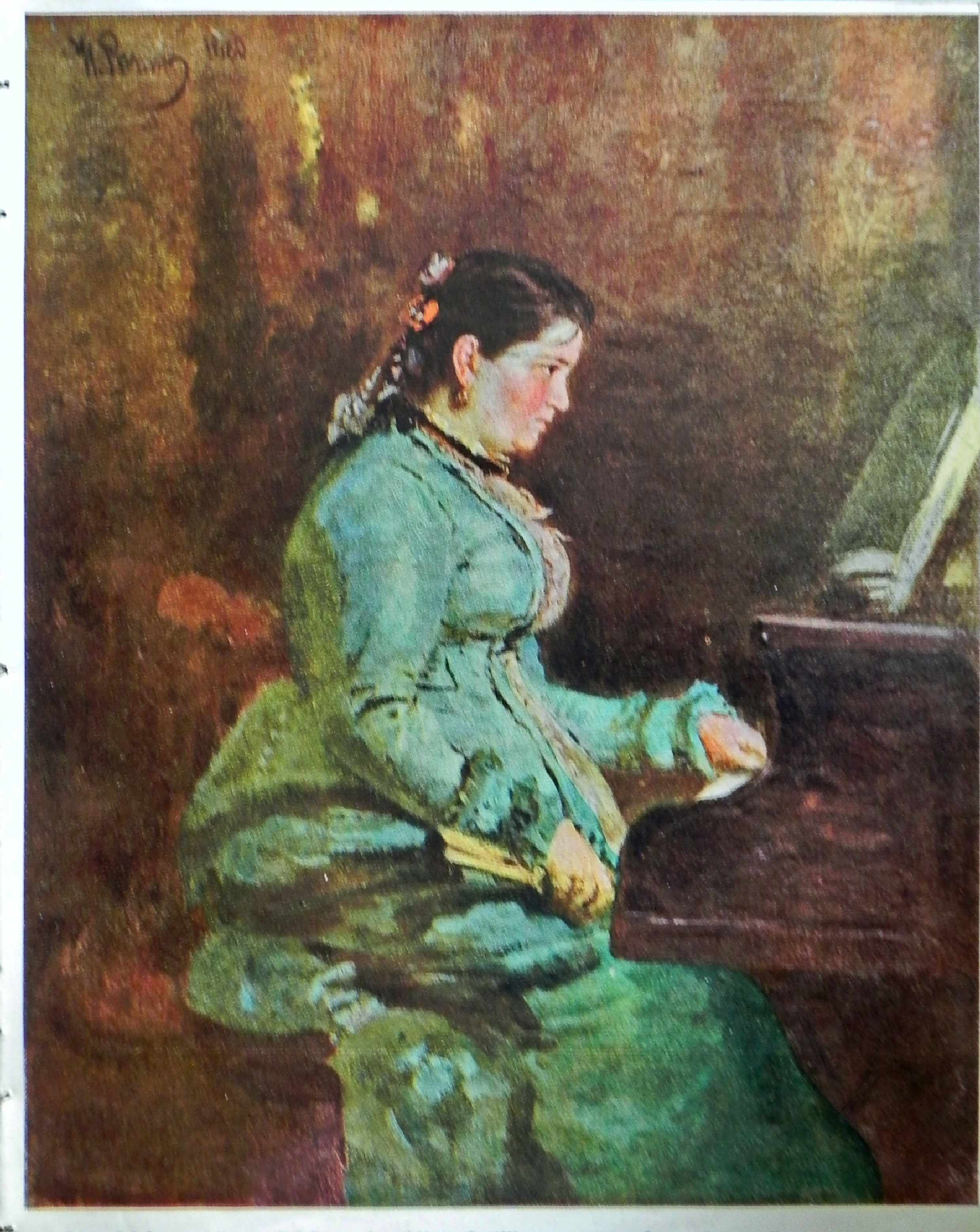
В. В. Тарновский-сын на протяжении всей жизни горел подлинной страстью к собиранию предметов украинской старины, а его преклонение перед памятью Шевченко, с которым в молодые годы он встречался в Качановке, а позже находился в дружеских отношениях и в переписке, вылилось в не менее страстное собирание всего того, что относилось к жизни и творчеству великого украинского поэта и художника. Причем то была, как указывает один из близко знавших его лиц, «не праздная забава собирателей редкостей. Это — глубоко национальное дело, выполненное В. В. Тарновским пред родиной. В музее он всегда видел общественное достояние». Завещал Тарновский свое собрание Чернигову, и оно легло в основу Исторического музея.

О том, с каким поразительным по своему разнообразию собранием памятников запорожской старины Репин получил возможность ознакомиться в Качановке, может дать представление выпущенный В. В. Тарновским на русском языке каталог, в котором в разделе «Казацкий период» описано около 900 предметов (а частично и воспроизведено). Репин увидел в Качановке оружие запорожцев — сабли, пики, ружья, пистолеты, пушки,— предметы их домашнего обихода, утварь, музыкальные инструменты, мужские одеяния, коллекцию портретов исторических лиц. Все это Репин пытливо изучал, многое зарисовал.

Во время пребывания в Качановке Репин исполнил также большое количество этюдов типичных представителей местного украинского населения. В результате этой работы внешние черты облика некоторых персонажей картины «Запорожцы» начали приобретать реальный характер. «Живая натура», подысканная Репиным в Качановке, во многом помогла ему в дальнейшем, так как, лишь отталкиваясь от прототипа, найденного в жизни, художник доводил до полной выразительности каждую фигуру в «Запорожцах».

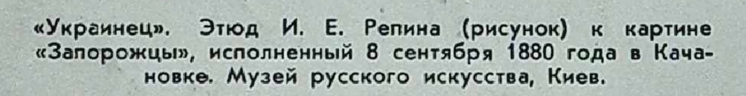
С поражающей энергией работал Репин в Качановке. Многие и многие его альбомы заполнены были рисунками и акварелями, целый ряд этюдов маслом исполнил он тогда же. Но случилось так, что результат этого труда рассеян по всему свету, а то, что обретается в нашей стране, во многом остается невыявленным, а потому и неизвестным. Так, выставка произведений Репина, организованная в 1936 году в Третьяковской галерее, «собравшая,— как указано в каталоге,— со всего СССР картины и рисунки великого мастера»,— а то была лучшая из всех когда-либо устраивавшихся репинских выставок,— показала лишь два исполненных в Качановке этюда к «Запорожцам». Между тем можно было бы экспонировать не меньше пятнадцати таких этюдов, показав вдобавок еще и замечательный женский портрет, написанный Репиным в Качановке. Некоторые из выявленных этюдов мы и репродуцируем здесь.

Три карандашных этюда Репина, выполненных в Качановке в качестве подготовительных работ к картине «Запорожцы», ныне хранятся в Киевском музее русского искусства. Лучший из них — зарисовка сидящего украинца. Блестящее мастерство Репина-рисовальщика полностью сказалось в этом этюде. Хмурое

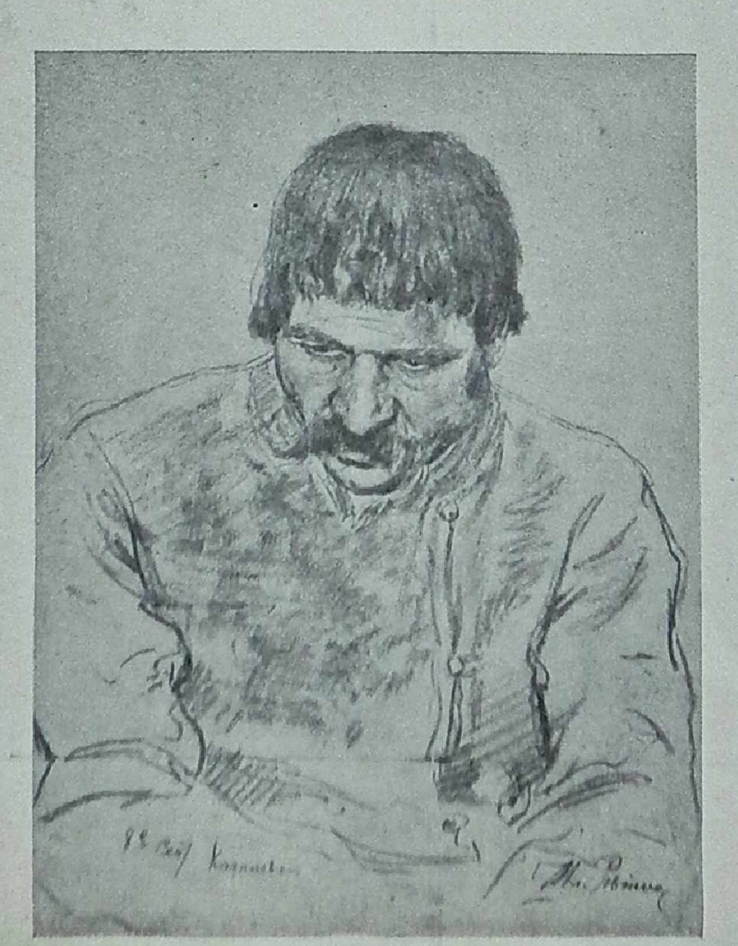
Портрет С. В. Тарновской. Исполнен И. Е. Репиным (масло) 16 сентября 1880 года, во время пребывания в Качановке. Художественный музей, Сумы.

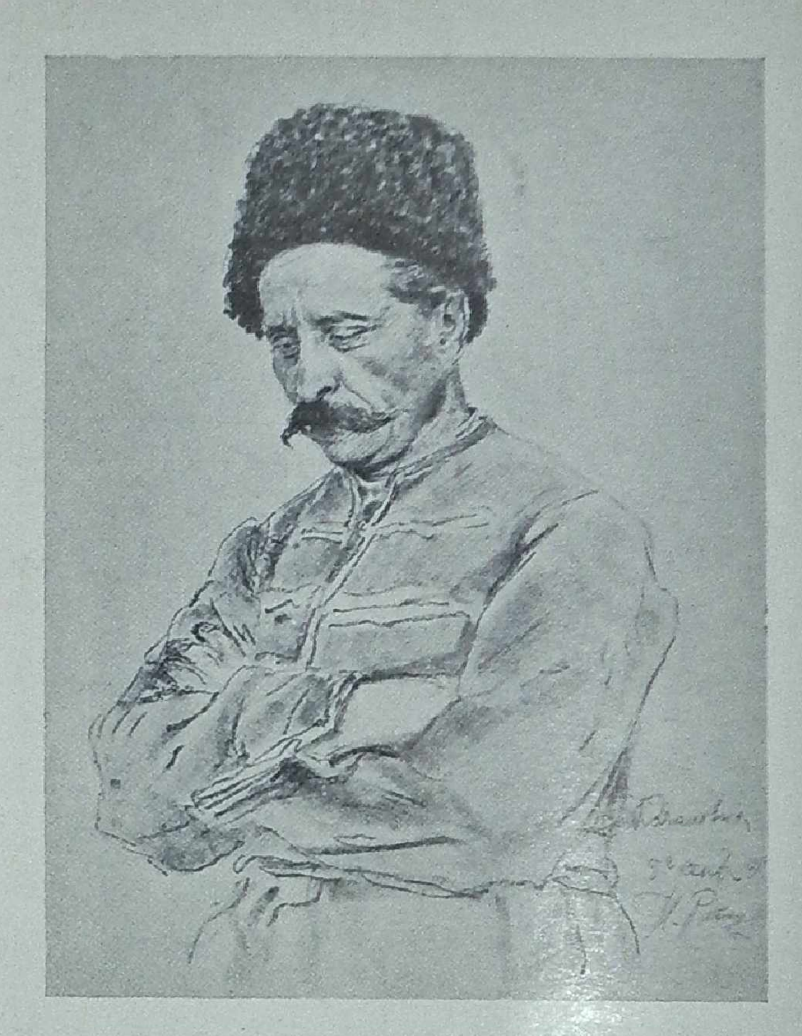

«Украинец». Этюд И. Е. Репина (масло) к картине «Запорожцы», исполненный в сентябре 1880 года в Качановке. Собрание проф. Н. П. Федотьева, Ленинград.

«Украинец». Этюд И. Е. Репина (рисунок) к картине «Запорожцы», исполненный 8 сентября 1880 года в Качановке. Музей русского искусства, Киев.

«Украинец». Этюд И. Е. Репина (рисунок) к картине «Запорожцы», исполненный 5 сентября 1880 года в Качановке. Третьяковская галерея, Москва.

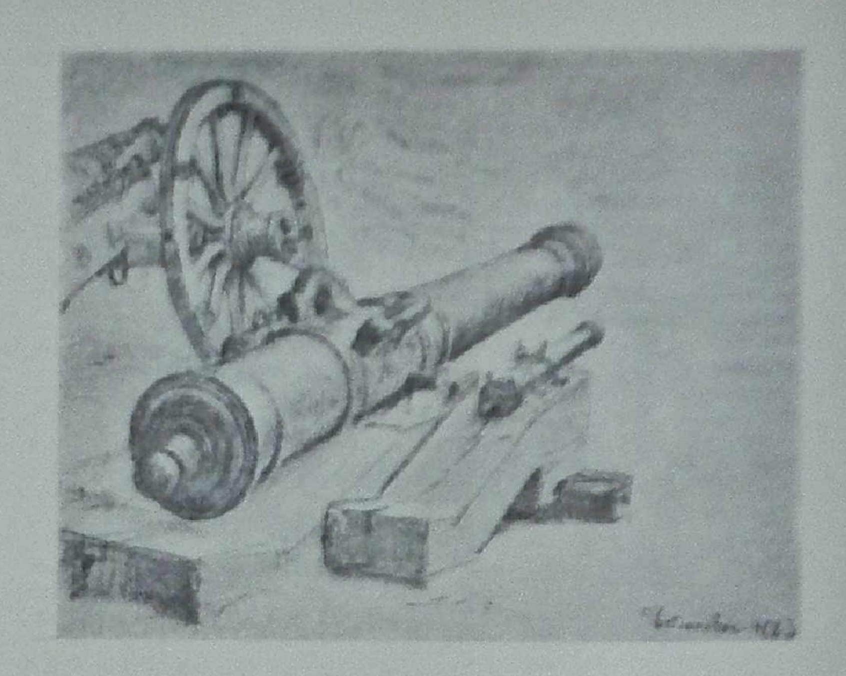
«Мальчик-украинец». Этюд И. Е. Репина (масло), исполненный в 1880 году в Качановке. Собрание А. И. Логиновой, Москва.

«Гетман» (В. В. Тарновский в старинном запорожском кунтуше). Исполнено И. Е. Репиным (масло) в 1880 году, во время пребывания в Качановке. Художественный музей, Сумы.

«Запорожские пушки» в собрании В. В. Тарновского. Зарисовка И. Е. Репина, исполненная в 1880 году в Качановке. Находилась в «Пенатах»; нынешнее местонахождение неизвестно.

«Украинец» («Казак В. В. Тарновского»). Этюд И. Е. Репина (масло) к картине «Запорожцы», исполненный 27 августа 1880 года в Качановке. Находился в собрании А. Ф. Маркса в Петербурге; нынешнее местонахождение неизвестно.

«Аллея в парке». Этюд И. Е. Репина (масло), исполненный в 1880 году в Качановке. Третьяковская галерея, Москва.

лицо, пытливый взгляд переданы превосходно, так же, как и внутренний, душевный мир. Слева внизу надпись: «8-е сент. Качановка». В том же музее находится несколько листов из альбома, в котором Репин делал наброски, путешествуя в 1880 году по Украине. На двух листах — зарисовки заинтересовавших Репина экспонатов из собрания Тарновского: на одном — гетманская печать с грамоты гетмана Разумовского с изображением в центре запорожца с ружьем и саблей; на другом — различные карандашные наброски. На первом листе рукою Репина написано: «Качановка»; на втором: «Пояс Остряницы». Судя по каталогу коллекции Тарновского, Репин зарисовал фрагменты пояса гетмана Остряницы.

Другие листы того же альбома принадлежат Днепропетровскому историческому музею. На одном художник изобразил запорожскую пушку XVII века. Слева на рисунке рукою Репина проставлено: «26 августа 1880. Качановка». Три листа заполнены зарисовками с портретов гетмана Самойловича, наказного атамана Павла Полуботка и с портрета «гетмана», считавшегося изображением Мазепы.

Недавно была обнаружена одна из наиболее значительных работ, исполненных Репиным в Качановке. О том, что такая вещь существовала, было известно давно, по ряду упоминаний и репродукций. Но так как на репинских выставках в советский период она никогда не появлялась, ее и считали утраченной. В 1949 году полотно это было воспроизведено в «Огоньке» (№ 32) с указанием: «Нынешнее местонахождение неизвестно». Данная публикация и помогла обнаружить оригинал, который, как оказалось, с 1919 года находился в Сумском художественном музее. Это этюд «Гетман», для которого Репину позировал сам В. В. Тарновский. Сохранилось свидетельство современника о «замечательно своеобразном красивом малорусском лице» Тарновского. Именно эти национальные внешние черты облика прямого потомка запорожских военачальников и привели Репина к решению написать этот этюд. Репин попросил Тарновского позировать в парадном запорожском кунтуше XVII века. За цветным поясом старинный пистолет, сбоку сабля, оправленная золотом и серебром. Левой рукой «Гетман» облокотился на запорожскую пушку.

Превосходная зарисовка молодого украинца, сделанная в Качановке, принадлежит Рязанскому музею. Репин предложил позировать ему в полунаклоненном виде, предполагая, быть может, что один из будущих героев его картины будет дан в подобной позе. На рисунке сверху художник написал: «Андрий Кот»; внизу: «8-е сент. Качановка».

В Третьяковской галерее хранятся два этюда Репина, связанных с его тогдашней предварительной работой над «Запорожцами». Один из них, изображающий украинца с скрещенными руками, принадлежит к числу самых прославленных портретных зарисовок Репина. Когда речь идет о Репине, как о рисовальщике, этот лист неизменно упоминается в числе произведений высокого художественного совершенства. На нем надпись: «Качановка. 5-е сент. 80». Другая вещь — акварельный этюд запорожских поясов. Двусторонние, затканные по яркому фону золотом или серебром, с цветами и арабесками, с длинной золотой или серебряной бахромой, эти пояса имели по 4—5 аршин в длину и около аршина в ширину.

Но не только типы украинцев и памятники старины запечатлел Репин в Качановке. Его привлекла также и благодатная природа этой живописнейшей местности. Все, кто только ни бывал в Качановке, в том числе и М. И. Глинка, гостивший здесь в 1838 году три месяца, неизменно вспоминали об огромном старом парке, об озере, о вековых аллеях, о море зелени и цветов. Отдал дань восхищению красотой этих мест и Репин: до нас дошел лишь один его пейзажный этюд — «Качановка»; — но можно не сомневаться, их было больше. Этот этюд хранится ныне в Третьяковской галерее. На маленькой дощечке Репин написал одну из аллей качановского парка, прекрасно передав и освещенные солнцем верхушки деревьев, и изумрудные тона листвы, и залитую светом полянку в глубине аллеи.

Из числа репинских этюдов, написанных в Качановке и находящихся в частных собраниях Москвы и Ленинграда, один изображает молодого украинца в той же полунаклоненной позе, что и «Андрий Кот». Репина, видимо, особенно привлекала эта поза; он задался целью найти для нее наиболее жизненную форму и поэтому исполнил и рисунок и этюд маслом (последний хранится в собрании проф. Н. П. Федотьева в Ленинграде).

В собрании А. И. Логиновой (Москва) находится этюд мальчика, написанный в Качановке. Исполнен он был для фигуры «хлопчика», не вошедшего в окончательный вариант «Запорожцев», а по первоначальному замыслу сидевшего внизу картины и готовившего казакам «люльки». Этюд этот демонстрировался на репинской выставке 1891 года в разделе «Этюды к «Запорожцам». На лицевой стороне надпись художника: «1880. Качановка».

Большое количество репинских работ, исполненных в Качановке, обретается ныне неизвестно где. Мы имеем возможность воспроизвести некоторые из утраченных вещей, так как удалось разыскать их фотографии или репродукции. Среди них имеются и такие, которые сам Репин ценил, так как показал их на своей персональной выставке 1891 года. В каталоге они названы: «Казак В. В. Тарновского» и «Резчик В. В. Тарновского» (оба этюда маслом). Многочисленная прислуга в Качановке носила темносиние, с золотыми галунами и кистями, старинного покроя кунтуши, перевязанные красными поясами, и папахи с красным же верхом. «Все это,— вспоминает современник,— создавало удивительно художественную, красочную картину и переносило в далекое прошлое». В таком-то костюме и изображены «Казак» и «Резчик». Первый этюд особенно значителен. На нем авторская надпись: «27 августа 1880. Качановка». На втором изображен один из работников существовавшей тогда в Качановке столярной мастерской.

Сохранились снимки, которые были сделаны в Пенатах в 1915 году по указанию Репина с двух рисунков из альбомов; снимки предназначались для первого иллюстрированного издания «Далекое близкое» (не осуществившегося). На одном рисунке видим голову пожилого украинца в круглой шапке, на другом, акварельном,— запорожский пояс.

Фотография пятого утраченного произведения Репина сделана с рисунка, на котором изображены старинные казацкие пушки. Судя по каталогу коллекции Тарновского, в Качановке хранилось свыше тридцати пушек, которыми в свое время пользовались запорожцы (или которые были найдены на местах сражений в районах запорожских сечей). Иные из этих пушек имели 3 с лишним аршина в длину и весили 45 пудов, другие имели лишь 13 вершков в длину и весили около пуда. Три пушки из этой коллекции и зарисовал Репин (авторская надпись: «Качановка. 1880»).

Трудно себе представить, какое количество этюдов было исполнено Репиным в связи с его работой над «Запорожцами». В настоящее время известна лишь весьма малая их часть. Но даже и те немногие, ставшие ныне известными этюды Репина из числа исполненных в Качановке в течение всего лишь месячного пребывания в ней ярко свидетельствуют о том, какой, в сущности, огромный труд Репин потратил только на то, чтобы освоиться с духом, с характером эпохи, зная наперед, что подавляющая часть этих этюдов не войдет в картину, не будет в ней использована.

Особо надо остановиться на одной вещи, написанной Репиным в Качановке. Это женский портрет, принадлежащий к числу замечательных работ Репина. Между тем до последнего времени никаких данных о нем в литературе о Репине не было.

На персональной выставке Репина, устроенной в 1891 году, на которой художник показал картину «Запорожцы» и этюды к ней, экспонировало полотно, поименованное в каталоге в разделе «Этюды разные» — «С. В. Тарновская за роялем». Ни в одном списке произведений Репина, ни в одном исследовании, посвященном художнику, такая вещь даже не упомянута; не демонстрировалась она и на какой-либо репинской выставке послереволюционных лет. Казалось, можно было считать это произведение безнадежно утраченным. В действительности же оно сохранилось и находится в Художественном музее города Сумы. «У рояля» — под таким названием числится там это произведение вот уже треть века, а кого изображает, оставалось неведомым. Между тем не может быть сомнений, что перед нами именно «С. В. Тарновская за роялем». На портрете имеются надписи: слева вверху — «И. Репин. 1880», внизу — «16 сентября. Качановка». Это означает, что этюд написан во время пребывания Репина в имении Тарновских. Далее, на портрете изображена именно музицирующая женщина, а жену владельца Качановки звали Софья Васильевна. Портрет Сумского музея и есть полотно «С. В. Тарновская за роялем», которое было показано на выставке 1891 года.

С большим увлечением писал Репин портрет Тарновской. В нем явственно ощущается «трепет живого наблюдения», характерный для лучших работ художника, исполненных с натуры. Великолепно написана и голова и вся фигура Тарновской. В превосходном колористическом решении портрета чувствуется зрелое мастерство, с предельной тонкостью переданы переливы бирюзовых тонов платья. «С. В. Тарновская за роялем» может быть причислена к той серии первоклассных портретов, исполненных Репиным в 80-х годах, которых одних, по замечанию исследователя, «было бы достаточно, чтобы обессмертить его имя».

Завершив 16 сентября 1880 года портрет Тарновской, Репин вскоре уехал из Качановки. В конце сентября он был уже в Москве.

Поездка на Украину так воодушевила художника, что по приезде он принялся за разработку нового эскиза картины. 7 октября мастерскую Репина посетил Л. Н. Толстой. «В «Запорожцах» он мне подсказал много хороших и очень пластических деталей первой важности, живых и характерных подробностей. Видно тут мастера исторических дел»,— сообщал Репин о посещении Толстого. А еще через несколько дней он с таким увлечением принялся за писание картины, что признавался Стасову: «До сих пор не мог ответить Вам, Владимир Васильевич; а всему виноваты «Запорожцы», ну, и народец же!! Где тут писать, голова кругом идет от их гаму и шуму... Вы меня еще ободрять вздумали; еще задолго до Вашего письма я совершенно нечаянно отвернул холст и не утерпел, взялся за палитру и вот недели две с половиной без отдыху живу с ними, нельзя расстаться — веселый народ... Недаром про них Гоголь писал, все это правда! Чертовский народ!..»

Но через два месяца Репин придет к выводу: «Запорожцы» не могут быть исполнены скоро — много работы»,— извещает он Стасова 2 января 1881 года. И действительно, все, что до этого времени было сделано Репиным, оказалось, в сущности, только началом последующей огромной работы. Репину пришлось еще много и упорно поработать над этюдами, дважды выезжая на места. Не раз он начинал картину совсем заново, на другом холсте, многократно подвергал коренной переработке многие фигуры картины, не останавливаясь перед совершенным уничтожением в ней тех фигур, которые были уже полностью закончены. С особой тщательностью вынашивал художник замысел «Запорожцев», добиваясь как выразительности и характерности отдельных образов, так и «общей гармонии картины». И становится понятным, почему Репин впервые продемонстрировал картину «Запорожцы» лишь в конце 1891 года, поставив на ней даты: «1880—1891».

В начале будущего года — 8 января 1954 года — вся наша страна будет отмечать знаменательную дату — трехсотлетие Переяславской Рады, на которой было официально закреплено воссоединение Украины с Россией.

В этой связи вспомнится и картина Репина, воспевающая героическое прошлое украинского народа, — «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану», — в которой выведен знаменитый руководитель запорожских казаков — кошевой атаман Иван Сирко. После смерти Богдана Хмельницкого, в тяжелые для Украины годы, он был в числе главных организаторов борьбы за окончательное объединение с великим русским народом.

Монументальное произведение Репина — еще одно подтверждение интереса передовых людей России к истории братского украинского народа, к его выдающимся прогрессивным деятелям.

На высокогорном катке

СОРЕВНОВАНИЯ СИЛЬНЕЙШИХ КОНЬКОБЕЖЦЕВ СТРАНЫ

М. МЕРЖАНОВ Фото А. БУРДУКОВА
Специальные корреспонденты «Огонька»

Подъем флага.

Парад участников соревнования.

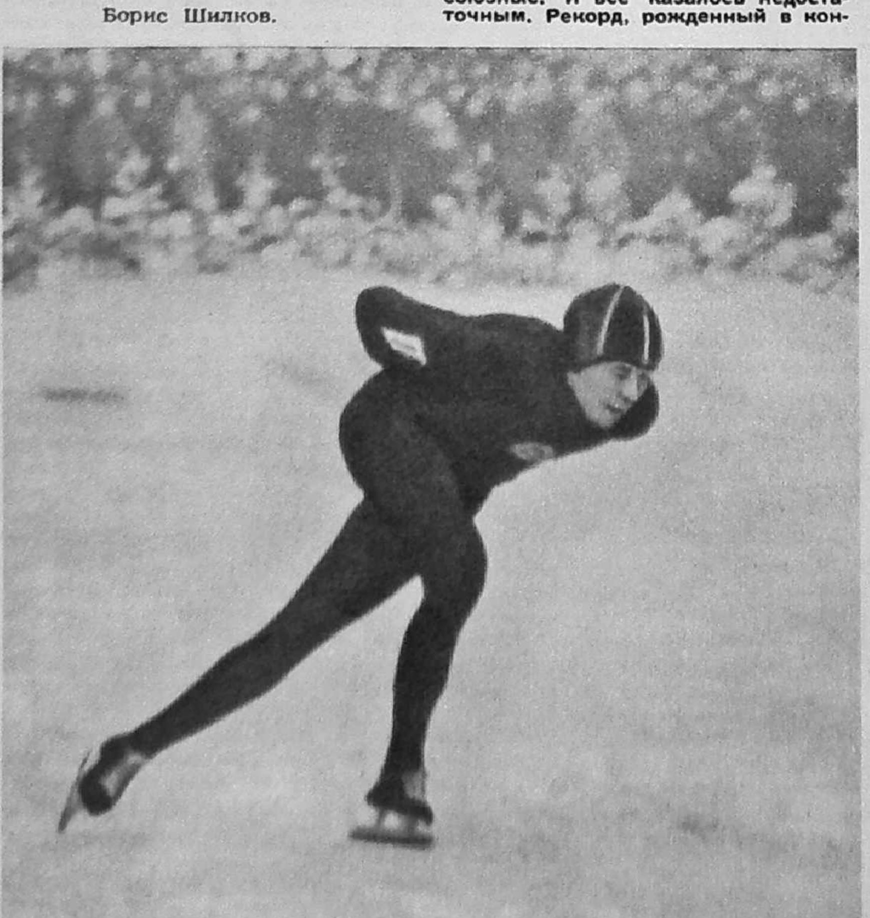
НАЧАЛО ШТУРМА

Высокогорный каток близ Алма-Аты расположен в очень красивом месте: с трех сторон к нему подступают крутые горы, поросшие хвойным лесом, а в ущельях виднеются кряжи далеких хребтов, и среди них высится красавец Абай. Это урочище словно создано для катка. Горы защищают ледяную чашу от резких ветров, гуляющих в горах Ала-Тау. Лишь изредка забредает сюда обессиленный ветерок и лениво колышет флаги. Воздух чистый и разреженный. Легко дышится.

Зимнее солнце, подымаясь из-за гор, устремляет свои ослепительные лучи на каток, и тогда полированная его гладь блестит, как зеркало, и весь он просвечивается. Но недолго балует горное солнце. Вот оно скрылось сначала за одну вершину, затем за Абай, а в середине дня ушло за Мохнатые сопки, обросшие тянь-шаньскими елями.

Советские конькобежцы за последние годы показывали высокие результаты на катках Москвы, Горького, Кирова... Но высокогорный каток общества «Искра» стал всемирно известной ареной спортивной борьбы. Именно здесь впервые и решительно были побиты, лучше сказать, разбиты, все долголетние рекорды, казавшиеся недоступными. На штурм их пошли не только старые, прославленные мастера, но и молодежь. Били рекорды личные, городские, республиканские, всесоюзные. И все казалось недостаточным. Рекорд, рожденный в конце зимы, жил только до начала следующей, чтобы быть побитым трижды и четырежды. Наконец в прошлом сезоне вновь была обновлена почти вся таблица мировых достижений как у мужчин, так и у женщин. Показатели были такими, что многие тренеры поспешили объявить рекорды «феноменальными» и чуть ли не «сверхъестественными».

Но наступила новая зима, и мы видим, как советские скороходы пошли на штурм рекордов, казавшихся феноменальными. В этом новом наступлении рекорды подвергаются изменению по нескольку раз в течение одного дня, одного часа, иногда — нескольких минут. Так было в состязаниях на первенство страны, которые проходили на высокогорном катке близ Алма-Аты несколько дней назад.

Борис Шилков.

РЕКОРД, БИТЫЙ ЧЕТЫРЕЖДЫ

Когда кончился парад участников, был поднят флаг соревнований, раздался первый выстрел. Начались забеги на 500 метров. Пара за парой пробегали по кругу лучшие скоростницы страны. Спринтерская (короткая) дистанция — одна из самых сложных. Малейшая ошибка: не резко взятый старт, плохо пройденный вираж — сразу отражается на показателях. «Чувствительная дистанция»,— говорят о ней спортсмены. Судьи засекают один результат за другим. Подавляющее большинство участниц прошло эту трудную дистанцию меньше чем за 50 секунд, и этот факт говорит о многом. Самое лучшее время показала молодая спортсменка из Калинина Ремма Меньшова. Когда судьи остановили секундомеры, стрелки на циферблате показали 47,7 секунды.

Очень интересно прошло состязание в беге на 3 тысячи метров. В прошлом сезоне Римма Жукова установила мировой рекорд на эту дистанцию: 5 минут 21,3 секунды. Результат отличный. Думалось, что его трудно изменить. Но Зинаида Воробьева (Кротова), которая шла во второй паре, умело распределив силы, финишировала с результатом 5 минут 21,2 секунды. Так был побит рекорд мира. Это известие вызвало бурю восторга.

Каждый рекорд имеет свою судьбу. Один живет десятилетие, а другой — несколько минут.

Диктор объявил:

— На старте Жукова и Прошина!

Зрители, сидящие на скамьях,

Римма Жукова.

на снежных валах, просто на сопке Мохнатой, притихли. Они понимали, что новому рекорду жить недолго. Как только прозвучал выстрел, Римма Жукова энергично взяла старт. Она показала отточенную технику скоростного бега, сильный толчок, прекрасный ход на вираже, высокие волевые качества.

После первых же кругов было ясно, что мировое достижение, только что показанное Воробьевой, трещит по всем швам. Когда чемпионка пересекла линию финиша, диктор, потеряв спокойствие, крикнул:

— Римма Жукова закончила дистанцию за 5 минут 13,8 секунды!

И тогда сплошной гул повис над ущельем, эхом отозвавшись в горах. Старый мировой рекорд в тот же день был еще дважды бит: молодой московской спортсменкой Халидой Щеголеевой и Ольгой Анифьевой.

Таким образом, произошло групповое побитие рекорда.

ШЕСТЬ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ

Второй день соревнований в какой-то степени был похож на первый. Так, короткая дистанция — в тысячу метров — прошла сравни-

Главный судья соревнований Я. Мельников (в центре) поздравляет Р. Жукову с новым мировым рекордом. Слева — тренер Е. Сопов.

тельно спокойно, без рекордов. Ее выиграла прогрессирующая с каждым соревнованием Щеголеева.

Но на второй дистанции — в 5 тысяч метров — вновь разыгрались интересные события. Мировой рекорд Татьяны Карелиной, равный 9 минутам 10,7 секунды, был поставлен на этом же катке.

Все внимание зрителей было обращено на бег сильнейших в этом соревновании скороходок: Жуковой и Щеголеевой. Рекорд, который казался незыблемым, был побит обеими участницами забега. Жукова прошла дистанцию за 9 минут 1,6 секунды. Специалисты переглянулись и сказали: «Мужской результат».

Щеголеева финишировала через 5,2 секунды.

Снова взметнулся гул. Крики «Браво, Римма! Ура!» долго висели в воздухе. Но забег продолжался, и карелинский рекорд терпел новые испытания. Его улучшили Ольга Акифьева и Лидия Селихова. Однако улучшить результат Риммы Жуковой им не удалось. Так снова четырежды улучшалось мировое достижение на самой длинной дистанции.

К этому нужно добавить, что Римма Жукова установила новый мировой рекорд в сумме многоборья: она набрала 204,010 очка. Тоже мужской итог! Таким образом, Жукова стала абсолютной чемпионкой страны 1953 года, установила три мировых рекорда, вышла победительницей на двух дистанциях и в общей сложности завоевала шесть золотых медалей. Победа Жуковой не случайна. Она сейчас находится в блестящей спортивной форме. Это результат ее настойчивой круглогодовой подготовки.

Радует успех молодой спортсменки Щеголеевой. Очень хорошие результаты показали Постникова, Авдонина, Блажевич и Рылова.

40,9 СЕКУНДЫ

На старт вышли мужчины. «Хозяином» 500-метровой дистанции считается Юрий Сергеев, обладатель мирового рекорда в 41,2 секунды, к которому никто не мог даже приблизиться. Спортсмены говорят: «Дистанция закрыта на долгие годы!» Однако Сергеев опроверг это предположение. Еще накануне соревнований он десятки раз на тренировках бил свой рекорд и сейчас идеально отработал технику бега на спринтерские дистанции. Зрители получили большое удовольствие, глядя на исключительно быстрые, согласованные, гармоничные движения рук и ног и красивую посадку.

Создавалось впечатление, что Сергеев скользит, лишь легко прикасаясь к поверхности льда. Сильный темп, взятый на первой прямой, он выдержал до последнего метра. Секундомеры показали 40,9 секунды. Выдающийся итог! Диктор объявил о новом мировом достижении. Второе место занял Евгений Гришин с показателем 42,6 секунды. Разрыв в 1,7 секунды очень велик для этой дистанции. Следует отметить, однако, что еще недавно результат, равный 43 секундам, причислялся к разряду феноменальных и был доступен одному или двум конькобежцам.

В беге на 5 тысяч метров, как и следовало ожидать, первенствовал Борис Шилков — победитель соревнований со шведскими спортсменами. Он тоже находится в хорошей форме; бег его оставляет впечатление точного расчета и большой уверенности в своих силах. Во всяком случае, большинство кругов он прошел со временем 39,5 секунды; общий итог — 8 минут 12,9 секунды — принес ему звание чемпиона Советского Союза.

Хорошие результаты показали также Сахаров, Красильников, Сакуненко.

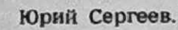
ПОД СНЕГОПАДОМ

В последний день соревнований конькобежцам не повезло. Накануне всю ночь и с утра был сильный снегопад. К высокогорному катку очень трудно было подъехать: его завалило снегом. Несколько десятков человек и специальные машины начали расчищать дорожку еще до рассвета. Только к полудню каток был очищен, но снег продолжал валить. Окружающие горы преобразились, словно их накрыли гигантскими белыми колпаками. Условия для соревнований были тяжелыми. Тем не менее мы наблюдали интересную спортивную борьбу на ледяных дорожках.

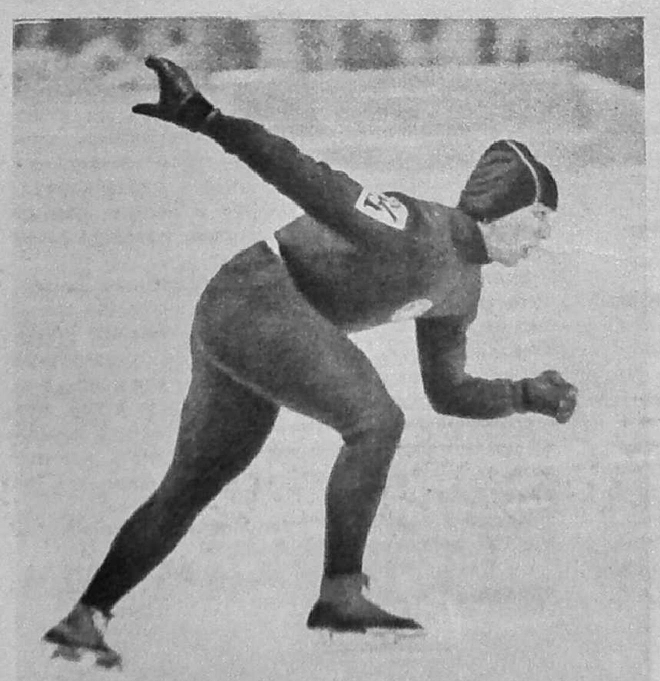
После первого дня соревнований наиболее вероятными претендентами на звание чемпиона страны были молодые скороходы Борис Шилков и Олег Гончаренко. Борьба между ними и привлекала всеобщее внимание. В беге на 1 500 метров Шилкову удалось закончить дистанцию с хорошим результатом: 2 минуты 15,4 секунды — и занять первое место. Гончаренко пробежал полторы тысячи метров почти на две секунды медленнее.

По сумме очков четырех дистанций первое место и звание абсолютного чемпиона Советского Союза завоевал ленинградец Борис Шилков. Это его третья победа на серьезных состязаниях.

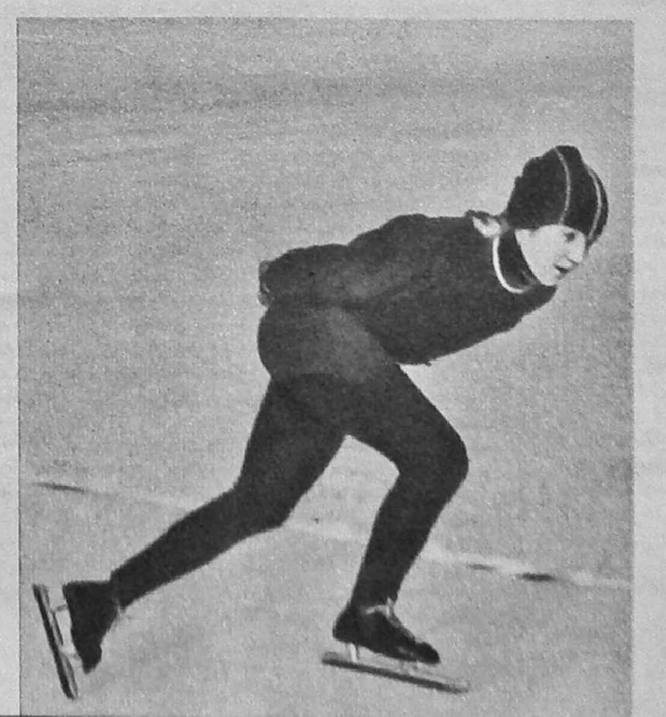
Так закончились соревнования на первенство страны и приз Совета министров Казахской ССР.

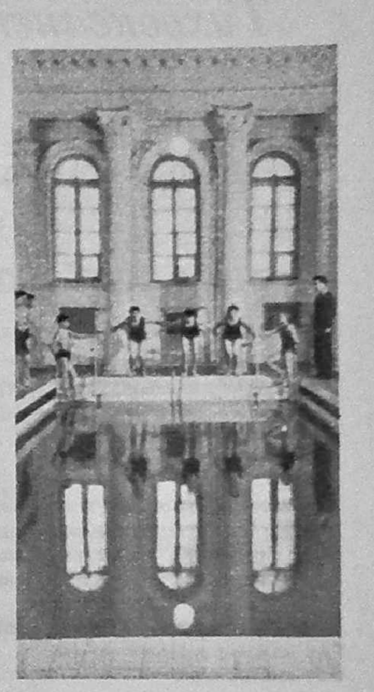

Юрий Сергеев.

Халида Щеголеева.

Учащиеся средних школ на тренировке в зимнем плавательном бассейне завода «Красный Октябрь».

Фото А. Брянцева

Зимний плавательный бассейн

«Сегодня вечером тренировочные занятия по плаванию» — предупреждают объявления, вывешенные в цехах завода.

С наступлением сумерек спортсмены, захватив чемоданы или свертки с купальными костюмами, торопятся на тренировку. На улицах зима. На Волге искрится лед. Но юноши и девушки разговаривают о брассе и баттерфляе, словно сейчас не конец января, а знойное лето. Они идут в зимний плавательный бассейн Сталинградского рабочего поселка металлургов.

Еще недавно этот поселок лежал в руинах и развалинах. Дома, бульвары, очаги культуры — все было сметено огнем жестокой битвы. Сталинградцы возродили корпуса родного завода «Красный Октябрь». Еще краше, чем до войны, выглядит теперь городок краснооктябрьцев. Повсюду красивые многоэтажные жилые кварталы. Отстроено прекрасное здание Дома техники. Заложен заводской Дворец культуры.

Зимний бассейн оборудован всем необходимым для занятий водным спортом. Здесь можно тренироваться в плавании, прыжках в воду, проводить соревнования. С первых же дней бассейн приобрел популярность не только среди молодых рабочих и специалистов завода «Красный Октябрь», но и среди всех сталинградских физкультурников. Сюда со всех концов города съезжаются на занятия школьники, студенты, молодежь Сталинградского тракторного завода и других предприятий.

А. МАКСИМОВ

Тихоокеанские стихи

Сергей СМИРНОВ

Страна без солнца

Я на Южных Курилах, в поселке.
Он к прибрежным утесам прижат.
Позади,
будто серые волки,
Два неистовых моря лежат.

Здравствуй, грозная ширь океана,
Гребни скал и соленой воды!
Чуть приметно дымятся вулканы,
Как заводы Курильской гряды.

Дремлют чайки на месте посадки,
Где стихия меняет цвета.
Вот мелькнули
и мчатся касатки [1]
На фонтан
Голубого кита.

Плещут волны на берег шершавый.
Тает пена.
Теплынь.
Благодать.
А вон там
островная держава,
До которой
Рукою подать.

Не туманов летучая влага,
Не ночная курильская мгла —
Это тень
полосатого флага
На японские воды легла.

Тень упала
на землю японцев,
На дощатые кровли ее...
Эх, страна Восходящего Солнца,
Где же,
Где оно, солнце твое!

На краю света

Вот где я экзотикой увлекся:
Тихий остров,
Ночь недалека,
И цветут,
как сказочные флоксы,
Над Охотским морем облака.

Крикнет птица,
Вспыхнет огонек ли,
Взоры устремляются туда.
В чуть туманном фокусе бинокля
Светится
нейтральная вода.

Цвет воды баюкающе розов.
Но висит
и кружится за ней
Гром американских бомбовозов
Без опознавательных огней.

Со скалы ведется наблюденье.
Часовой отменно молчалив.
Освистав японские владенья,
Ветер
к нам бежит
через пролив.

За проливом
черных гор громада.
И над ними
Призрачно видна,
Как физиономия микадо,
Совершенно тусклая луна.

[1] Касатка — хищное морское животное из семейства дельфиновых.

ДОЖДЕВИК

Рассказ

Ефим ДОРОШ

Рисунки В. Высоцкого

В то лето я снова приехал в Красильниково. Поезд, оставив клочья белого пара, медленно уполз за водокачку. Между рельсами, на крупной щебенке, сверкали пятна мазута.

Миновав пустой и прохладный вокзал, я вышел на площадь. Из коричневой райкомовской «Победы», убранной коврами, как свадебный тарантас, махал мне рукой и одновременно сигналил Василий Оверкиевич. Он совсем не изменился за те два года, что я не был в Красильникове. «Пожалуй, только чуть толще стал мой приятель»,— подумал я, усаживаясь рядом с ним в машину.

Мы решили, не заезжая в райцентр, сразу же махнуть в степь, где уже шла уборка озимой пшеницы. Впереди нас по булыжному шоссе, до блеска накатанному колесами подвод и машин, тянулась бесконечная колонна порожних грузовиков. На их облезлых бортах белели свежие надписи: «Хлебная», «Хлебная»... Василий Оверкиевич пытался было обогнать колонну, но нам все время мешали встречные машины с зерном.

Я спросил об урожае.

— Подходяще! — ответил шофер. — Как говорится, несмотря на неблагоприятные погодные условия.

— Как Степан Данилыч? Управляется?

Василий Оверкиевич посмотрел на меня с удивлением:

— Хватились!.. Еще в позапрошлом году сняли.

Мне было интересно узнать, в чем проштрафился директор межрайонного пункта «Заготзерно» Степан Данилыч Тищенко. В свое время он считался неплохим работником.

— Емкостей не подготовил,— объяснил шофер. — Половина хлеба у него в буртах осталась.

Сколько я помнил, со Степаном Данилычем ничего похожего не бывало.

— Куда же он девался? — спросил я шофера.

— Кто его знает! — усмехнулся Василий Оверкиевич. — Это, рассказывают, мужик спрашивал: куда, мол, коровы деваются? Про лошадей, говорит, знаю: их конокрады воруют. А коровы?.. Живет где-нибудь.

Впереди нас, покачиваясь, возвышался запыленный кузов трехтонки. Справа, почти над кюветом, тянулись среди лопухов серые от времени глухие заборы с торчащими за ними ворохами деревянной тары и ржавого железного лома. А слева, в жаркой струе насыщенного бензином воздуха, мчались и мчались груженные пшеницей машины. Василий Оверкиевич искал случая вырваться вперед, и я не стал отвлекать его расспросами о Тищенко.

Я живо представил себе Степана Данилыча, каким наблюдал его на районных активах и совещаниях. Он почему-то всегда выступал с предложением по составу президиума. Не успевал еще товарищ, открывавший собрание, сказать: разрешите считать открытым и какие, мол, будут соображения насчет президиума,— как Тищенко уже протягивал руку.

Рослый и несколько огрузневший, с лоснящейся после бритья головой и малиновым, сытым лицом, Степан Данилыч с достоинством поднимался на трибуну, густо откашливался, доставал аккуратно сложенную бумажку. Голос у него был довольно звучный, с какими-то, я бы сказал, барственными перекатами, и он любовался им, неторопливо называя фамилии. Самого Тищенко — я хорошо это помнил — никогда не выбирали в президиум, и все же, зачитав свой список, он усаживался где-нибудь тут же, на сцене, не так, чтобы рядом с председателем, но и не в последнем ряду.

Впрочем, случалось, что Степан Данилыч опаздывал к началу собрания. Тогда он через боковую дверь проходил прямо на сцену с

чрезвычайно озабоченным видом, словно у него неотложное дело, пробирался на цыпочках к одному из членов президиума, что-то шептал ему на ухо, заслонив ладонью рот, после чего, рассеянно оглядевшись, опускался на ближайший свободный стул.

В зале возникал добродушный смешок: любит, мол, человек быть на виду, среди начальства.

Степан Данилыч и сам выглядел не хуже иного начальника, чему в значительной степени способствовала его представительная фигура, щегольской, защитного цвета картуз, кожаное коричневое пальто и легкие хромовые сапоги, голенища которых, казалось, вот-вот лопнут на могучих икрах.

Ехал ли он в бричке по служебным делам, чуть развалясь и с некоторой сухостью поторапливая кучера, шагал ли по главной улице Красильникова, коротким жестом приветствуя бесчисленных своих знакомых,— все в нем выражало несокрушимую уверенность в том, что и солнце-то светит ради него и люди-то вышли из дому для того только, чтобы узнать, как поживает Степан Данилыч, каковы дела у Степана Данилыча.

Когда я сказал об этом Василию Оверкиевичу, тот согласился со мной:

— Самостоятельная наружность была у человека... Солидная...

Мы наконец выехали в степь, свернув на целину, обогнали шедшую впереди колонну и покатили по хорошо укатанной, потрескавшейся от зноя грейдерной дороге. Вокруг, сколько видел глаз, желтела пшеница. Едва приметная рябь пробегала по ее склоненным колосьям, и она как бы курилась золотистой дымкой под выцветшим жарким небом. Среди пшеницы, то здесь, то там, виднелись вагончики полевых станов, подле которых поблескивали жирные бочки с горючим.

— В колхозах вам не приходилось его встречать? — спросил шофер.

И тут я вспомнил, как Степан Данилыч, бывало, приезжал в какой-нибудь колхоз, осматривал хозяйство, снисходительно указывая на недостатки, между делом упоминал о последнем заседании бюро райкома, членом которого никогда не состоял, а потом, уже прощаясь, небрежно говорил председателю: «Так ты ж смотри, подкинь коней на глубинку». И хотя это было не по уставу, председатель все же посылал лошадей на строительство амбара, потому что готов был поклясться, будто Тищенко сослался на какое-то решение бюро.

— Верно! — выслушав меня, подтвердил Василий Оверкиевич. — Такое уж у него было поведение: кум королю и сват губернатору! Авторитет на себя напускал... Пережитки это или что?

Придерживая левой рукой рулевое колесо, он повернулся ко мне всем своим тучным корпусом.

— Вы же знаете: если надо у нас кому-нибудь в область, рабочим поездом ездим. Шестьдесят километров всего — пустяк расстояние, ни на один дальний поезд не продают билетов. А Тищенко, он что делал? Берет билет на рабочий и, как ни в чем не бывало, идет себе к московскому скорому — прямо в международный или в вагон-ресторан. Не спеша идет, внушительно. Смотрит на проводника и будто его не видит. Насквозь смотрит. Такая у человека уверенность, точно наперед знает: грязь впереди или там лужа, кто-нибудь постарается подложить ему в аккурат под самые ножки камушек или дощечку. Проводник, понятно, тушуется. И чтобы билет спросить — да ни в жизнь!

В свою очередь, и я рассказал услышанную от кого-то историю о том, как однажды Степана Данилыча вызвали в школу, где учился его сын: у мальчика как будто была тройка по поведению. Степан Данилыч не спорил, не говорил о несправедливости, допущенной в отношении его сына, как это бывает с иными родителями. Притиснув локтем портфель и засунув руки в карманы пальто, он чуть раскачивался с каблуков на носки, выговаривая старой учительнице: «Вам государство деньги платит, а у меня и так мороки хватает». Учительница пыталась объяснить ему, что ей очень трудно с мальчиком, который приезжает в школу на учрежденческих лошадях, но Степан Данилыч, подобно многим людям, для которых самыми важными кажутся их собственные мысли, настолько занят был ими, что попросту ничего не слышал.

...Навстречу нам снова шли машины с зерном, и Василий Оверкиевич, взявшись обеими руками за руль, сосредоточенно молчал. Когда какой-нибудь озорной шофер пытался обогнать идущую впереди машину, мечтая, должно быть, первым из всей колонны попасть на ссыпной пункт, Василий Оверкиевич умерял его пыл строгим, звучавшим, как окрик, сигналом, а затем, высунувшись наружу, еще и грозил кулаком.

А я все думал о Тищенко...

Районные остряки говорили о нем, что ему было бы куда приятнее дышать, если бы он знал, что воздух — привилегия немногих. Степан Данилыч ревниво следил, чтобы его — упаси боже! — не приравняли к обыкновенным гражданам.

Как-то я застал его у третьего секретаря райкома. Тогда как раз начиналась подписка на Сочинения товарища Сталина, и Степан Данилыч требовал, чтобы его включили в список подписчиков. Секретарь объяснял, что никакого списка нет, что любой желающий может подписаться у себя в учреждении или в книжном магазине. Но Степан Данилыч — по всему было видно — подозревал, что его хотят обойти, и продолжал настаивать на своем, пока не вынудил секретаря позвонить в книжный магазин. Когда секретарь сказал, что все в порядке, пусть идет подписываться, Степан Данилыч вышел из кабинета весьма довольный собою. Слышно было, как, встретив кого-то в соседней комнате, он с некоторой таинственностью спросил: «Подписался?» После чего будто между прочим и в то же время хвастливо добавил: «Мне сам устроил... третий!». А потом воскликнул покровительственно и бодро: «Надо, надо, брат, учиться!»

Много позднее я оказался случайным свидетелем еще одного разговора. Секретарь партийной организации «Заготзерно» — молодой электрик в солдатской гимнастерке и просторных резиновых сапогах — спрашивал Степана Данилыча, когда же тот подготовится наконец к семинару. Пересилив смущение, он осторожно допытывался, не лучше ли Степану Данилычу посещать кружок; может быть, ему трудно заниматься самостоятельно? Степан Данилыч, багровея, откинулся назад, увидел меня и, нисколько не сомневаясь в моем сочувствии, как бы давая понять, что мы-то с ним в некотором роде люди избранные и поэтому нас можно кое в чем извинить, проговорил с доверительной усмешкой: «Мы ж ее на практике, теорию ту, проходили!.. Конечно, надо бы кое-что подчитать... Но только дела, ох, дела!.. Как говорится, рад бы в рай...»

Несколько раз мне приходилось бывать у Степана Данилыча дома, в его большой, окрашенной масляной краской квартире. На всех подоконниках стояли бутылки с вишней; насыпанный сверху сахар медленно оседал, и розовая пена, заполнившая горлышки бутылок, подступала к марле, которой они были завязаны. Пахло горячими пирогами, укропом. Со двора доносилось кудахтанье кур. Из кухни в одну из комнат, где кричал ребенок, а потом обратно, к шипевшим на плите сковородкам, то и дело бегала сбившаяся с ног домработница.

Распустив на две дырочки широкий ремень и засунув за него пухлые, мягкие пальцы, Степан Данилыч неслышно ступал в домашних туфлях по толстым полосатым половичкам. Он разговаривал со своей дородной супругой о сене для коровы, о кабанчике, за которым следовало бы съездить в дальнее село, где, говорят, можно его купить по сходной цене. А потом вдруг вспоминал: «На сессии сегодня... Ох, и крыл коммунхоз Сердюка! Такая критика снизу, что я те дам!.. Тут что-то не так. А? Тут причина есть! Чего-то он слышал, Бондаренко этот. Попомни мое слово, мать, быть у нас новому председателю исполкома». Супруга Степана Данилыча оживлялась: «То-то ее нигде не видать, Сердючиху нашу! И в Дом культуры вот уже неделю не ходит и на базаре не встретишь... Говорят, болеет она. Знаем, какие бывают болезни, когда мужа снимают!» Степан Данилыч подсаживался ко мне: «А вы ничего не слыхали? Как там наверху, в области, не было разговора?.. Вы же все-таки к новостям поближе!»

Представление о новостях у Степана Данилыча было своеобразное. Новостью он считал лишь то, о чем покуда знает ограниченный круг людей, чего не прочитаешь в газете, что вообще не подлежит оглашению. Касалась ли эта новость последнего заседания бюро обкома или же подробностей семейной жизни кого-либо из районных руководителей, Степану Данилычу было безразлично. Была бы возможность при встрече с приятелем, многозна-

Из лирики

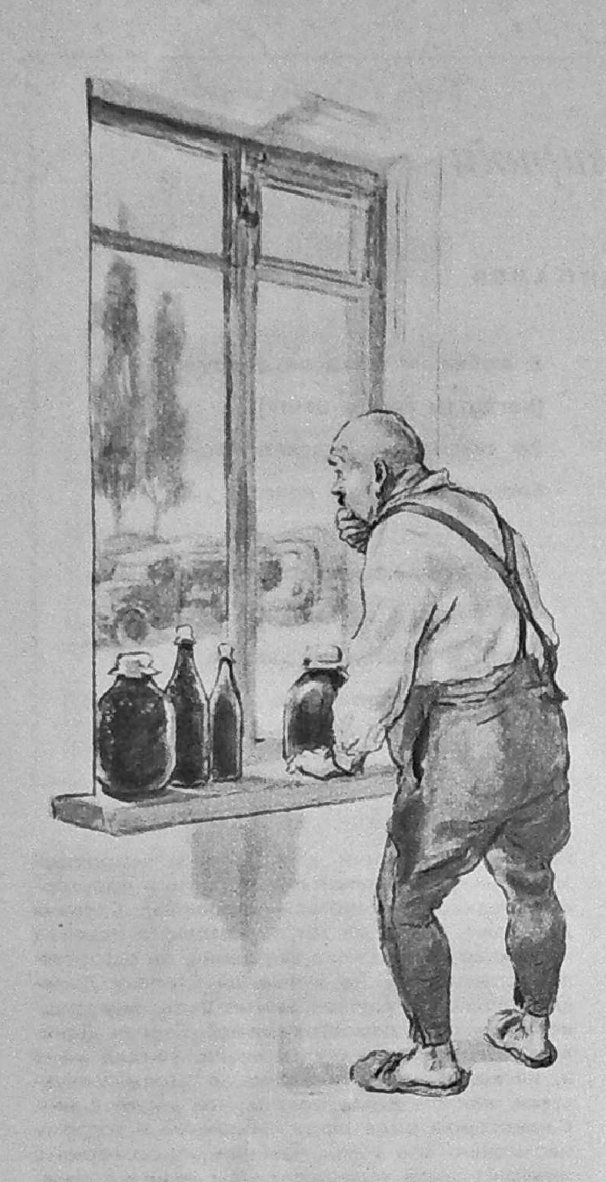
Степан ЩИПАЧЕВ

Бровей твоих темный вечер
И глаз твоих день голубой
Нельзя не запомнить, при встрече
Невольно любуясь тобой.

Как счастье само́, земная
Сияет твоя красота,
Но годы, пощады не зная,
Сотрут и ее без следа.

В любви не всего ли дороже
(Когда ты еще в цвету)
То счастье, что сделать может
Бессмертной твою красоту.

Пусть людям в недальние сроки
Она будет в детях видна,
А там и в потомках далеких
Не раз повторится она.

чительно понизив голос, сказать: «Слышал?» Рассказывал Степан Данилыч без всяческих ахов и охов, с некоторой даже небрежностью, и это как бы причисляло его к людям, отлично знающим, в чем истинная суть вещей.

Я напомнил эту его особенность Василию Оверкиевичу.

— Точно! — кивнул головой шофер. — Это вы правильно подметили.

На дороге опять никого не было, и Василий Оверкиевич снова повернулся ко мне.

— Встречает он, к примеру, нашего редактора,— начал он рассказывать.— «Ну как? — спрашивает.— Какие новости?» А какие у редактора новости! «Завтра,— говорит,— напечатаем обязательства передовых колхозников». Настолько-то, говорит, берутся урожайность поднять. «В общем,— смеется,— на тебя работаем, Степан Данилыч!..» Так вы бы видели, как тот Тищенко губы скривит, вроде он бога за бороду схватил. И такой у него взгляд: дурнем ты меня, мол, считаешь или как?!. Будто я не понимаю, что всякие там соревнования и обращения — одна проформа!.. Между прочим, на этом и сломал себе шею.

Я слушал Василия Оверкиевича и наблюдал, как далеко в степи то в одном, то в другом месте возникало над пшеницей легкое облачко пыли; оно приближалось, увеличивалось, и вскоре уже можно было видеть трактор с двумя шедшими в сцепе комбайнами. Пшеница вскипала перед мотовилами комбайнов, будто потревоженная ветром.

— В своем деле, не скажу, был он специалист,— продолжает шофер.— Складское оборудование, или влажность зерна, или, как у них называется, вертикальное и горизонтальное давление зерновой массы — это он, конечно, понимал. Но только, горе его, был он из тех, кто считает, будто имеются слова — ну, как вам сказать? — обиходные... и еще другие — парадные, которые не для дела нужны, а вроде для приличия. Все равно как праздничный костюм, когда идешь в Дом культуры или в гости. У нас же, сами знаете, два года сряду засуха тогда была. Народ, понятно, мобилизовался. Всю зиму в нашей газете такие одушевляющие письма печатались — вы поинтересуйтесь: одни цифры и центнеры и обмен опытом. А Тищенко, видать, думал себе: пускай шумят, я же знаю, какой урожай будет и как его станут сдавать. Шутка ли, два недорода подряд!.. И хотя заверял райком, и райисполком, и вышестоящее свое начальство, что все у него в порядке,— всякая там дезинфекция и ремонт идут полным ходом,— а на самом деле брехал, готовился к хлебосдаче из ошибочного прогноза, что чудес не бывает. Это, знаете, встречаются такие люди: я, мол, зеленого цвета не вижу,— значит, и нет его в природе.

Мы свернули на мягкую полевую дорогу, вдоль которой тянулись кривоватые столбы временной электрической линии. Дорога была узкая, и мы ехали почти у самой обочины. В открытые окна машины лезли пшеничные колосья. Как из амбара, тянуло чуть пыльным хлебным духом.

— Посмотрели бы вы на того Тищенко,— с удовольствием вспоминал Василий Оверкиевич,— когда со всех наших колхозов — и откуда она только бралась! — пошла на него пшеничка. Людям радость, а ему слезы!.. Бледный был вид у человека. Вроде он и ростом стал меньше, и в походке никакой солидности, и висит на нем все, будто чужое надел. Оно и за хлеб нам обидно: под открытым небом лежит — и смешно: был, считали всетаки, человек, а осталась какая-то несамостоятельная личность. Такие, знаете, грибы бывают. На взгляд, с расстояния — молодой шампиньон. А коснешься рукой — пых... и нет его, одна пыль осталась. Называется — дождевик. Еще и пословица сложена: случайный человек, что дождевик — вскочил и лопнул.

Я хотел было задать еще несколько вопросов, но мы уже приехали на ток. Здесь не было еще и зернышка. На чисто подметенной, без единой травинки, как бы спекшейся земле стояли пневматические зернопульты с задранными, как орудийные стволы, выкидными трубами. По всей видимости, они были еще в диковину, потому что возле того из них, с которым возился озабоченный машинист, собралось порядочно народу. Босоногая повариха в подоткнутой с боков юбке так увлеклась, что даже приоткрыла рот и сердито отмахивалась от старика-сторожа, твердившего ей о петухе, который никак не упреет к обеду. Петух бродил тут же, важно переступая спутанными ногами. Пунцовый его гребень щеголевато сдвинут был набекрень, янтарные глаза глядели самодовольно и пренебрежительно. Казалось, он был уверен, что люди собрались ради него, и с ленивым высокомерием изгибал отливавшую зеленым пером шею.

Пришла первая машина с зерном. Подхваченная транспортером пшеница потекла в приемный ковш. Послышался изумленный вскрик поварихи. Я увидел, как бьющая из выкидной трубы изогнутая струя зерна ударила по петуху и отбросила его в сторону — только пестрые взъерошенные перья на мгновение мелькнули в воздухе.

В Музее народного быта. Экскурсанты осматривают рыбацкую будку.

Фото Н. Титенкова

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО БЫТА

Баложи... Небо хмурится над озером Югла. Высокие тонкие сосны шумят у бревенчатых изб. Длинная приземистая корчма; лютеранская церковь; ветряная мельница; курная изба рыбака; будка для сетей; смолокурня и еще десятки крытых тростником и соломой построек — уголок старой Латвии. Это Государственный музей народного быта, расположенный на 70 гектарах, под открытым небом, в 8 километрах от Риги — в предместье Баложи.

Экспонаты музея — памятники старины. Они напоминают о далеком прошлом, трудной судьбе простых людей Латвии. Здесь же расположена выставка, посвященная успехам социалистического сельского хозяйства советской Латвии. Две эпохи, два государственных строя!

...Курная латгальская изба. Она построена в 1750 году в деревне Мейрани, Резекненского уезда. Бо́льшую часть маленького жилья занимает курная печь. Когда затопишь ее, дым растекается по всей избе и выходит в открытую дверь и крохотное, прорубленное в стенном бревне окошко.

На нарах одеяло сплошь в заплатах. На столе, сбитом из двух досок, деревянные тарелки. В этой избе еще в 1937 году ютилась большая семья латгальского батрака.

А вот усадьба кулака тех времен. Здесь печи отделаны глазурованными изразцами; дымоходы ведут в огромную трубу, где расположены жердочки для копчения солонины, сала, колбас. В комнатах резные кровати. В кладовой жернова, много всякой утвари. Хозяйственный владелец усадьбы предусмотрительно позаботился и о том, что потребуется на случай смерти: на чердаке стоят гроб и кресло для омовения и одевания покойника.

Огромный крытый двор объединяет под одной крышей одиннадцать различных помещений: клети, хлевы, сараи. В усадьбе курной осталась только баня. Но кулак и ее использовал для наживы: сдал под жилье батраку. По субботам хозяин заставлял работника топить баню. Тогда батрак уносил детей в хлев, к коровам или овцам. Там дети и сидели в ожидании, пока семья хозяина парилась в бане...

Старая лютеранская церковь привезена в музей из села Вецборне, Илукстского уезда, где она была построена в 1537 году. Около церкви — позорный столб с ошейником и колода с отверстиями для головы, рук и ног. Здесь по приговору барона и священника наказывали ослушавшегося.

Старая рига доставлена в музей из Валмиерского уезда. В темном помещении узкий стол и две длинные скамейки. Тут учились дети батраков, учились при свете лучины, по ночам: днем на риге сушили снопы.

Вместе с грамотой пришла и жажда свободы. Экспонаты необычного музея рассказывают о сходках латвийских революционных крестьян-бедняков, об отрядах красногвардейцев, о борьбе комсомольцев с фашистскими оккупантами.

Экскурсанты переходят из отдела в отдел Музея народного быта и наконец попадают на выставку, посвященную успехам колхозного строительства республики. Все здесь говорит о новой, счастливой жизни советской Латвии, о счастливой жизни потомков тех, кто еще сравнительно недавно гнул спину на помещика, жил впроголодь, в курных избах.

Латышские колхозники, приезжая в Ригу, обязательно приходят сюда, на холмистый берег озера Югла. Здесь они вспоминают прошлое Латвии, сравнивают его с настоящим, думают о светлом будущем своей республики.

Н. ХРАБРОВА

Спектакль о доблести и славе

Л. ЖУКОВА

«Песнь о черноморцах» Б. Лавренева в Центральном театре Советской Армии. Сцена из III акта. Слева направо: Сагайдачный — В. Белявский, старшина Нещепа — Б. А. Ситко и командир батареи Каменецкий — А. А. Ряполов.

Торжественно звучит вступление оркестра. На экране безбрежные просторы моря. Неторопливо, словно в глубоком раздумье, катятся могучие волны — свидетели бессмертной славы русских моряков-севастопольцев... Такой эпической кинозаставкой начинает Центральный театр Советской Армии свой спектакль «Песнь о черноморцах» (режиссер — Д. Тункель, художник — Ю. Пименов, композитор — К. Молчанов).

Теплый свет настольной лампы освещает массивный письменный стол, широкие кожаные кресла штабного кабинета. Напряженной, боевой жизнью живет в этой мирной комнате, проводя бессонные ночи над картой, капитан первого ранга Рощин (артист А. Иванов).

Сюда, в этот штабной кабинет, к своему начальнику явится старший лейтенант Сагайдачный (его роль исполняют Д. Сагал и В. Белявский), и зритель впервые встретится на спектакле с героем пьесы Бориса Лавренева, отважным военным моряком и обаятельным простым советским человеком. Здесь узнает моряк Сагайдачный об опечалившем его назначении «на сушу» командиром батареи. «Я ж не сухопутный человек,— говорит он капитану первого ранга.— Я с тоски умру, если палубы под ногами не будет». Но это только минутная слабость. Старший лейтенант хорошо знает, что если Родина требует, моряк может стать и сапером. Вот и старшина Нещепа (Б. Ситко) обращается «с дуже нахальной просьбой» — отпустить его из штаба на боевую линию, к новому командиру батареи Сагайдачному.

Верный избранной им военно-морской теме, Борис Лавренев еще в 1942 году написал пьесу о советских моряках, грудью защищавших от фашистских орд славную черноморскую столицу Севастополь. В годы Великой Отечественной войны пьеса была поставлена на сценах многих флотских театров. В доработанном и заметно измененном виде «Песнь о черноморцах» предстала ныне на суд зрителей-москвичей. События ее не утратили свежести и остроты. С волнением смотрится сегодня сцена, в которой матрос Костя Ставриди (артист В. Зельдин), балаклавский рыбак, комсомолец, неутомимый весельчак и балагур, не дрогнув, бросает в лицо врагу: «Чего ты хочешь, фашист? На! Стреляй! Стреляй, гнилая медуза!»

И каким искренним смехом встречает зритель каждую, подчас грубоватую матросскую шутку, свидетельствующую о несгибаемом мужестве советских людей в минуты самых тяжелых испытаний!

Так же, как и в первой своей пьесе, «Разлом», рассказавшей об историческом эпизоде восстания на крейсере «Аврора», в «Песне о черноморцах» Б. Лавренев воспроизвел подлинные факты борьбы севастопольцев за свой прекрасный город. Писатель рассказал историю севастопольской 365-й батареи, которая, отбивая атаки врага в течение 250 дней, будучи окруженной фашистами, вызвала на себя огонь нашей артиллерии. Пусть не сохранены в пьесе документальная точность событий и подлинные имена героев батареи, пусть действуют в ней и вымышленные персонажи,— спектакль исполнен правдой жизни. На протяжении многих лет изучая быт советских моряков, Б. Лавренев сумел показать их так же, как некогда в «Разломе», не в приключенчески-романтическом ореоле, а в достоверной обстановке их мужественного, благородного воинского труда.

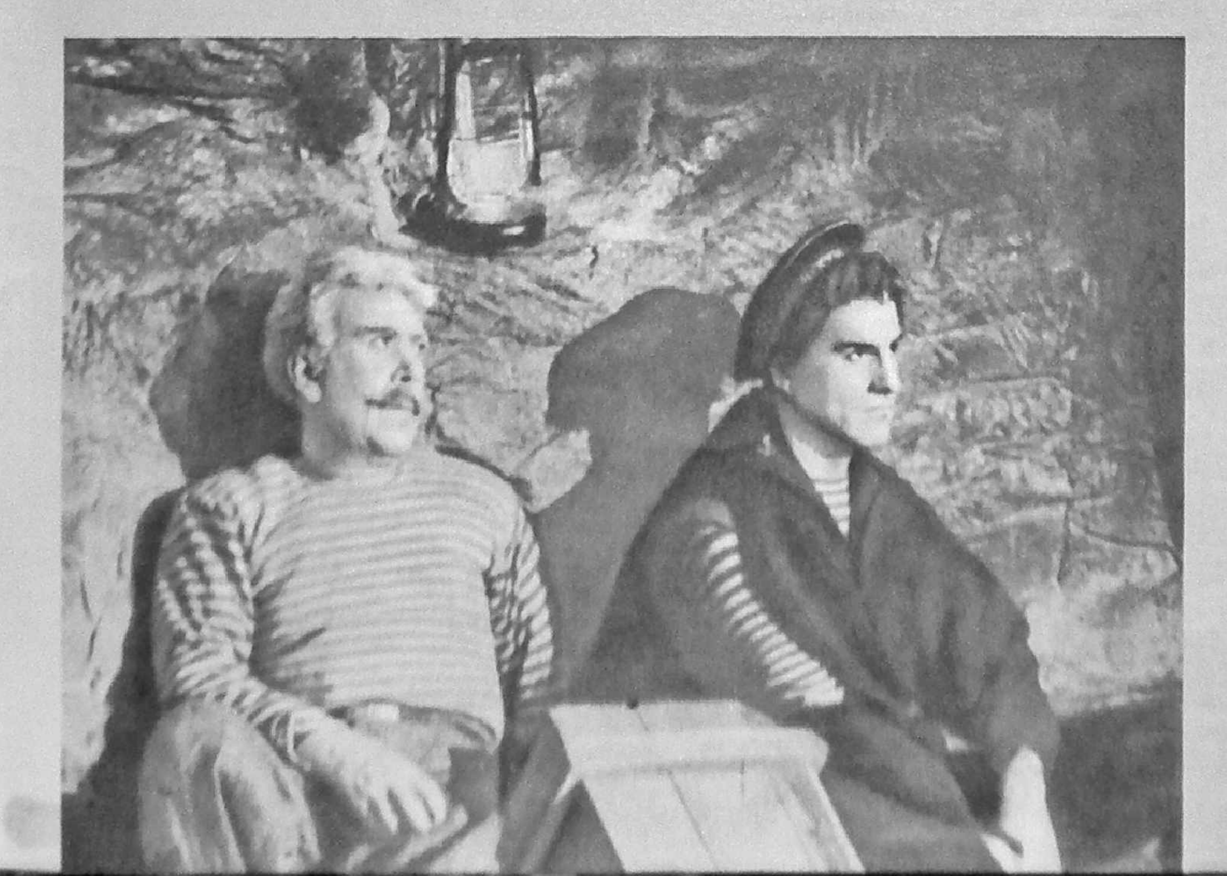
Офицеры и матросы представлены Лавреневым и актерами в конкретных, живых, индивидуальных человеческих чертах. Все эти разные люди живут единым помыслом — отстоять родную землю, победить врага. Наиболее примечательна в пьесе фигура Сагайдачного. За внешней грубоватостью угадываются удивительная мягкость, человечность, душевная широта этого человека. Он словно прячет свою застенчивость за резким, насмешливым словцом. «Я грубый моряк»,— говорит он сам о себе, но «грубый моряк» влюблен в Пушкина, тайно «бредит стихами».

На батарею прибыл из Москвы поэт Виктор Королев. Артист М. Майоров очень тонко рисует облик мирного горожанина, ездившего до войны через Севастополь на курорт и лишь в дыму сражений впервые осознавшего величие и славу этого города-героя. Растущая дружба двух советских офицеров, кадрового моряка Сагайдачного и поэта Королева, как бы символизирует единство духовных устремлений советских людей.

Показывая замечательных советских воинов, Б. Лавренев выводит в своей пьесе и подлого труса и шкурника: это матрос Брилев (артист Е. Быкадоров), предательски бросивший оружие в решающий момент схватки с врагом. «Чемпион смальца» — презрительно прозвали чревоугодника Брилева матросы. Не дрогнув, выносят моряки суровый приговор изменнику: расстрелять!

В один из самых напряженных для судьбы Севастополя дней на батарее 365-й была зачитана телеграмма товарища Сталина, горячо приветствовавшего доблестных защитников города. «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа» — так писал великий вождь бойцам.

О том, как с честью выполнил свой долг перед Родиной небольшой отряд советских людей, и повествует исполненный подлинного драматизма спектакль «Песнь о черноморцах» в Центральном театре Советской Армии.

Сцена из II акта. Старый матрос Дмоденко (слева) — заслуженный артист РСФСР П. А. Константинов, Ставриди — В. М. Зельдин.

Фото А. Гладштейна

С киноаппаратом по Заполярью

Л. БЕЛОКУРОВ

Место действия — Чукотка, далекий суровый край. Время — короткие дни полярного лета. Действующие лица?.. Их не видно: пустынны вокруг и скалистый берег и безмятежная синева моря, залитые ослепительным солнцем.

Но вот вдали заволновалась морская гладь, громадные прозрачные волны стремительно надвигаются на берег. Среди пены и брызг мелькают огромные темнобурые тела.

Все ближе, ближе. Уже можно различить массивные головы с белыми клыками, короткие мощные ласты. Огромное стадо моржей — гиганты-самцы, самки и «миниатюрные» детеныши весом в четверть тонны выползают на отмель.

Это один из эпизодов нового цветного научно - популярного фильма «Во льдах океана», рассказывающего о богатстве и разнообразии животного мира наших северных морей.

Сцена с моржами в фильме длится всего 160 секунд, но за этими секундами — четыре месяца скитаний киногруппы в открытом море, среди пловучих льдов, не один десяток воздушных разведок, подлинная охота с киноаппаратом.

Две недели пришлось провести в палатках на берегу моря, пока удалось с помощью охотников-чукчей заснять эффектный «десант» моржей.

Сотни километров по следам героев

Белые медведи и рыбы, песцы и морские звезды, тюлени и крабы, чайки, гаги, кайры — никогда еще режиссеру не приходилось иметь дело с таким количеством разнохарактерных «героев». И каждый из них требовал особого подхода, терпеливого изучения привычек и повадок.

Специальный самолет, не предусмотренный никакими расписаниями, доставляет киноэкспедицию на Новую Землю. По просьбе пассажиров пилот приземляется поближе к знаменитым птичьим базарам. Теперь уже только два — три десятка километров отделяют киноэкспедицию от цели. На первый взгляд — пустяки, но попробуйте совершить такое путешествие в борьбе с волнами и ветром на весельной лодке десятки раз туда и обратно, да еще с тяжелым и вместе с тем хрупким грузом — киноаппаратурой!

Великолепно зрелище птичьей колонии, насчитывающей десятки тысяч жителей. Прилетая к побережью Ледовитого океана, чтобы вывести здесь потомство, птицы во множестве расселяются на крутых, отвесных скалах. Здесь, на недоступной, головокружительной высоте, они чувствуют себя в безопасности. Подъем сюда даже опытному альпинисту покажется рискованным предприятием. Но каково проделывать это, не разлучаясь с кинокамерой! Потребовалось немало трудов и выдержки, чтобы заснять сцены «семейной жизни» чаек, вторжения орла в мирную колонию птиц, их дружный отпор хищнику.

Зато теперь зритель сможет увидеть на экране места гнездования кайр, чудесные, выработанные веками приспособления этих птиц к условиям окружающей среды. Например: взлетая, кайра часто задевает отложенное ею яйцо, но оно грушевидной формы и в таких случаях вертится, как волчок, никогда не падая со скалы.

Съемки здесь возможны только в самый разгар короткого северного лета, но с прибытием киноэкспедиции штормы и туманы с удивительным постоянством сменяли друг друга. Девять дней подряд оператор отправлялся на съемку, и каждый раз все вокруг заволакивалось густым, плотным туманом.

Приходилось отвоевывать буквально кадр за кадром в это лучшее время года!

С борта ледокола

Голубовато-белой пустыней кажется скованный льдом океан. Но вот среди торосов показался тюлень. Промелькнул и исчез... И снова кругом мертво.

Однако зритель по предыдущим эпизодам знает, что авторы фильма не ограничатся этим кадром. Последовательно, эпизод за эпизодом, на экране предстает животный мир Арктики; занимательность киноповествования сочетается со строго научным подходом к явлениям природы.

Кинокамера, следуя за тюленем, обнаруживает многочисленное стадо этих ценных зверей. Зиму и весну они проводят на льду, а летом и осенью предпринимают далекие «экскурсии» по океану. Великолепные пловцы, они ловко охотятся за рыбой, но очень неуклюжи на суше. Трогательны сцены, показывающие заботу матерей о маленьких пушистых белых, как снег, тюленятах. Полон драматизма эпизод, в котором мать, стремясь спасти детеныша, увлекает за собой белого медведя и гибнет на глазах тюлененка.

Многие из этих кадров снимались непосредственно с борта ледокола с помощью телеоптики.

Иногда, высадив киногруппу, ледокол уходил на некоторое время, чтобы не мешать съемке.

Пряча в торосах аппаратуру, маскируясь в белые халаты, участники вылазки, ползком и перебежками, подкрадывались к своим «актерам». Так были сняты моменты кормления бельков-тюленят, крупные планы — «портреты» зверей. В результате двухмесячного дрейфа среди льдов возникла своеобразная хроника жизни тюленей.

Капризы подводных «кинозвезд»

Под могучим ледяным покровом вода не промерзает, и в глубинах полярных морей скрыт целый мир удивительно разнообразных живых существ: губки, актинии, морские ежи и звезды, рачки и крабы, десятки видов рыб и сотни «вариантов» моллюсков.

До сих пор только рисунки ученых, сделанные с натуры или по памяти, да редкие нецветные фотографии были источником наших представлений о внешнем облике подводных обитателей Ледовитого океана.

Но ни рисунок, ни фотоснимок не в силах передать главное — запечатлеть живые организмы в движении, развитии, их борьбе за существование. Неоценимы здесь преимущества кинокамеры!

Опыт подводных съемок через стекла батисферы, проводившихся в свое время на Черном море, оказался неприменим. Находясь в подводной засаде, приходится рассчитывать лишь на случайную встречу с животными. К тому же спуск в батисфере возможен только с пароходов, обладающих глубокой осадкой, а это почти исключает съемку у побережья, где наиболее богат животный и растительный мир.

Лучший выход — съемка в аквариуме. И вот сооружается большой бассейн из толстого прозрачного стекла. В сопровождении трех передвижных электростанций этот бассейн доставлен к берегам Баренцова моря. Под наблюдением научных сотрудников в бассейне воссоздается подводный морской пейзаж. Затем его некоторое время «обживают» только что выловленные в море животные; их настойчиво и терпеливо приучают к свету.

Наступил, казалось, долгожданный миг съемки, и тут, разумеется, начались... капризы «кинозвезд». Несколько дней ушло на работу с актинией. По виду она напоминает хризантему, но стоит рыбке или рачку неосторожно коснуться ее лепестков, как вмиг они становятся добычей коварного цветка. Без света это происходило десятки раз. Но как только раздавалась команда: «Внимание! Съемка!», — актиния наотрез отказывалась «играть». Точно так же вели себя крабы. Обычно они беспрерывно дрались, нанося друг другу страшные увечья, но атмосфера съемки немедленно лишала их боеспособности. Кроме того под лучами мощных электроприборов вода в бассейне быстро нагревалась, «актеры» теряли свою непосредственность, и все нужно было начинать сначала.

Наконец все трудности были преодолены, и удалось снять выразительные кадры охотящихся донных рыб — бычка, камбалы и плоского, как блин, морского ската.

Дольше всех сопротивлялись съемке морские звезды. Но и они «сдались», исполнив перед аппаратом медленный своеобразный танец.

С большой признательностью киноработники вспоминают известного полярного летчика Героя Советского Союза Черевичного, команду ледокола во главе с капитаном Ушаковым, научных сотрудников самой северной биологической станции Академии наук СССР и многих других. Десятки людей самых различных профессий — пилоты, моряки, охотники, рыболовы, водолазы — были первыми зрителями отдельных эпизодов, свидетелями успехов и неудач на съемках и активными участниками создания глубоко правдивого, научно достоверного фильма «Во льдах океана».

Научно-популярный фильм «ВО ЛЬДАХ ОКЕАНА». Автор сценария и режиссер — **А. Згуриди.** Научные консультанты — **В. Богоров, П. Петряев.** Оператор — **Н. Юрушкина.** Композитор — **В. Макаров.** Производство Московской студии научно-популярных фильмов.

Скован льдом океан. Мертвой пустыней кажутся его огромные ледяные просторы. Большую часть года здесь длится зима: солнце не поднимается над горизонтом. Но ни долгая полярная ночь, ни свирепая стужа не могут побороть жизнь.

Лед, как шуба, прикрывает поверхность моря. Под могучим ледяным панцырем в глубине океана внимательному взгляду естествоиспытателя или охотника открывается богатый, разнообразный мир живых существ.

Среди полярных животных, о которых рассказывает новый цветной научно-популярный фильм «Во льдах океана», большое место занимает история семейства белых медведей. С большой теплотой и юмором показаны приключения медвежонка, впервые отправившегося на самостоятельную охоту. Не менее интересны кадры, знакомящие с жизнью моржей и тюленей.

Хорошо заснята трогательная сцена с тюленями-детенышами. Под прикрытием торосов заботливые матери кормят бельков — так называют маленьких белых пушистых тюленят.

Зритель побывает и на знаменитых «птичьих базарах» Заполярья. Миллионы птиц — чайки, кайры, гаги — прилетают к берегам Ледовитого океана, чтобы вывести здесь потомство. И с первых своих дней птенцы кайр начинают самостоятельную жизнь на крутых, отвесных скалах.

Особенно обильно представлен в фильме подводный мир — губки, актинии, морские звезды, крабы и рыбы.

Созданный с большой любовью к природе, новый фильм даст возможность зрителям ознакомиться с жизнью животных наших северных морей.

На снимках сверху вниз:

Мать заботливо оберегает покой белька-тюлененка.

Белёк взволнован: удастся ли матери ускользнуть от белого медведя?

Своеобразный «десант» — высадка моржей на берег.

Первый выход на охоту.

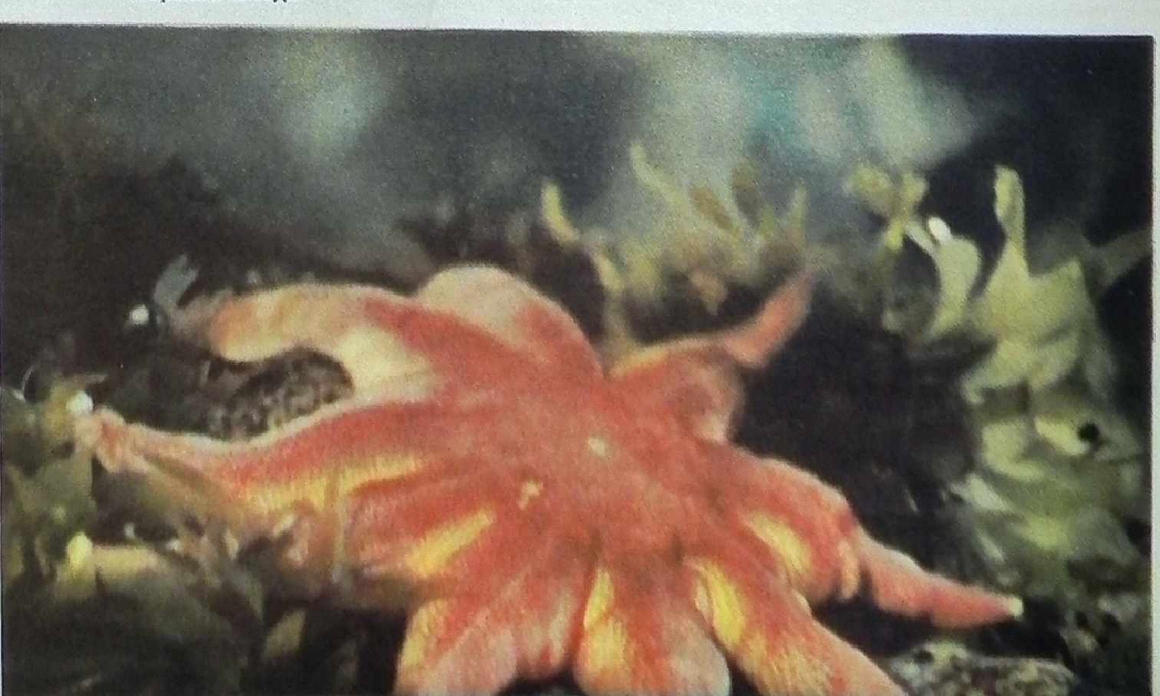
Самостоятельная жизнь птенца кайры начинается рано.

Бычок в засаде.

Актиния, «цветок»-хищник.

Морская звезда.

СТРОГИЙ ВЫГОВОР

Рассказ

Г. РАДОВ

Рисунки О. Верейского

1

...В позапрошлом году я сам себе выговор объявил. Шутки? Какие шутки! Так сам себе и объявил: ни в одном протоколе он не записан. Строгий, заметь; знаю я, почем выговора... За что? Не пришлось формулировать...

...Помощников не встречал моих? Жаль! Стоящие. Правда, намаялся с ними в свою пору. Пятый год мастером. Заступил — троим только и было больше двадцати лет. Остальные — зелень зеленью. Из училища, еще форму не доносили. Участок боевой, главный на потоке, весь заводской график в моих руках. И вот такой контингент...

Не скажу, чтобы плохие, очень хорошие! Да возраст! После воскресенья выхожу в ночную смену. Милые! Не цех — танцевальная зала. В белых платьицах, на модных каблучках, духами на весь завод несет. «Что такое?» «На смену пришли». «Откуда?» «Из парка же, с танцев, переодеться не успели». «Здравствуйте! Как работать будете, не спавши, не отдыхавши?» «Что вы, Лука Герасимович! Пустяки!»

Не подводили! Под утро, вижу, глазенки слипаются: шутка ли: день-вечер по паркам, по стадионам, а ночь у станка стоять...

Нет! Держатся, смеются...

Полюбились. Сговорчивый, веселый народ. Но хлопот с ними принял! Отлучишься на час, возвращаешься, подходишь к станку. Стоит она, бедняжка, вздыхает, того и жди, слезы покажутся. «Что за беда?» «Сломала!» «Что сломала?» «Станок же, видите: не работает, остановился». Вот незадача! Включаю: крутится. «Что ж ты сломала, сердечная?» Вижу: рукавом кнопку пускателя зацепила, бьется, причину ищет. Что ей скажешь? Стоит тоненькая, руки пухлые, за ушами завитки. Токарь!

Приучил, понятное дело. И возраст на пользу повернулся: проворные, ловкие, с огоньком в душе!

Только вот знакомство у нас было короткое. С одним гудком здоровались, с другим — прощались. Рассуждал: не в парк же идти за ними! Фигура для танцев неподходящая. Чем они живут, что за разговоры ведут между собой, о чем задумываются, не знал заботы. Недосуг, да и надобности ближе к ним стать не чуял — вот она в чем, беда-причина.

Верно, парторгом был в цехе. Коммунисты, когда выбирали, советовали: интересуйся, Копылов, молодежью. Интересовался, как же, вспоминать муторно! Позовешь комсомольского секретаря, спросишь сердито: «Что твоя гвардия?» Докладывает: «В порядке, Лука Герасимович! Нормы перевыполняют, экономию дают...» «Знаю, знаю. Дома как? Не скучают?» И там отменно. Достанет тетрадки, станет вычитывать: столько-то в политшколу ходят, столько-то в школу вечернюю, столько-то в техникум заявления подали, лекции слушают, доклады... Песни поют. На том и успокоишься, скажешь про себя: «Работайте. Живите. И дай вам бог здоровья...» Ему же прочитаешь для порядка: дескать, ты давай жми, секретарь, на экономию и на прочее такое. И чтоб э т о г о у вас не было! Э т о г о! Сам не знал, на что намекал. Или заведено это: приструнить молодых, чтоб помнили, что на свете старшие есть?

Одного выделял: Леньку Долотова. Как же! Покойного Антона Тимофеевича сынок. Приятель был первый — Антон, и не по выпивкам, не по гулянкам приятель, в душе друг, в делах соратник. Вместе предельщиков валили с ног.

Вернулся с фронта, зашел к вдове. На пороге парень встречает. «Ленька!» «Понятно, Ленька»,— басит. Вспомнил: бегало тут по двору что-то остроносое с расцарапанными коленями... Он!

Присмотрелся: избаловала его мать. Семейка-то до войны вон какая была! Шестнадцать с взрослыми! И она всему этому дому голова! Разлетелись, один Ленька остался. И все на него. Только что на руках не носила. «Ленечка, Ленечка...» Сказал ей как-то:

— Не для его пользы стараешься, Степановна, своей душе занятие ищешь. Душа, ишь, какая просторная: на шестнадцатерых хватало... Не похитнулся бы он, как тот колосок на жирной земле...

И рос хлопец ни в мать, ни в отца. Так все и кипело в нем. За что ни принимался! И модели кораблей строил, и в аэроклуб поступал, и баян купил...

Нет, все не по нем! Бросал вскорости...

Зовет как-то Степановна:

— Что делать, Лука? Школу бросил, к фотографу в учение поступил. На Кавказ собирается...

Все-таки не чужой я им, отца друг. Взял этого фотографа за плечи — и в ремесленное. «Тут,— говорю,— климат подходящий, вылечит».

Степановна погоревала: «Совестно, мол, перед отцовой-то памятью. В инженеры он его хотел вывести, а ты — к станку».

— Ничего,— утешаю,— пусть у станка себя распокажет. Если ж сила-талант откроется, люди его на руках и в инженеры и в академики вынесут. Ремесло никогда не портило человека.

Кончил ремесленное,— взял его к себе на участок. Вижу: повзрослел хлопец, интерес у него проснулся,— и я успокоился. Прикинул: на глазах растет. Чуть что — и я рядом...

И дело доверил совсем не мудрое: растачивать шестеренки. Одну стружку снимал он резцом, а дальше деталь шла на развертку, к Маше Сотниковой—из другого училища прислана была дивчина.

Не скажу, чтоб я раньше ее не примечал. Видел: аккуратная. Спокойное что-то в ней было, внушительное. Собой не очень хороша, а заметная. Лицо простое, широкое, и рот крупноват, да вот глаза... Посмотрит, потом все на себе ее взгляд чувствуешь...

Только вру: насчет взгляда — это уж потом заметил. Тогда одно ценил: чисто работает дивчина, станок бережет, минуты лишней не потеряет. То, что надо! И еще бросилось в глаза: строга! Не бранилась с товарками, не стращала их, но признавали в ней старшую. Расшумятся, смех, гам. Она посмотрит и скажет этак негромко: «Ну что вы, девушки?» Гляжу: притихли.

Попадало от нее Леониду. Подойдет:

— Леня, что за резцом не следишь?.. Дерет ведь...

— Что ж особенного?

— Риски от резца остаются... И я не могу вывести. Так и пойдут шестерни на сборку?

— Ладно, исправлюсь...

Через день снова:

— Припуск большой оставляешь! Развертки зазря перевожу, и чистоты нет...

— Не угодишь вам...

— Делай хорошо — угодишь...

Других тоже тревожила. То, заметишь, со шлифовщиком стоит, что-то ему поясняет, то фрезеровщицу остановит, показывает ей деталь, та оправдывается, машет руками.

Пройдешь мимо, усмехнешься: «Тоже помощница! Аккуратистка!» — и забудешь. Не докучала она на первых порах, и у меня не намечалось интереса.

Вот Ленька, тот занимал! Все у него затеи. Примчится:

— Лука Герасимович! Придумал!

— Что придумал?

— Весь цех на автоматику перевести. Все магнитом!

— Что магнитом?

— Все: деталь в станок магнит затягивает, второй магнит вынимает, третий на другой станок перекидывает, четвертый... Ни одного человека в цехе. Только дежурный у пульта.

Тычет бумажку, где все эти магниты нарисованы и детали по воздуху летают. Чистое детство! Ни на грош дельного. Краем уха слыхал про автоматику и вот...

Обрадуешься, прикинешь: «Спасибо, хоть

интерес есть»,— ну и мягонько так, не обижая, разъяснишь, что тут к чему. Схватится за голову:

— Почему не выходит?! Хочется выдумать...

— Учиться надо, выйдет.

— Долго учиться...

— Твоя правда: не коротко. Чем тут другим помочь?

— Вон Быков и не профессор — лауреатом стал. Тоже токарь.

— То же,— говорю,— да не то же. Есть разница...

Не послушает, убежит, через неделю еще что-нибудь тащит:

— Вот бы автозаточку придумать.

— Какую еще?

— Камень заточной к резцу приспособить, он бы его и затачивал.

— И на каждый резец камень свой? Сколько углов у резца? На всяк угол по камню? Не много?

Опять схватится:

— Нет удачи! Что ни придумаю...

Повезло. Выдумал для своей операции комбинированный резец — один на расточку и торцовку. Уж он с ним носился! Сделали. Премии ему дали рублей полтораста. Бежит:

— В Москву напишете?

— О чем?

— О резце.

— Эх,— говорю,— душа, у нас их по заводу тысяча таких предложений, по стране — миллионы. Не о всяком писать...

— Не выдающееся?

— Полезное,— объясняю,— для твоей операции. А так комбинированные резцы лет тридцать известны, если не больше...

Охладел к резцу. Подхожу как-то: старыми работает, новый на тумбочке лежит.

— Почему не пользуешься?

— Неудобный...

2

В эту-то пору, осенью, Маша и стала его донимать. Просто-таки насела на хлопца. Кричит ему:

— Чище, Леня, зорче смотри!..

Да у него разве ж этим соображение занято? Мир удивлять собрался, отшучивается:

— Ладно, ладно...

Она же ни на шаг: так и следит...

И знаешь, что подумалось грешным делом: не любовь ли тут намечается? Возраст-то, возраст!

Прохожу мимо них в перерыв. Замечаю, стоят друг перед дружкой, щеки горят, в глазах огоньки дробятся. Что такое? Он-то всегда такой: точно с марафонского бега. А она, она... Куда девались чинность да строгость?.. Стал за станок, прислушался. Не объяснение ли тут происходит?

— Везет же людям! — Это он ахает.— В газеты смотришь, радио слушаешь: такие, как мы, простые токари, фрезеровщики. А как про них говорят! Что поделать, когда самое главное в токарной работе выдумано? Скоростники, и те два года лауреатские медали носят...

— Растачивай вот получше. Спасибо скажут...

— Кто скажет-то?

— Я... Люди.

— Какие люди? Сколько? Вон резец, и тот не пошел дальше цеха. Хоть то все-таки выдумка. А расточка? Расточка — совсем обыкновенное. Нет, Маруся, в тебе полета...

— Что за полет? — Это она ему.— Куда лететь? Разве не хорошо: ты с душой сделал свое дело, я, третий, и так по всей цепочке... Что по цепочке! Кругом! Всего много, все первых сортов, красивое. Это же хорошо, Леня...

Опешил я, признаюсь. Ничего себе «объяснение»... Ишь вы, какие споры ведете!

Вмешаться бы мне тогда в разговор... Куда там! Закричал кто-то:

— Мастер, к диспетчеру!

И поспешил я по пролету, все из головы прочь...

Пришла-таки она ко мне. Жаль, не во-время. Под горячую руку. Выбились из графика. Детали горяченькими из-под резца шли на сборку. Завела разговор:

— Приструньте Долотова... Нехорошие дает детали...

— Брак, что ли? — закричал я.— Сколько браку? Где документы?

— Нет, не брак, но не отличные. Сборщики спасибо не скажут...

— Милая ты моя! Сборщики сейчас за все спасибо скажут: график на волоске. Давай, давай побольше, лишь бы не брак...

Вот когда она смерила меня взглядом!

— Как же, Лука Герасимович? Не отличная деталь, с рисками. Бьюсь, стараюсь, не могу вывести. Он поленился резец переточить, а я часы теряю, да еще и сборщикам достанется...

«Вот,— думаю,— прицепилась ты к парню!»

— Ладно, — обещаю, — подсыплю перцу твоему дружку.

Нет, не уходит.

— В нем ли в одном дело? — спрашивает.— Подумайте, Лука Герасимович.

Что думать-то? Когда думать? По селектору кричат:

— Копылов! Где твои шестерни? Конвейер останавливаешь!

Все-таки не забыл, вызвал Леньку.

— Не сметь,— кричу,— бракодельничать!

— Разве то брак?

— Чище,— кричу,— аккуратней! Дивчина вон какую штуку удумала, а ты ей свет застишь...

— Что за штука! — машет он рукой.— Обыкновенная вещь. Вот я вам после гудка проект принесу... Всесоюзное дело!..

— Ладно,— говорю,— проектировщик. Смотри у меня...

Подействовало все-таки. Стахановскую вахту объявили. Ленька же такой был: не хватало терпения на каждый день, зато под праздники, когда могут и на карточку снять и по радио сказать про него доброе слово,— тут старался...

Подхожу, осматриваю деталь: совсем другое! Чисто, гладко. Теперь-то обрадуется дивчина. То, что ей надо...

Как бы не так! Не обрадовалась. Спрашиваю:

— Что хмурая? Угодил-таки Ленька, чего ж печалиться? Вышла твоя затея...

— Лука Герасимович! — укоряет она.— Второй раз толкую: не об одном станке задумалась... Гляньте и вы получше, сообразите! Вон из автоматного детали принесли. Смеются еще: «Еле у контролера отбили — чуть в брак не загнал». Радуются! А нашим как доведется! А сборщикам! Двадцать две операции впереди... Сколько рук ее, этой детали, коснутся! Одни руки нашкодили — двадцать одной паре маяться... И хоть по форме они и не брак сдали, можно детали спасти, да какой ценой!

— Что ж ты хочешь?

— Чтоб каждый отлично делал! Поддержите! Я начала, шлифовщики согласны. Токарей укротим, приведем в чувство, за нами другие поднимутся... На соседний завод перекинется...

Может, и сказал бы я ей что подходящее, случись это в другой, спокойный день. Может, и сообразил — нехитрую дала загадку. Так нет, текучка клятая забила голову.

— Поддержим, в общем поддержим,— говорю,— только видишь, сейчас какая карусель. График! За деталями бегаешь: пары подметок как не было за две недели! Недосуг! Запарка! Кампании одна на другую наскочили: рационализаторский слет... Месячник чистоты... Смотр оборудования... И, что ни день, новое газеты подкидывают. Людей-то масса! Горазды на выдумку... А мне подхватывать надо! И ответ держать. Не подхватишь в свое время — звонок. Звонка не послушаешь — на вид. На вид не возьмешь — вот он, выговор, и за дверями. Так-то...

Понимаешь, высказался перед человеком!

Послушала она, свела брови.

— Спасибо,— говорит.

— За что же спасибо? Заходи почаще...

Наутро звонят из автоматного:

— Копылов! Забери свою делегатку. Бушует, спасения от нее нет...

Спускаюсь к автоматчикам, глазам не верю. Стоит моя чинная Маша, подбоченясь этак, трепетная, лицо сердитое. На Карпухина, наладчика, наступает:

— Почему без души делаешь? Скоростником зовешься? Это кто же скоростникам такое поручение дал: «Жми, дави, не гляди, что получится»? Не слыхала... Или для одних процентов стараешься?

— Ты не заблудилась, девушка? — усмехается Карпухин.— Кажется, не назначали тебя контролером. Детали мои не нравятся? Что поделаешь, не имею прав под каждый вкус подгонять. Производство массовое...

— Хорошо.— Это она ему.— Я вас так не оставлю...

И ушла. Я пощупал детали, померил, говорю ему:

— Остепенись, Сергей! Положим, контролера уговорил сегодня. Но совесть-то пойми... Девушка не пустое говорит. Поглядывай.

— Вот что,— отвечает,— уговорил, не уговорил,— не ваша забота. Карты брака нет? Не имею вопросов...

Что глухому звонить, что ему говорить! Плюнул.

3

Так ведь вот какая упрямая! Не сбили ее неудачи. Не во мне, в другом поддержку нашла. Шлифовщик наш Александр Аникеев стал за нее горой. Солидный хлопец, еще из первых ремесленников — в войну кончил. Не попал на завод: как-то там обошел начальство, на фронте оказался. Выдумщик. Ему и орден дали не за храбрость одну, а за выдумку, за умельство: на тросах четыре грузовика со снарядами из-под носа у немцев вытащил

с ничейной полосы. Вот такой. Коммунист. Острый нюх у парня на полезные дела. Как уж он возле Маши оказался, не скажу. Только замечать стал: все чаще и чаще они рядом. Она — притихшая, послушная — смотрит на него, каждое слово ловит. Он же сроду из таких: если зажег, не погасишь...

Что они на цеховом собрании устроили! Она первая выступала. По порядочку, спокойно раскрыла свою затею. Ну, а он, он, как подголосок лихой да звонкий, сгоряча стал рубить. В щепки разнес Карпухина... И не одного его... Живое место тронул, у многих эти мысли бродили...

Вот бы где и мне развернуться!

Куда там, не сообразил, когда нужно слово сказать. Карпухина выпустил, а он всю обедню испортил. Не возражал, не перечил: тактичный мужик, хитрюга. «Поддержал». Такую развел канитель!

— Вот вы,— говорит,— отличных деталей требуете с каждой операции. Кто против? Все за! Одна запятая: как ее определить, отличную? Брак или не брак — это нам мерители скажут. А кто скажет: отличная или хорошая, хорошая или, к примеру, удовлетворительная? Это как? На вкус? Вкусы-то разные! Я вот, к примеру сказать, стопочку под селедку обожаю, а другой — под грибки... Я вот...

Рассмешил, отвлек людей, остудил...

Кто кричит: «Верно! Двигайте! Мудро!» Кто осаживает: «Разобраться надо». Карпухин торопит: «Ближе к делу»... Ленька, и тот подает голос: «Ничего особенного»...

Начальник цеха шепчет: «Как там, Лука, из парткома еще не звонили насчет этого?» «Нет,— качаю головой,— насчет многих кампаний были звонки, насчет этой не было. Новое, наверно» Вздыхает: «Вот положеньице, и телефона поблизости нет. Штука-то вроде дельная, почему ж про нее не написали нигде?»

Я выступил в заключение, «закруглял». Закруглил, скажу тебе! Вынул конспектик — там двадцать шесть кампаний записаны,— и пошел, и пошел. Отчеканил. Ничего не пропустил. И Маши коснулся в последних словах: «Рациональное предложение, обдумать следует». Обдумать! Что ж не думал до той поры? «Рациональное»! Сорвется с языка такое слово!

Скомкал. Навел тень. Одному Карпухину подсобил. Ему того и требовалось, чтоб начальство этаким холодом фыркнуло на свежий росток...

Досталось мне от Аникеева. Вместе в поселок ехали, уж он меня честил:

— Можно ли так, Лука Герасимович? Зачем про все кампании сразу? Подняли бы одну...

До самого дома он мне про нее говорил, про Машу...

Вот ведь оказывается! Сама растит сестренку. Отец, мать погибли в войну, их трое осталось: хлопца в суворовское определили, ее — в ремесленное, меньшую — в детдом. Так ведь кончила — к себе взяла девочку. Обшивает и кормит, в школу отдала. Сама дома учится: не хочет одну оставлять маленькую, — так, по учебникам, без учителей, девятый класс кончает...

Тоже, называется, «интересовался» молодежью! Ничего, выходит, про дивчину не знал, кроме того, что нормы она перевыполняет.

И не слыхал, что выиграла прошлой весной судебный процесс. А было и такое. Старуха жила у них в доме, пенсионерка, глухая, неграмотная. Нашелся делец — обидел, влез в комнату. Старуха к соседям, понятная вещь. Тут и ввязалась Маша. Он же, делец этот, ходы-выходы наизусть знал. Померялась с ним. Нашла ту дверь, куда при таких оказиях стучатся. Отбила комнату. Первой свидетельницей выступала в суде, не испугалась угроз...

Долго он мне о ней говорил... Когда прикуривали, увидел я: горят глаза у хлопца. Подумалось: «Вот еще я чего не заметил. Что же удивительного? Друг дружке вполне подстать...»

Нет, после собрания шевельнулось дело. С десяток, не то еще больше ребят подхватили ее затею. Но в цехе-то сотни! На заводе — тысячи! Тут бы поддержать их не казенным словом, а с трепетом, со страстью душевной! Руками обеими! Самому! Сесть бы рядышком с ними, обдумать, распланировать. А потом с каждым в цехе поговорить! Всех поднять! С жаром! На весь завод зашуметь...

Не понял! Смелости не хватило подумать, что великое, скажу тебе, всесоюзное дело может родиться вот так, запросто, у меня на участке... Зоркости недостало...

4

...Думаю, они б не помирились со мной, выше бы постучались, пробились... Такого характера: крутехоньки и он и она...

Не понадобилось! Другие выручили. Газета пришла из Москвы. Карточка двух девчат. Лица приветливые, ясные. Та, что слева, чем-то на Машу смахивает... Читаю. Милые! То же самое дело, что у нас затевалось! То самое! Отличное выполнение каждой операции и все такое...

Вот тогда я и вспомнил, что в одну ночь со Стахановым еще не то десять, не то двадцать хлопцев с других шахт на рекорд пошли. Не сговариваясь, пошли! Жизнь, она им в один час нужное слово сказала! И все-таки у Стаханова лучше вышло: Мирон Дюканов был рядом — партийная душа,— светил ему лампочкой...

Первым ко мне кто же прибежал? Он, Ленька!

Бледный, глаза косят, слова не выговорит.

— Что такое? Потолок завалился в цехе? Пожар? Землетрясение?

— Прозевали! — кричит.— Как же это, Лука Герасимович! Ведь это нам бы с ней, с Машей, на этой карточке быть. Ведь им, поди, и лауреатов дадут...

— Да, — говорю, — народ оценит. Ты-то что забегал? Они заслужили...

Головой мотает, рукой за лоб держится:

— Какой промах! Если б знать! В руках такая штука была... В руках, Лука Герасимович, вот что обидно... Я думал, обыкновенное...

И понесся с газетой еще к кому-то тоску-печаль выливать.

И этот, Карпухин, явился. Тычет газету, кривится:

— Промазали, мастер! У меня нюх, дадут за это премию... Как это мы не сообразили?..

Уж тут, извини, не буду рассказывать, что я ему ответил...

К Маше отправился, к Аникееву. Этим-то впору на меня обижаться. Нет, спокойно посмотрели на меня. Она спросила:

— Читали, Лука Герасимович? Надо рассказать нашим... У меня тут было обдумано, а они вот — еще умней...

— То-то,— говорю,— что умней, Марья Тихоновна. У этих-то девчат разве такие мастера да парторги были рядом! Ишь, как раздули! Ишь, как вынесли их! Ишь, как людей зарядили! Думка-то эта сразу сотням в голову запала. К сотням, а теперь и к миллионам пойдет! Вот оно что делает умная партийная рука...

Она утешает:

— Мы наверстаем, Лука Герасимович, у нас боевой народ...

Такая получилась история...

Как же мы навалились на эту затею! Дружно, натиском. Две недели прошло — помолодел цех. В райком приглашали докладывать об опыте...

Что Маша? У меня на участке. Наладчица. Пойдет она в гору, пойдет. Такие не задерживаются на ступеньках. Думаю, и премию в свою пору заслужит. Из этого теста...

А Ленька? Пойми его: в Каховку засобирался после той истории. Без особой ласки поговорить пришлось. Подвел его к станку.

— Вот,— показал,— твоя Каховка, и Волго-Дон твой, и ордена все твои тут, и премии. Передовая позиция. Огневая! Шуруй, друг. С этой позиции все перед тобой откроется...

И в десятилетку вечернюю свел. Дал свой адрес директору. «Смотрите,— попросил,— если что— ко мне». Не получал еще записки...

Когда же все угомонилось и райком похвалил нас за добрый размах, пришел я домой, посидел вечерок, поразмыслил да и объявил себе строгий выговор. От себя. От совести. От чести партийной. И ношу... Заметь: раненько еще снимать...

ДРУЖБА НАУК

Заметки писателя

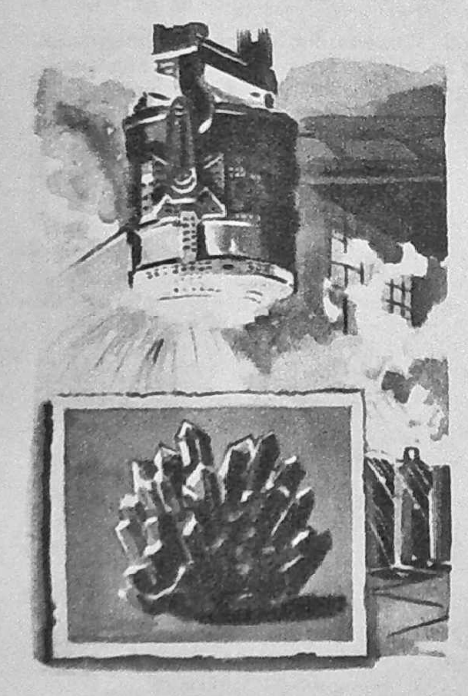
Олег **ПИСАРЖЕВСКИЙ**

Рисунки К. Сергеева

О ней, об этой плодотворной, взаимообогащающей дружбе, мечтал еще Герцен.

«Совершенная отрезанность естествоведения от философии,— писал он в «Письмах об изучении природы»,— часто заставляет целые годы трудиться для того, чтобы приблизительно открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилие тратятся для того, чтобы второй раз открыть Америку,— для того, чтобы проложить тропинку там, где есть железная дорога. Вот плод раздробления наук, этого феодализма, окапывающего каждую полоску земли валом и чеканящего свою монету за ним».

Герцен восставал не против необходимого разделения науки о природе. С углублением наших познаний о мире все больше расслояются и главные отрасли: физика, химия, геология, биология. А выросшие технические дисциплины кажутся подчас совсем узкими. Да это и понятно. Мы гор-

Законы строения кристаллов, открытые физиками, помогают металлургам получать металл нужного строения, а следовательно, и нужных свойств.

димся тем, что в невиданно короткие сроки создали в нашей стране огромную армию специалистов. Нет таких отраслей техники, нет таких направлений науки, которые сейчас не имели бы у нас глубоких знатоков, умелых практиков. Умелых, но не ограниченных! Глубоких, но не замкнутых!

Идеологи буржуазии усердно внушают своим специалистам, что их удел — «чеканить свою монету» за непереходимыми валами узкой специализации. Науку они объявляют совокупностью «технически-полезных рецептов». Этот воинствующий практицизм представляет собой замаскированную диверсию, направленную на разрушение личности. К изучению основ науки допускаются избранные. А взяв наугад любую из пачки популярных, скажем, американских книг о науке, рассчитанных на широкую аудиторию, в девяти случаях из десяти вы наткнетесь на что-нибудь вроде «Тысяча советов по химии».

Зачем стараться понимать, когда все дело лишь в том, чтобы научиться действовать! Подлый расчет, который таится в такой системе воспитания молодежи, состоит в том, чтобы искусственно затормозить рост сознания. Однобокость буржуазного специалиста — это одно из тяжких уродств, наносимых человеку. Обдуманно и последовательно его лишают драгоценного дара творческого мышления, умения рассматривать вещи и явления всесторонне. У него убивают естественное и прекрасное стремление проникать взором в тайны мироздания, охватывать мыслью великое единство природы, постигать изумительную стройность законов всеобщего движения.

Владык капиталистического мира, исполненных ощущения своей обреченности, настолько страшит неумолимая объективность законов истории, заключающих приговор над ними, что идея развития становится им ненавистной. Каждую очередную ломку устарелых понятий в естествознании они спешат объявить крахом науки. «Могут ли быть объективными изменяющиеся понятия?» — вещают они «Это только условное, вспомогательное средство упорядочения наших ощущений...» «Наука не вскрывает сущности закономерностей явлений, поэтому она не имеет никакой познавательной ценности»... Идеализм в руках буржуазии — отравленное орудие воспитания интеллектуальных рабов.

Наша дореволюционная прогрессивная наука питалась из живительного родника идей русской классической философии. Она успешно противостояла, по выражению Тимирязева, волне «метафизического умозрения», разлившейся в науке Запада. Русские естествоиспытатели в массе были материалистами. Жизнь и творчество Менделеева, Тимирязева, Докучаева, Федорова и других неотделимы от передового общественного движения своего времени. Они стремились связать свое знание с кругом других наук и искали путей его практических приложений.

Менделееву помог открыть периодический закон химических элементов чрезвычайно широкий взгляд на сущность химических сил, на связь атомов в мироздании.

Тимирязев, изучая использование света растениями, опирался на материалистическое представление, что великий закон сохранения энергии приложим к живым организмам, что един мир живой и неживой природы.

Докучаев часто говорил о необходимости творческого обобщения новейших открытий естествознания в области географии, геологии, почвоведения, биологии.

Точные методы аналитической и физической химии применил к исследованиям раствора русский химик, последователь Менделеева Курнаков. Вернадский и Ферсман, следуя за Федоровым и Докучаевым, поставили перед наукой задачу прочесть историю странствования каждого отдельного элемента в природе. Физико-химия, ворвавшись в минералогию, выросла в химию земной коры.

В творениях классиков русского естествознания исполнялось предвидение Энгельса, высказанное им в «Диалектике природы»: крупнейшие достижения естествознания действительно зарождались в пограничных областях.

Уже в первые годы существования советской власти стала фактом новая, никогда и нигде невиданная «дружба наук». Этой дружбы — взаимодействия, взаимопроникновения наук — требовали новые задачи общественного хозяйства, впервые объединенного в ведении хозяина-народа.

Эта линия объединения отдельных областей знаний вокруг решения крупнейших задач социалистического строительства была подчеркнута в знаменитом ленинском «Наброске плана научно-технических работ». Одним из первых научных институтов, организованных при советской власти, был Ленинградский физико-технический институт, начавший свою жизнь под лозунгом: «Техника будущего — это физика в ее приложениях».

В Москве был создан первый институт физики и биофизики, а позже — институт биохимии.

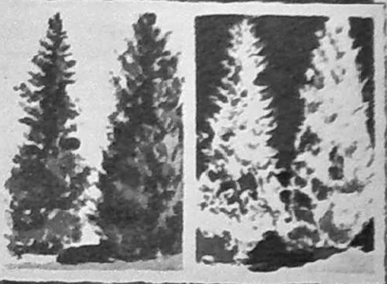
Начали работать первые комплексные экспедиции по изучению производительных сил страны.

Сюда устремлялась молодежь. Это был неслыханный массовый поход в физику, в химию, геохимию. Для новых сотрудников, при-

Ультразвук обнаруживает скрытые пороки отливок.

Новая наука — астроботаника, — пользуясь фотосъемкой в инфракрасных лучах, раскрыла загадку растительности Марса.

шедших в научные институты из вузов в 1923 году, их товарищи, окончившие те же факультеты в 1919 году, были солидными учеными, так как работали в науке уже целых четыре года.

Советская научная молодежь стремилась к конкретной борьбе с природой, к покорению ее. На этой благодарной почве «дружба наук» расцветала пышным цветом.

В первые годы существования физико-технического института молодые ученые сумели «разъять мгновение», в течение которого происходят сложнейшие химические реакции. Они выхватывали и засекали отдельные звенья процесса, из чередования которых он складывался. Раскрытие процессов окисления фосфора привело впоследствии к развитию теории так называемых цепных реакций. Тех самых разрастающихся лавиной реакций, по типу которых происходит распад атомного «горючего» при извлечении атомной энергии.

Новый метод физико-химического анализа вплотную подвел химиков новой формации к открытию величайшего в мире месторождения калийных солей в Соликамске.

Так осуществлялось то самое стремление к сближению отдаленного, к соединению раздельного, о котором мечтал К. А. Тимирязев.

Гигантский путь прошла с тех пор советская наука, развивающаяся на незыблемом фундаменте марксизма-ленинизма. Она помогает советскому народу полнее раскрывать и лучше использовать на благо людей богатства и силы природы. Руководимая Коммунистической партией, вооруженная теорией творческого марксизма, она решает насущные задачи народного хозяйства. Советская наука сильна не только отдельными достижениями. Ее сила — в тесном единении с высшей техникой, в широте и монолитности ее фронта.

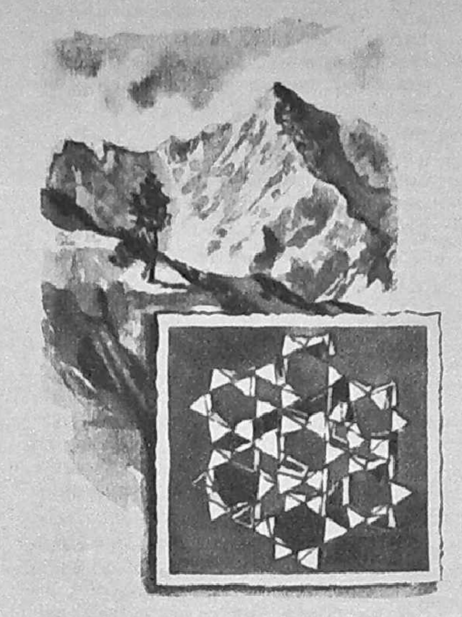
Агрономия оплодотворилась принципами мичуринской биологии. Павловское учение открыло возможность изучать поведение животного и человеческого орга-

низма, создало теорию взаимоотношений живого организма со средой. Оно приобретает ведущее значение не только в физиологии, но и в биологии, в медицине, педагогике, философии. Используя методы смежных дисциплин, советские космогонисты успешно осветили издавна волновавшую человечество проблему происхождения звезд и планет. Ученые разных специальностей в более короткие сроки, чем это было сделано в США, решили задачу освобождения атомной энергии.

На стыках, на «перекрестках» отраслей наук создаются новые направления.

В нашей стране родилась геохимия, сочетавшая в себе решение величайшей загадки мироздания и практических задач народного хозяйства. Принятая на вооружение сталинских пятилеток, она оформилась и как метод научного мышления, и как орудие поисков ископаемых богатств, и как плацдарм соединения творческих усилий разведчиков недр и технологов — основателей новых производств. Геохимики доказали, что между природными процессами и процессами технологическими не должно существовать разрыва. Наука перебрасывает между этими процессами мост, по которому, как говорил еще Менделеев, движение происходит в обе стороны. Геохимические представления проникают в металлургию, они лежат в основе новой промышленности каменного литья, отлично заменяющего в ряде производств металл.

Биологическая химия, или биохимия,— наука, изучающая химические свойства живой материи, процессы течения обмена веществ в организме,— перевернула всю технологию производств, занятых переработкой растительного сырья. Оказалось, что изготовление ароматных чаев, душистого табака, тончайших вин, выпечка хлеба высокого качества из любой муки зависит от действия «ключей жизни» — ферментов, ускорителей химических процессов не только в живых организмах, но и в производственных смесях. Биохимия позволила создать крупные механизированные

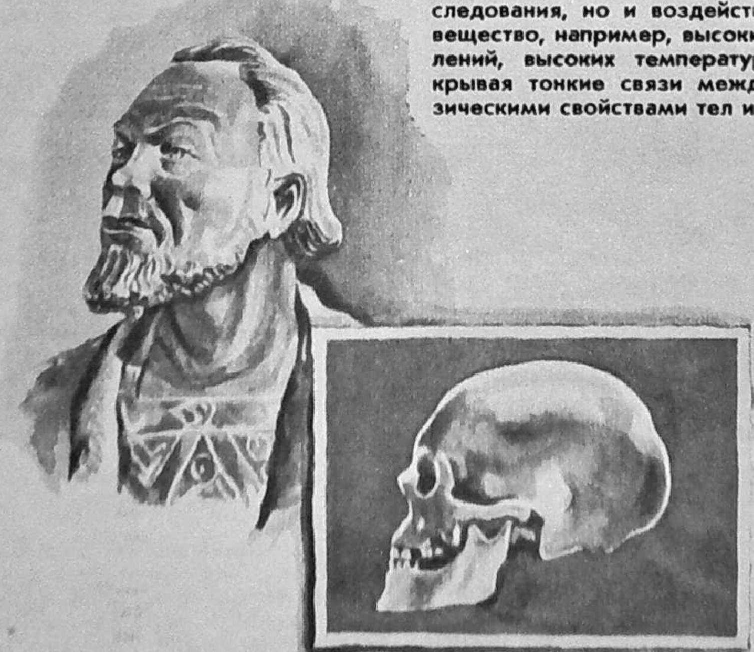
Кристаллохимия в союзе с минералогией познает геохимические процессы земной коры.

производства на месте прежних кустарных промыслов, руководимых чутьем мастеров-эмпириков.

Биохимия привлекается медициной для распознавания болезней и их лечения. По существу, биохимическим средством является введенный Павловым в медицинскую практику желудочный сок, восполняющий при заболеваниях пищеварительных органов недостаток естественных ферментов. Биохимия выяснила секреты действия «веществ жизни» — витаминов, предохраняющих и избавляющих от рахита, цынги и других тяжелых заболеваний. Она открыла путь искусственного создания таких могучих лечебных средств, как гормоны, вырабатываемые в организме железами внутренней секреции.

А чисто химические школы страны! Они также переживают огромный взлет, разрушая искусственные перегородки, некогда воздвигнутые между разделами единой науки. Мы наблюдаем это на примере сближающих органическую и неорганическую химию исследований нового типа — металлоорганических и кремнеорганических соединений.

Красной нитью проходит через творчество советских химиков-органиков смелое внедрение физических методов не только исследования, но и воздействия на вещество, например, высоких давлений, высоких температур. Открывая тонкие связи между физическими свойствами тел и их химическим составом и строением, физико-химия дает возможность управлять этими свойствами.

Методы антропологии позволили восстанавливать живые черты исторических лиц, умерших сотни и тысячи лет назад.

Тщетно пытаться исчерпать примеры выдающихся научных достижений, основанных именно на последовательном воплощении принципа «дружбы наук». Можно было бы рассказать еще о том, как химики восстали против траты сотен тысяч рублей, напрасно расходуемых на бурение разведочных скважин на нефть. Сейчас всего лишь на трехметровой глубине отбираются пробы газа, просочившегося из нефтеносных глубин на поверхность земли. Физики создали такие приборы, которые дают точные показания, даже когда на миллион частей воздуха приходится всего одна часть нефтяного газа. Скупые показания приборов позволяют уверенно определять границы нефтеносных площадей.

Луч света, направленный геофизиком, врывается в далекие слои стратосферы, рассказывая об их строении.

В последнее время возникает творческое содружество ученых астрономов, климатологов, гидрологов, биологов и специалистов сельского хозяйства. Все они пришли к мысли о необходимости комплексного разрешения важнейших проблем Солнца. Только таким путем можно вскрыть связь между солнечной радиацией, движением газовой оболочки нашей планеты, в которой совершается преобразование солнечной энергии, и реакциями на космическую энергию органической жизни Земли с ее своеобразной ритмикой.

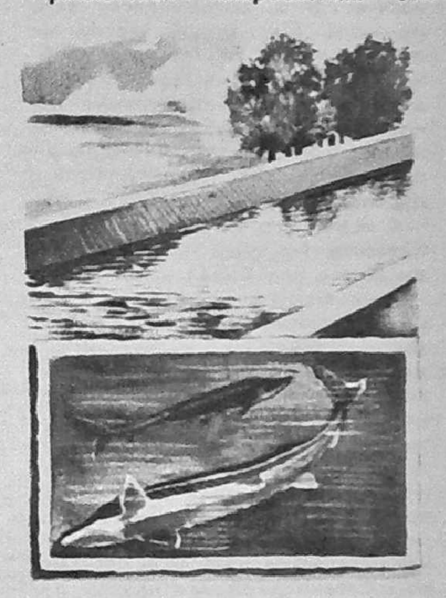
В самой советской науке заложены все предпосылки для развития замечательных процессов взаимного обогащения смежных отраслей. Лучший пример тому — великий сталинский план преобразования природы. Осуществление его требует одновременных и объединенных усилий представителей сотен разных областей знания. Инженеры создают непревзойденные технические сооружения. Агрофизики отыскивают новые способы закрепления сыпучих песков. Агробиологи ищут ускоренные методы разведения лесов. Энтомологи изучают фауну вредных насекомых, разрабатывают приемы защиты степных лесопосадок. Ихтиологи заселяют созданные в степях «моря» наиболее подходящими породами рыб. Все находят приложение своих творческих идей, вплоть до археологов, новыми методами аэрофотосъемки восстанавливающих следы древних оросительных систем, по которым пойдут новые каналы.

Но не следует думать, что все протекает гладко, само собой. Многое сделано, но еще больше предстоит свершить, чтобы широко внедрить достижения одной науки в смежные, еще в большей степени сплотить коллективную мысль вокруг комплексных проблем современности.

«Надо понять и работникам научных учреждений и производственникам, что ведомственное разделение в Советской стране имеет только организационный смысл, — писал академик С. И. Вавилов.— Надо достигнуть того, чтобы в нашей деятельности творческая научно-техническая мысль и производство слились в одно неразрывное целое».

Эту же мысль развивает в своих выступлениях и президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов. Обращаясь к академическому собранию, он называл те участки, где преобладает сама по себе полезная описательная наука, но не поднята на должную высоту наука экспериментальная. «Благодаря такому положению гораздо слабее, чем это необходимо, развиваются пограничные науки, где обычно можно ожидать наибольших успехов и наиболее быстрого продвижения. Таковы в разной мере биофизика, биохимия, химия биогенных соединений, и белка в частности... химическая физика, физиология микроорганизмов и т. п.».

Вот один из названных им интересных и поучительных примеров. В нашей стране создано мощное средство науки — ультрафиолетовая микроскопия. Она

Биологи в содружестве с гидрологами создают «вторую природу» в новых водоемах страны.

позволяет рассматривать цветные изображения тел и структур, находящихся по своим размерам далеко за пределами разрешающей способности обычного микроскопа. Однако и биологи, и химики, и металловеды, и минералоги очень слабо воспринимают это средство исследований. Химики еще мало используют физику, так же как биологи — химию.

Дальнейшим успехам в развитии «дружбы наук» будет способствовать организующее воздействие планового начала советской науки. Планирование — это творческий процесс. Ведь важно найти проблемы, решение которых дает наиболее плодотворный толчок развитию науки и поднимает на новый уровень советскую технику. Такова одна из целей обширной координационной деятельности Академии наук СССР. В коллективном труде представителей многих наук и десятков разных ведомств решаются животрепещущие проблемы, выдвигаемые великими стройками коммунизма.

Ключ к воспитанию цельного, широкого научного мировоззрения — овладение марксистско-ленинской теорией, вооружающей человека вернейшим методом познания мира. Этот метод учит рассматривать все явления природы и общества в диалектической взаимосвязи, в развитии, в движении, в постоянном нарождении нового и отмирании старого. Революционная теория марксизма-ленинизма дает людям науки образцы смелого творческого дерзания, глубокого проникновения в законы жизни.

Вдохновенный художник

К 80-летию М. М. Пришвина

Лет пятнадцать — двадцать тому назад М. М. Пришвин задумал построить себе охотничий дом-дачу, где можно было бы отдыхать, наблюдать природу и работать. При встрече со мною он спросил, не знаю ли я подходящего места для такой дачи. Вопрос был нелегкий. Я-то догадывался, чего он ищет. Ему подай место, не очень далекое от Москвы, удобное во всех смыслах: богатые дичью леса, без консервных банок и газетных обрывков на полянах, богатые рыбой водоемы-озера, хорошая река, болота с дупелями и бекасами.

Я повез его на «смотрины» в Калининскую область, к верховьям Волги, где бывал на охотах.

Дело было в декабре. На станции мы нашли подводу. Колхозник посадил нас в неказистые дровни, и сытая лошаденка бойко затрусила по торной, блестевшей под зимним солнцем дороге. Проселок был недавно проложен в сосновом бору. Канав на обочинах строители не успели прорыть. По обеим сторонам дороги торчали свежие пеньки. Чтоб не вывалиться на ухабах, Михаил Михайлович держался правой рукой за ободок саней. На раскате дровни внезапно ударились боком о пень. Михаил Михайлович не отдернул руку с ободка, ему ободрало кожу на пальцах и тыльной стороне ладони.

Бинта не было. Я обмотал пораненную руку носовым платком и предложил вернуться к станции.

— Ничего страшного нет, — спокойно сказал Михаил Михайлович. — Да и не люблю я поворачивать назад с полдороги.

На берегу Волги мы слезли с дровешек, пошли осматривать окрестности. С высокого холма были видны густые леса Заволжья, припорошенные куржаком. С реки начисто выдуло снег, синий лед ослепительно сверкал под нежарким солнцем. Слева от нас, в обширной низине, покрытой редкими кустами, мышковала матерая огневка. Она грациозно подпрыгивала, разгребала передними лапами снежную пелену, поднимала трубою пушистый хвост. До чего же хорош был огненно-красный зверь на белом, искрящемся снегу!

Михаил Михайлович смотрел на лису зорким охотничьим глазом и долго молчал. На смуглом, обожженном морозцем лице блуждала радостная улыбка.

— А ведь из овражка можно подползти, — сказал он. — Увлечена, не заметит. Эх, белого халата нет!

Он покосился на ружья, стоявшие в передке саней, вопросительно глянул на меня:

— Может, попробуем, а? Чудесная же огневочка!

Я улыбнулся, покачал осуждающе головой:

— Укроти свое сердце, охотник! С покалеченной рукой за лисицами ползать нельзя!

Словно очнувшись, он посмотрел на повязку и покорно зашагал к саням.

Вечером подъехали к деревне, зашли к знакомому колхознику попить чайку. На огонек в избу забрел мой старый приятель-охотник, кузнец Федор, подсел к столу, стал рассказывать о деревенском житье-бытье, о своих охотах. Говорил он сочно и складно, пересыпал речь хитрыми мужицкими пословицами. Слова у него были весомые, емкие.

Михаил Михайлович, отодвинув недопитый стакан, слушал кузнеца с родственным вниманием, добродушно улыбался прибауткам, задавал вопросы.

— Погодите, это надо записать, — живо сказал он, прерывая повествование кузнеца об украденных гусях с лиловыми шеями.

Он достал блокнот, склонился над столом. Распухшие багровые пальцы плохо держали карандаш. Временами Михаил Михайлович морщился, встряхивал руку, словно пытался сбросить боль, мешавшую заниматься делом, и быстро-быстро водил карандашом по бумаге.

Я смотрел на него и думал о другом неистовом художнике — Илье Ефимовиче Репине. Когда у Репина паралич свел правую руку, он, глубокий старик, научился держать кисть левой рукой и продолжал трудиться над своими картинами.

А кузнец, поощренный вниманием заезжего человека, разошелся вовсю, рассказывая одну историю за другой. М. Пришвин писал и писал. С повязки на блокнот капала кровь.

— Позвольте, Михаил Михайлович, буду записывать, — сказал я, потому что было тягостно смотреть на его пальцы, едва державшие толстый карандаш.

— Ах, не мешайте, пожалуйста! — взмолился он. — Вы не можете помочь! Я же не все записываю, кое-что изменяю по-своему на ходу.

Он закурил папиросу и продолжал запись. У него было счастливое лицо человека, нашедшего то, что он долго и упорно искал. Передо мною сидел вдохновенный художник. Он видел прекрасную «натуру», записывал ее, и ничто не могло его остановить, помешать ему. Весь он был во власти всесильного искусства, которое захватывает творца и держит его в плену всю жизнь.

Мне была известна биография М. Пришвина, известна каждая написанная им страница. Казалось, я знал его. А это знание было приблизительным. Лишь в этот вечер душа его раскрылась предо мною во всем ее обаянии: я по-настоящему — умом и сердцем своим — понял его как художника, и многое из написанного им представилось в новом свете.

Понял я, почему он полвека тому назад, не имея гроша в кармане, отправился за сказками в края непуганых птиц, к истокам фольклора, и даже мысли у него не было, какая от этих сказок будет корысть.

М. Пришвин определяет художественный талант как способность славить зарю, но не самому славиться. В основе этой формулы лежит глубочайшая и верная мысль об искусстве, призванном служить миллионам людей.

Михаил Михайлович Пришвин. Фото Н. Тункеля

Нет нужды пересказывать содержание пришвинских книг. М. Пришвин — один из наиболее читаемых писателей нашей страны. Что же привлекает нас в творчестве этого писателя? Правдивость изображения, искренность, поэтичность каждой строки.

Каждая новая книга М. Пришвина входит в жизнь всерьез и надолго, как все настоящее, созданное чистым вдохновением певца, который неустанно славит зарю. По первым фразам мы узнаем рассказ Пришвина, не глядя на подпись автора. Язык его прост и могуч, богат красками, интонациями. Он никогда не занимается так называемым словотворчеством, не выдумывает новых словечек, избегает даже пользоваться редкими словами, собранными В. Далем. Он строит фразу из самых обыденных слов, но ставит эти слова в такие сочетания, что речь звучит, как художественное откровение.

«Жень-Шень», «Фацелия», «Лесная капель», «Кладовая солнца» и многие другие вещи М. Пришвина — это поэмы в прозе. Они музыкальны фонетически, музыкальны по ритму, наполнены радостью ощущения жизни, пронизаны ласковым солнцем и светом. Это прекрасные родники поэзии, прославляющей природу и человека, творца и созидателя, хозяина природы.

Говоря о художественной литературе, у нас нередко путают природу с пейзажем. М. Пришвин пейзажей не пишет. Он изображает жизнь природы во всех ее формах и сложнейших проявлениях. В этом смысле он не имеет себе равных ни в прошлом, ни в настоящем. Он и географ, и геоботаник, и зоолог, и гидрогеолог, и фенолог, и экономист, когда нужно, а над всеми этими специалистами в нем господствует художник, обобщающий, синтезирующий наблюдения с необыкновенным тактом и чувством поэтической меры.

М. Пришвин любит природу едва ли не более всего на свете. Но это суровая и умная любовь. Он далек от слащавого умиления перед красотами природы. Ему претит сентиментально-идиллическая литература. Он подходит к природе как художник-ученый, как гордый и сильный человек, чтоб познать и переделать ее на пользу человечества. Эту особенность М. Пришвина отмечал М. Горький.

М. Горький, будучи зрелым мастером, учился языку у М. Пришвина и призывал других учиться у него.

Нам предстоит еще немалая борьба с серостью в искусстве. В этой борьбе мы опираемся и на М. Пришвина, который дает высокие образцы словесного искусства, наглядно показывает, как надо распоряжаться словом.

М. Пришвину восемьдесят лет. Но он завидно молод, здоров физически и духовно, полон творческой энергии, неутомим в поисках новых впечатлений. Последняя его книга, «Заполярный мед», — едва ли не самая молодая и жизнеутверждающая из его книг.

И нет сомнения, что этот взыскательный мастер, вступая в девятое десятилетие своей жизни, еще удивит и обрадует нас новыми творениями о советском человеке — строителе коммунизма.

Иван АРАМИЛЕВ

Амариллисы

Убаюканная снежными вьюгами природа еще покоится в глубоком сне, а у любителей комнатных растений во второй половине зимы зацветают первые амариллисы. На высоких стрелках раскрываются крупные, похожие на лилии нежноатласные цветы изумительных окрасок: яркокрасные и темновишневые, оранжевые, малиновые, розовые, белые и почти голубые. Быстро вытягиваются вслед за ними темнозеленые листья, усиливая красоту пробуждения амариллисов.

Цветение амариллисов в эту раннюю пору достигается соблюдением несложных правил ухода за ними. Покоящиеся в темном, прохладном месте луковицы переносят в теплое помещение и этим ускоряют созревание их цветочных почек. Растения еще не поливают, так как под действием тепла цветочные почки развиваются за счет питательных веществ, накопленных в луковицах. Преждевременная поливка вызовет сразу большой расход этих веществ на развитие корней и образование листьев, отчего приостановится рост цветочных стрелок, завянут и опадут бутоны.

Когда головка стрелки с бутонами выйдет из луковицы не менее чем на три четверти, начинают увлажнять земляной ком. Воду комнатной температуры (иногда для более ускоренного развития амариллисов воду подогревают) наливают сначала на поддонник и держат ее до того момента, пока увлажнится, потемнев, поверхность кома, затем воду сливают. Но вот цветочные стрелки поднялись еще на пять сантиметров, теперь горшки переставляют поближе к светлому окну, а через два — три дня — на подоконник и обильно поливают землю утром и вечером, оживляя корневую систему и вызывая бурное развитие не только цветов, но и листьев. Лишнюю воду обязательно сливают с поддонников, чтобы от застоя ее не погибли корни. А если хотят задержать цветение некоторых амариллисов, то их луковицы, даже начавшие выбрасывать цветочные стрелки, снова помещают в темное, прохладное место и оставляют в покое. Побуждая одни луковицы цвести раньше, а другие позже, можно иметь амариллисы многих сортов не только до конца зимы, но и всю весну.

Луковицы взрослых амариллисов пересаживают ежегодно после цветения, а плодоносящие — после сбора семян, стараясь не сломать новые сочные корни. Отмершие и больные корни удаляют острым ножом, а поломанные обрезают до здоровой мочки. Срезы и новую оболочку донца луковицы посыпают порошком древесного угля.

Землю для амариллисов составляют, тщательно перемешивая, из двух частей глинистой дерновой, одной части лиственной, одной части выветрившейся торфяной и одной части хорошо промытого речного песка. На дне горшков устраивают небольшой дренаж из мелких черепков и песка. Луковицы сажают так, чтобы они наполовину выступали над краями горшков.

Летом часть амариллисов зацветает вторично. А осенью, когда опадет листва, прекращают поливку луковиц почти на все время их зимнего покоя, хранят их в темноте и прохладе, оставляя землю увлажненной лишь настолько, чтобы только не отсохли корни.

П. ЧУМАК

По чертежам И. И. Ползунова

Недавно при Свердловском ремесленном училище № 3 открылся кабинет юного техника и изобретателя, оборудованный фрезерными, токарными, сверлильными станками, слесарным и столярным верстаками и паяльным столом.

Вскоре от ребят поступило несколько рационализаторских предложений, вслед за этим из Москвы пришло приглашение участвовать в Всесоюзной выставке технического творчества учащихся учебных заведений Министерства трудовых резервов.

Ребята решили представить на выставку действующую модель паровой машины своего знаменитого земляка И. И. Ползунова. В кабинете юного техника закипела работа.

...Вот склонились над чертежами паровой машины комсомольцы, ученики восьмой группы слесарей Герман Калинин, Гавриил Князев, Иван Беляев. Они уже сделали сотни сложных деталей. Им помогали рабочие Свердловского завода транспортного машиностроения.

В очень короткий срок юные техники соорудили сложную машину по сохранившимся чертежам ее автора — И. И. Ползунова.

И. ШУБИН

Ученики ремесленного училища у модели паровой машины И. И. Ползунова.

Из почты «Огонька»

ЗВЕРОЛОВ

Утро в тайге светлое и тихое. Ночью выпал глубокий снег, и он ослепительно сверкает под ярким солнцем.

Две лохматые охотничьи собаки, хрипло дыша, бегут по кабаньей тропе. Она поднимается по косогору вглубь дубового массива. За собаками на коротких лыжах идет охотник из колхоза «Красный Октябрь» И. И. Калугин.

Успешно выполнив план сдачи пушнины, он занимается необычной охотой — отловом зверей для зоопарков.

Несколько дней Иван Иванович выслеживал стадо кабанов и наконец сегодня благодаря глубокому снегу настигает его. Охотник прислушивается к отрывистому, переходящему иногда в визг лаю собак.

— Взяли! — убежденно говорит Калугин и быстро бежит по следу.

Охотник не ошибся. Собаки догнали стадо. Дикие кабаны идут друг за другом вслед, прокладывая узкую тропу. Это облегчает их лов. Хорошо натренированные собаки набрасываются на последнего кабана. Испуганное животное сворачивает с тропы в глубокий снег и становится беспомощным. Собаки хватают его за уши, не давая вернуться на тропу. Стадо уходит вперед, а к атакованному собаками кабанчику подходит охотник. Иван Иванович ловко набрасывает на голову животного мешок. Кабан затихает. Тогда охотник связывает ему ноги, перевязывает морду, и животное оказывается как бы в наморднике. Таким же приемом был пленен и второй кабан.

Теперь можно возвращаться к зимовью. Тащить добычу тяжело. Иван Иванович находит выход. Он надевает на кабанчиков ошейники и ведет их, как собак, на поводу. Животные послушно идут по лыжне. Но лыжня узкая, и кабанчики то и дело сталкивают друг друга в снег и затевают драку. Охотнику надоело их разнимать, и он, связав, уложил одного на лыжи, а второй покорно побежал впереди на поводке.

Владивосток.

А. ВЕРГУН

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

От сложения взятых по порядку семи чисел получена сумма 4 522.

Найдите слагаемые.

Б. Федоров

ИЗ ИСТОРИИ КОМПАСА

Кем и когда был изобретен компас, еще не установлено. Одни приписывают честь изобретения этого важнейшего в кораблевождении инструмента китайцам, другие — индийцам, указывая дату изобретения: 37-й год новой эры. Иные приписывают это изобретение арабам или утверждают, что компас был вывезен в Европу из Малой Азии знаменитым путешественником Марко Поло. Некоторые исследователи называют изобретателем компаса крупнейшего естествоиспытателя XIII века Рожера Бэкона.

Имеются данные, что компас был уже известен в XII веке: в 1180 году французский поэт Гюйо де Провен говорит о нем в одном из своих стихотворений.

В половине XV века в Италии возникла легенда, что компас был изобретен моряком Флавио Джиойа. Легенда рассказывает, что Флавио родился и жил в приморском городе Амальфи. Был он сначала простым ремесленником — чеканил металлические изделия и украшал их инкрустациями. Несмотря на бедность, он всегда был весел и с утра до вечера пел песни, за что его и прозвали Джиойа, то есть радость. Так бы и продолжал он работать, если бы не встретил красавицу Анджиолу, дочь рыбака Доменико Муло. Влюбленный Флавио стал просить рыбака отдать свою дочь за него замуж. Доменико сказал ему: «Я отдам за тебя свою дочь, если ты добьешься, чтобы моя лодка ходила по прямой линии». Остров, у берегов которого он закидывал сети, был удален на несколько миль в море. Достигнуть его по прямой линии было обычно трудно, так как этому почти всегда мешал густой туман. Флавио предстояла нелегкая задача, но он разрешил ее. У него был магнитный камень, притягивающий мелкие кусочки железа. Чтобы иметь его под рукой во время работы, он клал этот камень на кусочек пробки, плавающей в тазу с водой, всегда стоявшем рядом с рабочим местом мастера. Однажды он заметил, что пробка с магнитом обладает свойством останавливаться на определенной точке. Это открытие помогло ему сделать компас. Каким образом Флавио узнал, что магнитная стрелка указывает Север, об этом легенда умалчивает. В ней только рассказывается, что Флавио снова запел свои песни, работая уже не над инкрустацией металла, а над инструментом, который состоял из тонкой стальной иглы, лежавшей свободно в равновесии на верхней точке серебряного конуса. Таким образом, компас был изобретен, и Флавио Джиойа женился на дочери рыбака.

Возможно, что Джиойа, не легендарный, а действительно существовавший в XIV веке моряк, имел какое-то отношение к компасу; может быть, он усовершенствовал его; известно, что от него это изобретение было принято в библиотеку Карла V в 1364 году. Город Амальфи несколько раз отмечал торжествами дату рождения Джиойа.

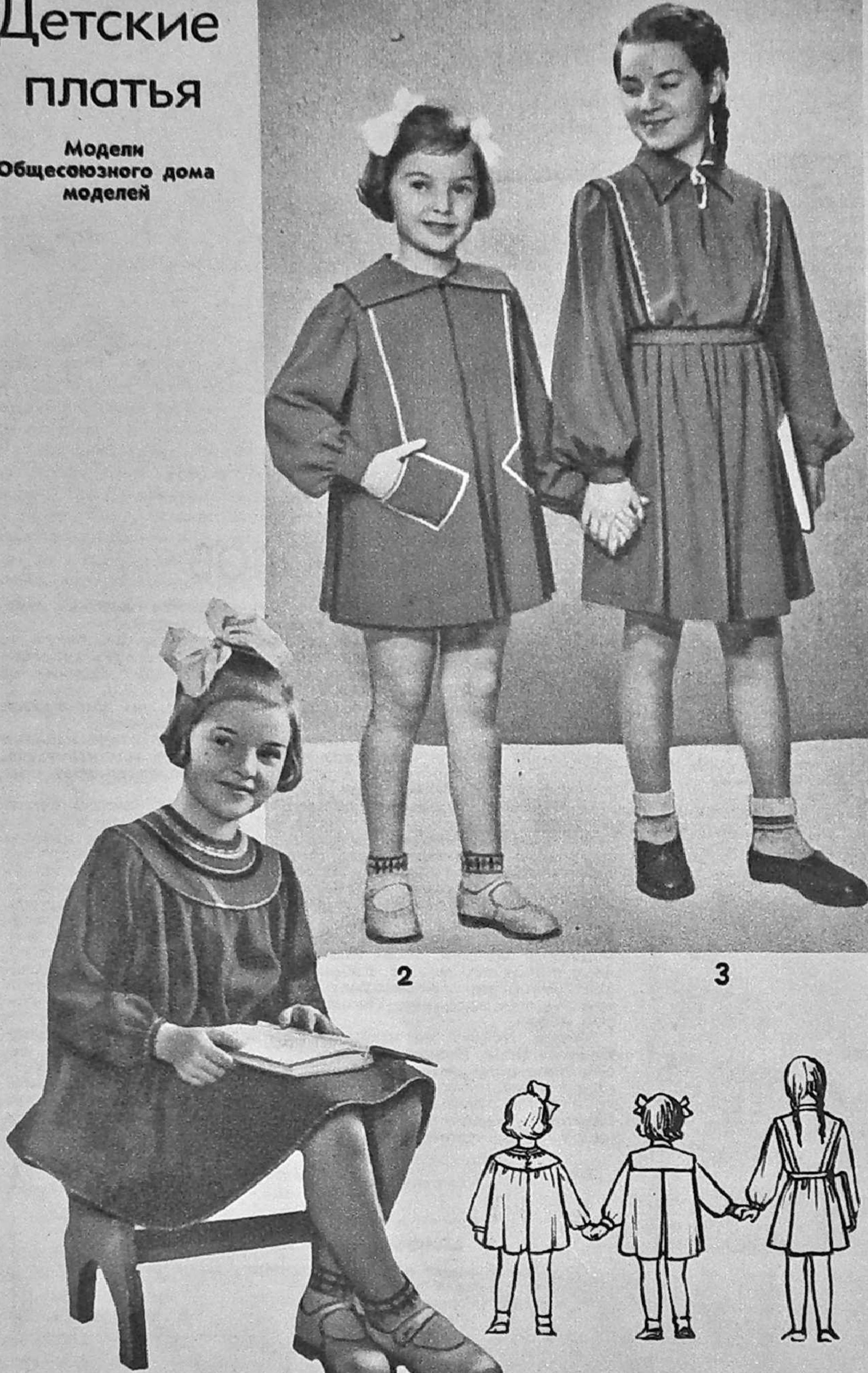
Компас был исстари знаком и русским мореходам, и у него было свое русское название. В недавно опубликованной работе Б. Л. Богородского «О мореходных терминах» (Институт языкознания Академии наук СССР. Доклады и сообщения. Вып. 1-й) доказано, что «матка» есть «древнейший и притом свой русский термин для обозначения компасного прибора». Давнее и широкое распространение этого термина подтверждается народными пословицами: «Квочка цыплят, а матка корабли водит», «Матка водит, судно ходит». В речи беломорцев компас почти до наших дней назывался «маткой». Им пользовались не только русские мореходы, но и зыряне-охотники, тоже называвшие его «маткой». Повидимому, в широкое пользование этот ценнейший прибор ввели новгородцы, которые и перенесли старый новгородский термин «матка» на побережье Белого моря. Картушка «матки», как и у западноевропейского компаса, была разделена на 32 румба. Другим, более поздним термином, обозначавшим компас, был «матошник». Термин этот бытовал в западных областях и оттуда вошел в официально-деловой язык Московского государства.

Свидетельства иностранных мореходов, показания исторических документов и данные фольклора красноречиво говорят о том, что в XVII веке «судовая культура у русских достигла высокой ступени развития, русские были настоящими моряками-профессионалами. В их руках был уже компас, но они продолжали называть его старым привычным словом «матка», пока рядом с этим термином в словарном составе языка не появилось интернациональное «компас» (Б. Л. Богородский). Термин этот вошел в употребление при Петре Первом. Источник его — итальянское «compasso». Этим объясняется произношение «компáс» в петровскую эпоху, с ударением на последнем слоге. Такое произношение устойчиво держалось до начала XIX века, когда параллельно возникло другое, с ударением на первом слоге. Однако старинная форма, с ударением на последнем слоге, до сих пор сохранилась в профессионально-морской среде.

Н. АШУКИН

Детские платья

Модели Общесоюзного дома моделей

1. Платье свободной формы из шерстяной ткани для дошкольного возраста. Кокетка, низ платья и рукава отделаны пестротканной каймой, заменяющей вышивку. Застежка сзади на кокетке.

Авторы модели — Божнева и Вышеславцева

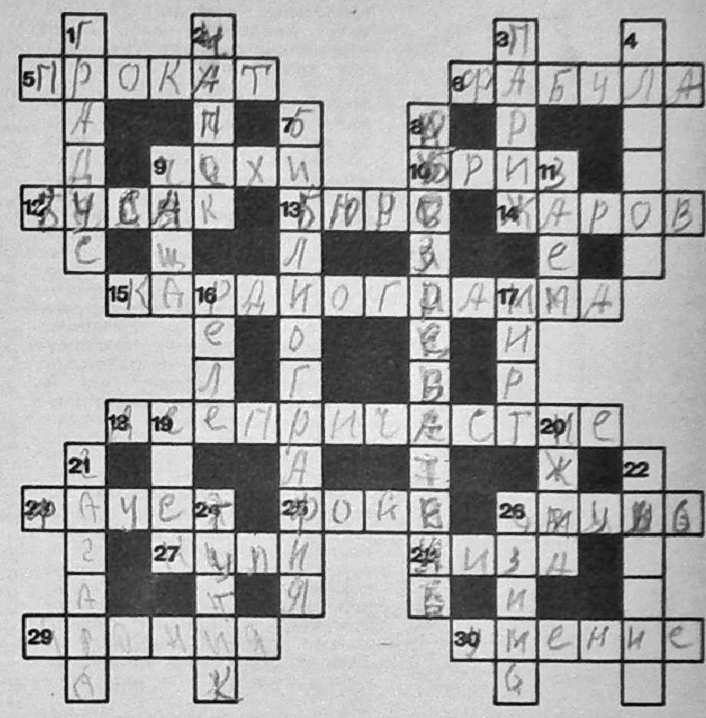
2. Платье из шерстяной или шелковой ткани, расклешенное, с большим воротником и накладными карманами. Спереди заложена двойная встречная складка, вверху в складке застежка. Платье отделано несложной ручной вышивкой шерстяными нитками. Сзади встречная складка.

Автор модели — Свешникова

3. Платье для школьного возраста из шерстяной ткани или плотного шелка, отрезное по талии. Перед и спинка лифа настрочены на бока отлетными складками. На широкой юбке спереди заложены встречная и две односторонние складки, сзади бантовая. По талии платье собрано на резинку. Лиф отделан вышивкой шерстяными нитками.

Автор модели — Тимченко

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Металлические изделия определенного профиля. 6. Содержание литературного произведения. 9. Славяне. 10. Легкий ветер. 12. Заяц. 13. Название учреждения. 14. Советский поэт. 15. Графическое изображение движений сердца. 18. Глагольная форма в грамматике. 23. Произведение Гете. 25. Помещение в театре. 26. Рыба из семейства лососевых. 27. Рабочий в некоторых странах Азии. 28. Персонаж из «Горе от ума» А. Грибоедова. 29. Тонкая насмешка. 30. Способность, приобретенная знанием, опытом.

По вертикали:

1. Единица измерения. 2. Чехословацкий писатель. 3. Роман Э. Золя. 4. Расписной или лепной потолок. 7. Перечень и описание книг. 8. Специальность журналиста. 9. Густой лес. 11. Финансовая операция. 16. Устройство для включения в электрическую цепь. 17. Вечнозеленый кустарник. 19. Курорт на Азовском море. 20. Приток Печоры. 21. Северная водоплавающая птица. 22. Переложение для рояля оркестрового произведения. 24. Железнодорожный станционный путь. 26. Посев.

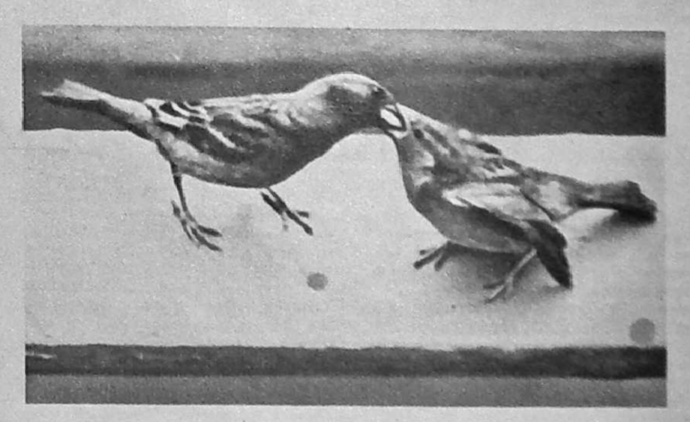
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

6. Аорта. 9. Бейрут. 10. Стадия. 11. Титул. 12. Вакуум. 13. Офицер. 14. Эстафета. 17. Контраст. 20. Мальта. 21 Соната. 24. Давыдова. 27. Валторна. 31. Аспект. 32. Иловля. 33. Оплот. 34. «Тартюф». 35. Египет. 36. Отвал.

По вертикали:

1. Ваттметр. 2. Критик. 3. Заслонов. 4. Десант. 5. Триумф. 7. Радист. 8. Литера. 15. «Слава». 16. Альпы. 18. Рондо. 19. Сатин. 22. Светофор. 23. «Канитель». 25. Вассал. 26. Днестр. 28. Тропик. 29. Рылеев. 30. «Мальва».

Недавно на стадионе «Динамо» во время хоккейного матча мне удалось сфотографировать на местах для зрителей одну заботливую мамашу, которая подкрепляла проголодавшегося малютку.

Н. ВОЛКОВ

В этом номере помещены четыре страницы неопубликованных работ И. Е. Репина и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 01412. Подп. к печ. 27/I 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 81. Заказ № 3315. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СТАЛИНГРАД. В зрительном зале Театра драмы имени М. Горького. Здание театра заново отстроено на месте руин.

Фото З. Григорьева

Цена 3 руб.